

**Д Ъ Т И
А Б Б А Т С Т В А ,
А Г Л И Н С К О Й Р О М А Н Ъ .**

Переведено съ Французскаго
М. Я.

Ч А С Т Ъ В Т О Р А Я .



М О С К В А , 1 8 0 2 .
**Въ Унивѣрситетской Типографіи ,
у Луби , Гарля и Полова .**

**Съ дозволенія Московской
Цензуры.**

Д Ъ Т И

А Б Б А Т С Т В А.

Г Л А В А I.

Не правдали, Гнѣ. Полковникѣ, сказалѣ Оскарѣ: мнѣ воображаешся, что Генералѣ имѣлѣ съ вами рѣчь касающуюся до меня, и я надѣюсь, что вы ничего не скроете отѣ меня изѣ разговора, вѣ копоромѣ честь моя учасш-вуешѣ? — А! сказалѣ Полковникѣ, обрадуясь, что могѣ начать исполненіе своего умоначерпанія; онѣ мнѣ сдѣлалѣ на васѣ нѣкошорыя жалобы. Онѣ соглашаешся, что вы храброй молодой чело-вѣкѣ, но что онѣ никакѣ не можетѣ рѣшилься вознаградишь до-

елюиство ваше, даруя вамъ дочь
 свою и богатство его. — Небо мнѣ
 въ помѣ свидѣтель, вскричалъ до-
 вѣрчивый. Оскаръ, что я нико-
 гда не дерзалъ льститься ни пѣмъ
 ни другимъ; что привязанность
 моя къ его дочери хотя весьма
 нѣжнѣйшая, но всегда была без-
 надежная, и почтеніе мое къ ней
 шоль же безкорыстно, сколь и
 искренно. Я бы легче согласил-
 ся умереть, нежели, объявивъ
 дочери его внушаемая ею мнѣ
 чувства, употребить во зло до-
 вѣренность, копорую онъ имѣлъ
 ко мнѣ; вижу себя ошнѣмъ не-
 щаснѣйше изгнаннаго изъ Вод-
 Лавна. — Нѣшъ, нѣшъ! сказалъ
 Полковникъ: только убѣгайте
 бышь на единѣ съ Аделию. Я
 думаю право, что она болѣе шще-
 славна, нежели чувствительна.
 Совѣшую вамъ въ первое ваше
 посѣщеніе, копорое бы я для сего
 желалъ, чинобъ вы поскорѣ сдѣ-

лали, объяснитъся ей свободнымъ видомъ, что вы имѣли привязанность еще до прїѣзда вашего въ Ирландію. Сіе объясненіе поправишь все вразсужденіи Генерала, кошорой не будетъ васъ болѣе спрашивать для своей дочери; вы не перестанете быть, такъ какъ и всегда, хорошо приняты въ Вуд-Лавнѣ, и наслаждашься во время вашего еще въ сей землѣ пребыванія бесѣдою, къ кошорой вы сполько прїобыкли. — Нѣтъ, сказалъ Оскаръ, я не скажу споль великой несправедливости. — Любезное дитя мое! перехватилъ Полковникъ, слишкомъ жестоки ваши сомнѣнія; для Бога! оставьше романическія свои воображенія; я бы никогда не присовѣщовалъ вамъ сказать какуюнибудь ложь, естлибъ чрезъ шо кому либо вредъ могъ произойти; но нѣтъ ни одного Христї-

анскаго священника, копорой бы не разрѣшилъ васъ на ту, какую я теперь внушаю вамъ.

Положимъ, сказалъ Фитзаланъ, что я бы послѣдовалъ вашему совѣту; но какое же бы ошъ того было для меня послѣдствіе, какъ не то, чтобъ еще болѣе опягчить цѣпи, удручающія сердце мое, и усовершить бѣдствія мои?

По чесши, сказалъ Полковникъ, по вашимъ рѣчамъ и шакимъ опасеніямъ я вижу, что вы еще не входили въ любовныя дѣла съ молодыми пригожими дѣвушками сего государства, до того, какъ съ сею вспрѣпились. Но разсудите прилѣжно, сколь прискорбно вамъ будетъ лишиться дружбы Генерала, и пріятной бесѣды, копорую вы находите въ Вод - Лавнѣ! Сіе весьма спранно покажешся всѣмъ, кои извѣспны были о вашей кѣ нему

приверженности; — да я вамъ еще болѣе скажу: вы обязаны, какъ честной человекъ, исполнить требуемое мною отъ васъ; ибо ежели бы дочь его была сколько неблагоразумна, чтобъ возмущивала къ вамъ нѣкую привязанность, то предлагаемый мною совѣтъ прервалъ бы оную, для того что честолюбіе ея надмѣру велико, чтобъ могла она хотя мало сохранить оной, какъ скоро только узнаете, что имѣете соперницу, и чрезъ то вы совершенно сошлѣиствовали будете намѣреніямъ Генерала.

Любезный мой Полковникъ! сказалъ Оскаръ живѣйшимъ тономъ и съ сверкающими глазами: думаете ли вы находить ее сколько неблагоразумною, чтобъ возвѣщать ей ко мнѣ нѣкошорую склонность?

Я не могу много васъ въ этомъ увѣрять, прервалъ Полков-

никъ ; это такое дѣло , о которомъ никогда не лзя имѣть довольнаго подтвержденія . Однако ешлы вы хошите знать мое мнѣнїе , то по веселому и свободному ея съ вами обращенію я бы думалъ , что сердце ея не шранушо .

Я дѣйствительнѣе думаю , что нѣтъ ! вздыхая сказалъ Оскаръ ; но на что же я сдѣлаюсь виновникомъ во лжи для такой особы , которая ко мнѣ равнодушна ? — Я вамъ сказалъ мое мнѣнїе , съ холодностію прервалъ Полковникъ , а вамъ остается взять ваши мѣры . . . Нѣсколько времени пробыли они , не говоря ни слова . Но скоро о томъ же началась рѣчь , и съ обѣихъ сторонъ многія разсужденія предлагались . Сердце Оскарово втайнѣ одобряло расположение Полковника . Предпринимая оное , онъ не лишался бесѣды Аделиной . Не могъ сне-

спи шой мысли, чшобъ бышь на всегда изгнаннымъ изъ Вод-Лавна. Разсудокъ его усшупилъ жестокости спрасши его, и онъ упалъ въ сбиши, разспавленныя въроломсшвомъ Бельграва, дабы однимъ призракомъ правды опняшь благополучіе, пригошовляемое ему благошворишельнымъ Провидѣніемъ.

О души, прямо справедливыя! не попускайте вести себя спезями лжи; не надѣйшесь никогда досшигнушь благополучія виновными средсшвами! Надежда, льсшящая вамъ досшавишь оное чрезъ сей пушь, походишь на шѣ обманчивые огни, кошорые вмѣсто шого, чшобъ сопроводить въ ночи пушешеспвенника, служашъ ему шолько къ вящшей потерѣ испишной спези.

Скоро послѣ сего пагубнаго Полковнику обѣщанія, нещасшная жершва, сама на заколеніе иду-

щая, отправился въ Вуд-Лавнъ съ своимъ пѣроломнымъ совѣшникомъ. Мисъ Гоней-Вудъ была въ саду, когда они прѣехали. Трепещущій Оскаръ пошелъ туда ее сыскашь, и нашелъ въ бесѣдкѣ изъ цвѣтовъ. Никогда она ему споль прелестною не казалась: жаръ оживлялъ румянецъ щекъ ея, освѣяемыя кудрявыми развѣвающимися волосами ея. Въ минушу, когда увидѣла Оскара, глаза ея блистали сладчайшею вѣжвостію и плѣнительнѣйшею чувствительностію. Любезный Фитзаланъ! сказала она ему, бросая держимую ею книгу и проплывивая къ нему руку: какъ я рада, увидя васъ! и надѣюсь, что вы на нѣсколькихъ дней въ Вуд-Лавнъ расположитесь. — Вы надѣетесь? печально сказалъ ей Оскаръ. — Конечно, отвѣчала она ему. Да что же это значить? вы такъ блѣдны

въ совсѣмъ на себя не похожи ;
 у васъ видъ опчаяннаго пасту-
 ха , которой на первой встрѣ-
 шившейся ему ивѣ гошовъ повѣ-
 сисься. — Я въ самомъ дѣлѣ не-
 щасливъ , отвѣчалъ Оскаръ , и
 вы тому не будете удивляться ,
 когда открою вамъ положеніе
 души моей. — Ну , скажите же ,
 прервала Аделія ; желаю быть
 вашею повѣренною ; и лукаво
 усмѣхаясь продолжала : желаю
 знать причины , къ опчаянію васъ
 побуждающія. — Охотно сообщу
 вамъ ихъ , сказалъ Оскаръ. Мнѣ
 должно повѣдать вамъ мою исто-
 рію. Но ивѣ , не могу того
 исполнить ; пускай же сей лю-
 безный и драгоценный залогъ ,
 сказалъ онъ вынимая изъ за па-
 зухи миниатурной портретъ се-
 сшры своей , вамъ скажетъ за
 меня , возможно ли любящему
 сей предметъ когда либо разлу-
 чаться съ шѣмъ , кого онъ лю-

бить! — Аделія грубо взяла изъ рукъ его портретъ, и невольное шрепешаніе измѣнило чрезмѣрному ея удивленію. Слова не могутъ выразишь ощущаемаго ею движенія при видѣ прелестныхъ чертъ ея мнимой соперницы. И такъ Оскаръ, сей обожаемый ею Оскаръ, кошорому она уповала соспавишь щастіе, и кошорому предлагала соединеніе судьбы своей — Оскаръ вѣ испинну любилъ другую, а не ее. Увы! доказательство шому она вѣ рукахъ своихъ имѣла; вновь разсмашривала портретъ, и мнила видѣшь на ономъ изображеніе гораздо ея превосходнѣйшей красоты. Поблѣднѣли розы на щекахъ ея, мракъ распроширился на глазахъ, и она уронила изъ руки портретъ. Оскаръ шоялъ вѣ бесѣдки, дабы скрышь смущеніе свое. Она вышла, и не говоря ни слова, указала ему

пальцомъ на мѣсто, гдѣ упалъ поршрешъ, и спѣшила уйти домой. Оскаръ, поднявъ его, вскричалъ: любезнѣйшій образъ! на какое горестное послужилъ ты мнѣ употребленіе! Увы! все для меня окончилось. Аделія, моя Аделія! на всегда ее перяю! О Боже! да имѣли ли я когда либо надежду обладать ею? Ахъ, нѣтъ! я никогда не дерзалъ представлять себѣ возможнымъ такое блаженство... Аделія возвращаясь нашла своего отца въ залѣ, въ копорую изъ саду былъ ходъ. Ну! неблагодарная малюшка, не достоинъ ли я поцѣлуя за то, что не хотѣлъ пошревожись вашу бесѣду на единъ съ этимъ клушишкой (Фипзаланомъ)? — Прошу васъ, сказала ему Аделія, не имѣя возможности удержатъ слезы свои, убѣдительно прошу васъ, не говорите мнѣ о немъ болѣе;

уже и такъ слишкомъ много говорено было.

Любезное дитя мое! вскричалъ Генералъ, взирая на нее съ великимъ удивленіемъ: прошу тебя, останови вздохи и слезы твои; скажи мнѣ, что это значитъ? — Я оскорблена, сказала она ему ослабѣвающимъ голосомъ, шѣмъ, что сшолько говорено вразсужденіи меня Фитзалану, кошораго я не иначе, какъ просшымъ знакомствомъ должна счишашь. — Полковникъ, нарочно дожидаящійся въ лѣсочкѣ, вошелъ въ сію минуту. Аделія запрелешала и ушла чрезъ другую дверь. Я праворадъ, любезный мой Полковникъ, что вы пожаловали сюда, сказалъ шарикъ; небольшое междуусобіе зашѣялось у моей дочери съ молодымъ человѣкомъ. Я полагаю, что сія ссора, какъ обыкновенно случающіа въ любви, при-

миреніемъ окончишся ; но скажи-
те мнѣ, какъ онъ принялъ сооб-
щенное вами доброе для него из-
вѣстіе?

Весьма оскорбительно для
здраваго разсудка, сядясь ска-
залъ Полковникъ швердымъ голо-
сомъ, и внутренно радуясь о
успѣхѣ своей хитрости — видѣшь
людей, не знаю какимъ — по зло-
щасіемъ влекомыхъ, отвергаешь
предлагаемое имъ благо для того,
кошораго они достигнуть не мо-
гутъ; и какъ дѣшей, бросавшихъ
и теряющихъ игрушки, дабы до-
гнашь издѣвающуюся надъ ними
пшицу. — Эшо великая справедли-
вость, сказалъ Генералъ, и пра-
во такъ хорошо сказано, что я
сомнѣваюсь, чшобъ и священникъ
полковой когда либо лучше ска-
залъ. Но, любезный Полковникъ,
говорилъ онъ ему, ударивъ Бель-
грава по колѣну, чшо же сва-
залъ молодой человекъ? Я очень

досадую, Господинъ Генералъ, бышь
обязаннымъ признацца вамъ,
что начашое мною разсужденіе
совершенно къ нему опносилось.
Онъ признаешъ доспоинство ва-
шей дочери, превозносишъ вели-
кодушіе ваше; но отказывается
приняшь предлагаемое вами, по
причинъ давнешней его привязан-
ности, кошорой онъ не въ силахъ
осшавишь, кошя ни малаго не
можешъ надбяться успѣха.

Какая дьявольщина! онъ от-
казываетъ? вскричалъ Генералъ
шопчасъ, какъ бѣшенство и уди-
вленіе позволили ему обьяснять-
ся. Безумецъ! дурачишка! неблаго-
дарной! другая привязанность!
отказашъ моей дочери! моей
Адели, кошорая возбуждаешъ
исканія шоль многихъ,
гораздо болѣе его спюю-
щихъ людей! И я увижу во всей
спранѣ нашей произшествіе сіе
обнародованнымъ; вездѣ услышу

переговоры, что дочери моей показано; и ошъ кого? ошъ ма-
люшки Прапорщика, кошораго
все богатство состоишъ въ шпа-
жонкѣ его Изрядную право
свигралъ я игру! Но ежели без-
умецъ сей ошворишъ рощъ обѣ
ономъ, по пускай порошъ ядомъ
мишъ послужишъ, ежели не извле-
ку онымъ полного себѣ мщенія! —
Любезный Генералъ! сказалъ Пол-
ковникъ, вы можете бышь увѣ-
рены, что онъ для собѣшвенной
своей чести замолчишъ о семъ
дѣлѣ; но положимъ, чтообъ онъ
и вздумалъ говоришъ о немъ, вы
знаете, что онъ не въ силахъ по-
вредишъ добруму имени Миссы
Гоней - Водъ, сполько любезной,
сполько совершенной, и нако-
нецъ одаренной всѣми изящнѣй-
шими качествами. Я знаю лю-
дей, или по крайности одного
человѣка знашной природы и съ
великимъ богатствомъ, кошорой

бы обнаружилъ свои къ ней чувства, ешьлибъ хотя малѣйшее получилъ онымъ одобреніе. — Ну! сказалъ Генераль, съ трудомъ еще переводя духъ: мы о томъ поговоримъ въ другое время; ибо я рѣшился дочь мою скорѣе отдать за мужъ; но хочу отдать ее не прошивъ склонности.

Оскаръ и Аделія уже къ обѣду появились; и пошъ и другая прилагали щаніе ободрить себя и успокоить; но бѣдный Оскаръ гораздо менѣе успѣвалъ въ томъ, не пошому однакомъ, чшобъ чувства Аделіи не столь какъ его были нѣжны, ибо спросъ ея была глубоко вкорененна; она льспилась вдохнуть подобную и въ грудь Оскара. Предвѣщала себѣ, что взаимная любовь сія, одобренная ея родителемъ, сосшавила бы и ушвердила блаженство на всю жизнь ея. Съ великодушнымъ удовольствіемъ зара-

нѣ видѣла она любезнаго своего Фишзалана чрезъ нее возведеннаго въ блаженное и независимое сословіе. Въ первый разъ обманушая въ надеждѣ своей, сердце ея было снѣсно, и пріятнѣйшія размышленія юнаго воображенія ея вдругъ уступили мѣсто мрачному унынію. Но честолюбіе ея равнялось съ ея чувствительностію, и она твердо рѣшилась не подавать Оскару поводъ къ шоржесству, показавшись ему печальною и унылою. И такъ старалась уничтожить въ глазахъ своихъ всякой признакъ слезъ, и удерживала щепотные вздохи, стремящіеся вылетать изъ глубины сердца ея; нарядилась съ наибольшимъ щаніемъ. Однако же удрученные глаза ея и поблѣднѣвшія щеки измѣняли чувствамъ ея: за споломъ пробовала казаться веселою, но не успѣвала въ томъ. Кромѣ

ее за онымъ никакой другой женщины не было; и такъ когда приняли снапершь, она шопчасъ удалилась по обынновенію.

Генералъ чуждъ былъ всякаго припворсшва; не оказывалъ болѣе Оскару шой нѣжности, кошорой уже шолько не имѣлъ къ нему. Когда онъ вошелъ блѣденъ и смушенъ, онъ принялъ его суровымъ и едва учпивымъ видомъ. Смущеніе Оскарово симъ умножилось; вся душа его переобразилась; онъ не любилъ уже сообщесшва, какъ прежде. Благополучіе и веселость другихъ шрогашельнѣйшую составляли шрошивность его нещасію и увынію. Онъ зрѣлъ себя злополучнымъ изгнанникомъ, осужденнымъ впредь на горесшь и зависимость; горячія слезы изъ глазъ шекли на шарелку его. Самъ себя проклиналъ за свою слабосшь, кошорая по щасію не была при-

мѣчаема. Не обращая на себя вниманія Генерала, не привлекалъ онаго и отъ другихъ гостей; положеніе его спановилось споль шягоспшо, что онъ не могъ болѣе сносить онаго. Не бывъ осзнавливаемъ, онъ вышелъ, и какимъ-то шайнымъ побужденіемъ проведенъ былъ въ гостиную комнату. Тамъ нашелъ онъ Аделию, которая ушомленна и измученна сраженіями цѣлаго ушра, заснула бросившись на софу. Оскаръ, тихо къ ней приближась, взиралъ на нее съ нѣжностію матери, охраняющей спящее дитя свое. Щека ея, поддерживаемая прекрасною рукою, освѣнялась удареніемъ солнечныхъ лучей въ занавѣсы оконекъ кармазиннаго цѣвша. На оной ясно видима была изспекшая слеза. Оскаръ, преклонясь къ нему прогашельному зрѣлищу и сжимая руки, говорилъ: Нѣшъ!

никогда щеки Аделіи никакими не должны бытъ омочены слезами, кромѣ шѣхъ, кои изящная чувствительность ея заставляешъ проливать изъ состраданія къ несчастіямъ другихъ. Да будетъ благополучіе ея столь же, какъ и благосъ ея, совершенно! Высочайшее Могущество, пещеея о невинности, да сохранишь ей навсегда дары свои, которыми она наслаждается! О Аделія! шощъ, кто возсылаешъ о тебѣ мольбу сію, навсегда будетъ имѣшь тебѣ присущивую въ мысли его; образъ швой останеся у него въ сердцѣ, дабы улаждашь горести онаго; и въ шягосномъ пущи, ошынѣ подлежащемъ ему, часто станешъ обращать глаза свои назадъ, чщобъ обрѣсти шамъ нѣсколько сладчайшихъ минушь... Тушь Аделія сдѣлала нѣкошорыя движенія, и произнесла нѣсколько невразумитель-

ныхъ словъ ; сидя: приподняла голову, и видящъ Оскара неподвижно предъ нею стоящаго. Съ надменностію взглянула на него, спрашивала, что онъ шутъ дѣлалъ, и за чемъ пришелъ въ шумную комнату ? — Я не ожидалъ васъ здѣсь найти, отвѣчалъ онъ ; но увидя васъ, я остался шутъ, не имѣя силы удалить себя отсюда. Жалостный голосъ, какимъ произнесъ онъ слова сіи, пронзиль сердце Аделин; она вздохнула, и отбросивъ пошма сбѣшь къ окну. Оскаръ послѣдовалъ за нею, забылъ выдерживать предсказаніе лица, къ которому утромъ обязался, и взявъ ея руку, тихо прижалъ къ своему сердцу. Въ сію сладостную минуту, когда симпатія двухъ сердець, одно къ другому преклоня, готовилась возторжествовать надъ расторгающею ихъ хитросплетію, растворяюща двери и показывающа

Полковникъ Бельгравъ. Въ пошъ часъ, когда оставилъ Оскаръ столовую комнату, Бельгравъ былъ на ножахъ: сколько онъ желалъ слѣдовать за нимъ, дабы предупредить слѣдствія опаснаго для него ихъ разговора наединѣ! Вся компанія за нимъ же вошла.

Оскаръ рѣшился не оставаясь ночевать въ Вуд-Лавнѣ, и далъ знать о своемъ намѣреніи, спрашивая у Полковника, не имѣешь ли онъ какихъ приказаній препоручить ему въ Эннискелленѣ, куда онъ сей часъ отправляется.

За чѣмъ вы такъ спѣшите? сказалъ Генералъ сквозь зубы. Оставшись до сихъ поръ, вы можете и ночевать здѣсь; тучи надъ озеромъ собираются и предвѣщаютъ бурю. — Нѣтъ, милостивый государь, сказалъ Оскаръ покраснѣвъ, и явно оказывая свое смущеніе — нѣтъ такой бури, ко-

шорая бы могла останоѵить меня. . . Аделія вздыкала, но честолюбіе заграждало уста ея. Фишзаланъ подошелъ къ ней. Миссъ Гоней-Вудъ! сказалъ онъ ей; а чшобъ продолжашь, недосшало у него голоса. Аделія, равно вспревоженная, не могла иначе, какъ шолько крошкимъ взглядомъ обдришь его. Сомнѣваясь, продолжалъ онъ, имѣшь когда либѣ щастіе увидѣшь ошашь Вуд - Ливнъ, не могу ошавить оный, не убривъ васъ, что оказанныя мнѣ въ ономъ благосклонности никогда изъ памяти моеи не выдушъ, и что најивѣйшая горесшь, кошорую могло возчувстввовашь сердце мое, происходишь ошъ мысли, что я лишенъ дружбы, кошорой удсшоковали меня вы и почтенный родитель вашъ. — Аделія опушшила голову, а Оскаръ видя, что она не хотѣла, или не могла ничего сказашь, поклонилъ.

ся Генералу: и вышелъ изъ комнаты. Слезы его, до сихъ поръ съ великимъ усиленіемъ удерживаемыя, изобильно полились, и внизу лѣсшвицы: принужденъ былъ поддерживаясь, облокотясь на перилы. Тогда, какъ обращая глаза вокругъ себя какъ бы для того, чтобъ сдѣлать печальное прощаніе съ мѣстами, гдѣ вкушалъ онъ блаженство, услышалъ кого-то къ нему идущаго; это былъ клѣшникъ, старинной слуга, приближенный къ Оскару, и повариха его въ рыбной ловлѣ и охотѣ; онъ, подавая чай, услышалъ, что Оскаръ возвѣстивъ о своемъ отъѣздѣ, пришелъ объявить ему о томъ свое удивленіе и прискорбіе. Ахъ, Боже мой! за что же Г. Филізалавъ такъ сурово оставляетъ насъ? Но ежели вы уже непремѣнно рѣшились сего вечера возвратиться въ Эпискекленъ, такъ подождите, я везу вамъ

лошадь осѣдлашь. Оскаръ съ иѣ-
котораго времени располагалъ
всею конюшнею Генерала; но за
неприспойное почиалъ, поше-
рливъ дружбу хозяина дома,
пользовался шюю же свободою,
на которую самое сіе дружество
до сихъ поръ давало ему право.
Пожалъ руку доброхошшвующаго
ему глянника, и скрылся изъ
дома. Сначала шелъ онъ съ
великою скоростію до того, какъ
доспигъ шропинки, проложенной
въ гору, и продолжающейся
вдоль береговъ озера, гдѣ онъ хо-
дилъ часто съ Аделіей. Ахъ!
никогда, сказалъ онъ ударивъ
себя въ лобъ рукою, никогда
я опяшь не увижу ее здѣсь. О
ноя любезная Аделія! швей не-
щасный Фипзаланъ никогда
не будешъ наслаждашься симъ
пріятнымъ зрѣлищемъ. Ахъ!
сколь благополучіе мое было
крашковременно!

Часть II.

В

Испощенный движеніемъ души, облокотясь сѣлъ противъ горы. Ошъ приближенія бури ночь спановилась шемнѣе, холодный и жестокій вѣтръ колебалъ деревья горъ и воды озера; дождь и градъ начиналъ ити, а Фиш-заланъ, погруженный въ печаль свою, едва шо примѣчалъ; онъ не слышалъ и не видалъ ничего, кромѣ Аделіа. Шумъ, произведенный нѣсколькими рыбаками, спарающимися привести суда въ безопасное мѣсто, вывелъ его изъ задумчивости, и онъ скрылся въ лѣсъ, пока буря перешанещѣ. Наконецъ время спало лучше, и луна, проникая сквозь облака, освѣщала окружающіе его предметы.

Сія часть лѣса была противъ той стороны дома, гдѣ находилась комната Аделіа. Оскаръ увидѣлъ нѣмъ огонь. Моя Аделіа! вскричалъ онъ, просни-

рая руки, какъ будто бы она слышала его и могла прибѣжать къ нему, и попомъ опускала ихъ; увы! сказалъ онъ, она болѣе не помышляетъ о такомъ несчастномъ, какъ я. О! какое бы было облегченіе для бѣдной разсвоенной головы моей, если бы я могъ хотя на одну минуту для успокоенія приклонить голову къ ней, и слыть сладчайшаго голоса ея хотя нѣсколько словъ состраданія о мученіяхъ сердца моего!... Утомленный скрѣблю своею, приблизился къ избушкѣ, построенной въ лѣсу, гдѣ часто ошдыхали они вмѣстѣ съ Аделіей. Ахъ! сказалъ онъ укрываясь въ оную, сколько есть добрыхъ людей, лучше сего жилища не имѣющихъ, и которыхъ Богъ покровительствуетъ и утѣшаетъ!... Тутъ заснулъ онъ печальнымъ и возмущаемымъ сномъ. Напослѣдокъ, при разсвѣтѣ дня,

возбужденъ былъ прїемъ птицъ , и спѣшилъ поскорѣе выратсь на дорогу, опасаясь, чтобъ не увидѣлъ его кто изъ людей Гоней-Воода. Не столько рано онъ достигъ Эннискеллена, чтобъ не встрѣтившись со многими Офицерами, которые съ великимъ удивленіемъ на него взирали. Мундиръ его былъ весь измаранъ, волосы безъ пудры и висяшъ по плечамъ, султанъ въ шляпѣ его переломленъ, и столь же великой безпорядокъ во всемъ его видѣ и пошупкахъ. На вопросы ихъ смущеннымъ образомъ отвѣщивалъ, что онъ упалъ; не безъ пруда однако же укрылся ошъ ихъ любопытства.

Въ пашнадаши миляхъ отъ Эннискеллена, въ одномъ скаредномъ городкѣ шоялъ отрядъ ихъ полку. Офицеръ, командовавшій онымъ, весьма скучалъ тамъ; но какъ Оскару всякое сообще-

ство становилось несносно, но на сей разъ прилично ему было оное пребываніе, и онъ легко испросилъ замѣнить своего шоварища. Испытанныя имъ мученія духа, и прешерпѣнная буря, надмѣру жестокіе были для него удары, чшѣбъ не поспрадашь ошѣ оныхъ здоровью его. По переѣздѣ на новую квартиру, обѣяшѣ былѣ жестокою лихорадкой; другой Офицерѣ приславѣ былѣ на его мѣсто для отправленія должности его. Весьма долгое время прошло въ попеченіяхъ о немъ; но шѣ, кон прилагали оное, не видѣли ни малѣйшаго знака, которой бы могѣ подавать надежду о его выздоровленія. Какѣ скоро шолько въ силахъ былѣ приподняншѣ, шо разсудили за полезное перевести его въ Эннискелленѣ, дабы онѣ былѣ на глазахъ у главшаго полковаго Лѣкаря.

Коляска бжала: весьма шихо;
Оскаръ вь пріяншійшемъ нахо-
дился удивленіи, признавая садъ
Миссриссы Марловъ. Не могъ
онъ, прошившись желанію ея уви-
дѣть, и: получишь чрезъ нее ка-
кое либо, извѣстіе о: жишеляхъ
Вод-Лавна. Къ: Госпожѣ сей:
онъ: ощущалъ: нѣжное и искрен-
нее: дружество;: женщина: сія:
была: съ: достоинствами: и: наи-
лучшаго: расположенія;: большею:
частію. ей: обязана: была Аделія:
украшающими: ея: дарованіями и:
пріянностями, и. вь: домѣ. ея:
Оскаръ: множесшво: сладчайшихъ:
минушъ: препроводилъ: съ: Аделіей.

Тогда было около вечера, какъ
Оскаръ: находяся. вь: сосѣдствѣ:
Миссриссы: Марловъ. Облоко-
щаясь на руку: слуги: своего, по-
пиконьку: взобрадся: на: пригорокъ.
Не болѣе бы: удивило: старую: Гос-
пожу: привидѣніе, представившееся:
ей, какъ: блѣдный: и: измѣнившій-

ся видѣ молодого ея друга. Со-
всею нѣжностію машери она сжи-
мала руки Оскаровы въ своихъ;
посадила его подлѣ огня, велѣла
принести ему нѣкошорыхъ про-
хладишельностей, кои, ерисоеди-
нясь къ желаемому имѣ разгово-
ру, скоро ободрили духъ его. Въ
сію минушу предспало мысли
его первое сдѣланное имѣ Мис-
сприссѣ Марловѣ посвѣщеніе. На-
дѣюсь, сказалъ онѣ, что наши
друзья въ Вуд-Лавнѣ . . . и
оспановилса; глаза его извѣсня-
ли вопросы, кошорые языкъ произ-
нести не мѣгѣ. — Они здоровы,
сказала ему Миссприссѣ Марловѣ;
вы безѣ сомѣннѣя извѣстны обо
всемѣ тамѣ происшедшемѣ. Нѣшѣ,
я ничего не знаю, ошвѣчалъ Ос-
карѣ; вы видѣше меня изѣ гро-
ба выходящаго. Прежде нежели
расскажу вамѣ о томѣ, прервала
Миссприссѣ Марловѣ, хочу извѣ-
стѣишь вамѣ мою похвалу, мое

удивленіе благородному и безкорыстному расположенію вашему, кошорое побудило васъ ошказаться ошъ предлагаемаго вамъ щассія, дабы сохранишь обязашельства сердца вашего. Какое жъ это — спросилъ Оскаръ, взирая на Мисприссъ Марловъ съ видомъ замѣщашельства — какое же это щассіе, ошъ кошораго я ошказался? — То, каксвое Генералъ предлагалъ вамъ, сказала Мисприссъ Марловъ. — Генералъ? вскричалъ Оскаръ. — Да, Генералъ, о намѣреніяхъ кошораго сообщилъ вамъ Полковникъ Бельгравъ. — О Небо! вскричалъ Оскаръ, всшавъ съ креселъ, не взирая на слабосшь свою; шакъ Генералъ, говорите вы, имѣлъ шаковыя намѣренія, и Бельграву препоручено было извѣспить меня о нихъ? . . . И шакъ Бельгравъ обманулъ меня? Онъ миѣ сказалъ напрошивъ, что мои усерд-

ныя отношенія къ Миссѣ Гоней-Бродѣ не нравились Генералу, и пронзая смертельнымъ ударомъ сердце мое, заспавилъ упопрѣбишь ложь, кошорая изгнала меня изъ мысли Аделии и ея родителля. — О чудовище! вскричала Мистриссѣ Марловѣ: вы были жершвою вѣроломства его. — Ахъ! прервалъ Оскаръ, я брошусь къ ногамъ Генерала, открою ему всю душу мою, изъясню ему, какъ ложныя мифныя чесши заблуждали меня до того, что я выдумалъ привязанность, кошорой никогда не имѣлъ ни къ кому, кромѣ любезной Аделии; испрошу мое прощенье, и Аделия. . . Увы! дитя мое! сказала Мистриссѣ Марловѣ оспанавливая его: уже то поздно; Аделия не можетьъ быть вашею: она за мужемъ, и супруга Бельграва. Оскаръ пошатнулся на ногахъ своихъ, и спустился въ глубокое

степаніе, и упалъ безъ чувствъ. Мисприссѣ Марловъ позвала на помощь Оскарова слугу и своихъ людей; положили еіо въ постелью, гдѣ долго пробылъ онъ въ безпамятствѣ; наконецъ, открывая глаза и испуская тяжельй вздохъ, что уже кончено! вскричалъ онъ, она навсегда для меня пошеряна!

Отпустили слугу, и добрая Мисприссѣ Марловъ сѣла подлѣ его постели и говорила ему: о другъ мой! сердце мое спраждаетъ съ вашимъ; но отважность ваша, а не состраданіе мое можетъ подать вамъ силы прощившись несчастіямъ вашимъ. — Ахъ, дражайшая и почтеннѣйшая моя! сказалъ онъ ей: какъ ужасно помыслишь, что я держалъ въ рукахъ своихъ и близко ко устамъ чашу благополучія, которую самъ отвергнулъ прочь отъ себя! Увы! сказала Мисприссѣ Марловъ, столь шро-

нутая' спраданіями молодого дру-
га ея, какъ бы они были ея соб-
ственныи: увы! люди часто са-
ми себя лишаютъ своимъ не-
благоразуміемъ и: глупостію
благодѣній, низпосылаемыхъ имъ
пекущимсл. о благополучіи ихъ
Провидѣніемъ. О душа мое, рож-
денный' съ: споль. искреннею и
великою душою, какова твоя! ни-
когда не унижай ее ни до малѣйша-
го пришворства. — Ахъ! сказалъ
Оскаръ, не умножайте спрада-
ній' моихъ воспоминаніемъ же-
спокой вины моей. — Нѣшъ, мой
другъ, сказала она ему, очень
удалена: я ошъ сего безчеловѣ-
чія; но никогда полезное насша-
вленіе споль глубоко не вкоре-
няется въ душу, какъ напечаш-
лѣваясь въ оной нещаспіемъ. Вы
любезны и еще молоды,
жизнь ваша конечно общаетъ
вамъ многія наслажденія, кошо-
рыми вы будете умѣль восполь-

зоваться и лучше оцѣнить послѣ
спрогнхъ уроковъ бѣдспрія. —
Увы! сказалъ Оскаръ, какія могушъ
ошыннѣ бышь для меня въ жиз-
ни пріятноснмъ? — Всѣ шѣ, сказала
Мисприссѣ Марловъ, которыя
еще въ рукахъ вашихъ : спокой-
ствіе души, благополучіе, сопро-
вождаемое доставляемымъ ею сви-
дѣтельствомъ въ исполненіи дол-
жностей своихъ, и возвышеніемъ
черезъ шерпнне и бодрость пре-
выше испытаній, коимъ она под-
вергается. — Не думаете ли вы,
сказалъ Оскаръ прерывая ее, чшобъ
я могъ ненаказаннымъ оспавить
предательство Бельграва? Нѣшѣ,
продолжалъ онъ, просягивая ру-
ку къ шпагѣ, которая близъ его
находилась. — А что же вы хоти-
те сдѣлать? сказала ему Ми-
сприссѣ Марловъ, взявъ его за
руку. Безразсудный молодой че-
ловѣкъ! какая цѣль швоя? не
хотите ли излншь вокругъ себя

смерть и опчаяніе? Найдете ли благополучіе, когда удовлетворите мщенію? Не думаете ли вы, чпобѣ Аделія, воспитанная въ благоприспойности и добродѣшелн, могла видѣшь убійцу мужа своего? или чпобѣ сшарый Гене-ралъ, кошорой съ такою благо-сшію пригошовлялъ вамъ ща-спливую жизнь, просшилъ вновь изліинныя вами на семейство его несчастія, хотя бы онъ ихъ и пережишь могъ? Шпага выпала изъ рукъ Оскара. Я виновникъ, сказалъ онъ, отдаваясь тако-вымъ изсшупленіямъ. Но сколь несчастіе мое велико! Чпо ка-саешся до жизни моей, шо безъ Аделіи она уже не заслуживаетъ болѣе, чпобѣ я прилагаю оп-нынъ какое либо сшараніе со-храняшь ее.

Мисшриссѣ Марловъ воспользо-валась сею минушою умягче-ніа его, чпобѣ говоритъ ему язы-

комъ разсудка, Она соединяла свои слезы съ проливаемыми молодымъ человекомъ при подробномъ объясненіи вѣроломства Бельграва, помышляя, что дражайшій предметъ ея попеченій и нѣжности, милая Аделія, была также жертвою онаго. Твердо увѣряла его о необходимости скрывать злощастную шайну сію. Ощущаемое Оскаромъ движеніе ошѣ всею произшествіямъ сего возвратило ему лихорадку, и онъ никакъ не былъ въ состояніи продолжать путь свой въ Дювискелленъ. Мисприсъ Марловъ велѣла ему приготовить постелью, надѣясь скорого выздоровленія его. Но не взирая на всѣ прилагаемыя ею о немъ попеченія, (ибо она поступала съ нимъ со всею нѣжностію мащери) болѣзни его продолжались, и сей двѣшодъ, поврежденный жосою

длуга , казался бышь навсегда поблекшимъ.

Генералъ до глубины про-
нупъ былъ, видя опринушыми ша-
кїя предложенїя, копорыя спра-
ведливо починалъ онъ должен-
ствующими упоить Оскара ра-
досшію и благодарносшію ; нико-
гда чесполюбіе его не вкушало
споль жестюкаго о скорбленїя,
никогда не казался онъ споль
униженнымъ въ собственныхъ
глазахъ своихъ. Полковникъ од-
нако же шонкими ласкапельсшва-
ми и усердными угожденїями ско-
ро успѣлъ опдалилъ сіи муш-
пельныя размышленїя. Онъ увѣ-
рлялъ Генерала, что поступокъ
его всѣми одобряемъ былъ, хотя
обманчивыя, но примирющїя насъ
самыхъ съ собою рѣши всегда
бывають намъ приняты. Пол-
ковникъ мало по малу шанъвил-
ся любимцемъ Генерала ; и когда
онъ въ первый разъ говорилъ ему

● привязанности своей къ Аделии, Гоней - Воодъ увбрялъ его, что онъ сбвеличайшимъ участіемъ поговоритъ о помъ дочери своей. Желаніе Генерала при-спроитъ ее было болбе, нежели когда нибудъ. Во встрбтившемся ему опказб онъ мвилб обрб-пашъ для самого себя и для нее нбчто споль унижающее, что иногда внб себя приходилб опбшого. Полковникъ обладалъ великимъ богатствомъ, но сія выгода мало обольщала Генерала, безкорыстіе кошораго намъ уже извбстно, а еще менбс дочь его. При первомъ опкрышіи, учиненномъ ей опб опца о намбреніяхъ Бельграва, она просила его не говорить о помъ болбе. Жестко обманушой вб прежнихъ увазіяхъ своихъ, ей нужно было время для излбченія раны сердца ея. Она скрывала свою, но слабые глаза ея и блбдными

цески возвѣщали спраданіе ея; она убѣгала сообщества, бродила безпрестанно по пропинкамъ, коихъ нѣкогда съ Оскаромъ пробѣгала; тамъ помышляла она о немъ болѣе, нежели когда нибудь; укоряла себя въ грубомъ прошивъ него поступкѣ; зрѣла его добычею печали, и удаляла его однако же съ опшалкивающей холодностію; сія же самая холодность, споль скоропосшижно ему оказавшая, не преминула дашь мысль Оскару, что горько было ей видѣшь себя имъ оставленною; и мнѣніе сіе вдругъ оскорбляло и чесшлюбіе и нѣжность ея. Она бы ничего на себѣ не пожалѣла, чтобъ шолько уѣришь Оскара, что она не иначе, какъ дружески на него взирала. Полковникъ не давалъ себѣ унывать опъ холодности Аделиной; онъ привыкъ борощься со всякими предшшвїями. Иногда

удавалось ему, въ уединенныхъ
 ея прогулкахъ, какъ будто со-
 провождаясь нечаянношю, соеди-
 няясь съ нею; разговоръ его
 всегда бывалъ забавный, и въ
 ономъ держался предѣловъ, Аде-
 лію ему предписанныхъ; но воз-
 рами своими изъяснялъ мучение,
 коего воздержность сія ему спой-
 ла, и посшупокъ его не проши-
 венъ былъ Миссѣ Гоней - Вудъ,
 кѣпорая чрезъ оной мвила ви-
 дѣшь въ Полковникъ поворносшь
 валъ ея.

Нѣсколько недѣль прошло
 послѣ того, какъ Оскаръ само-
 произвольно изгналъ себя изъ
 Вуд-Лавна; и сколько ни каза-
 лись вѣрными упованія Бельгравы,
 не думалъ однако же, чшобъ мо-
 гли оныя сбышься, или по край-
 ности шафъ скоро, какъ бы онъ
 желалъ. Безъ употребленія какой
 либо военной хшпросши; и зоби-
 ленъ будучи въ вымыслахъ, пош-

часъ соорудилъ планъ свой. Въ одно утро преслѣдовалъ Аделію въ саду, и нашелъ ее чашающую въ бесѣдкѣ. При входѣ его она оставила книгу, и разговаривали о различныхъ предметахъ. Приходящій слуга Полковника съ большимъ пакетомъ писемъ. Бельгравъ представилъ, что не читая хочетъ ихъ положить въ карманъ. Тутъ Аделія говоритъ ему: на что такая церемонія, Полковникъ? я опять примусь за мою книгу, пока вы будете читать ваши письма. Черезъ минуту слышитъ она, что онъ съ великимъ движеніемъ вскричалъ: какая дерзость! и потомъ изображая, будто вспоминая, что онъ въ присутствіи Адели, оказывалъ нѣкоторое смущеніе, проворчалъ нѣсколько словъ, и взялъ опять свое письмо. Прочитавъ оное, сдѣлавъ видъ, что хочетъ положить его въ

карманъ, уронилъ къ ногамъ своимъ; пошомъ пробѣжалъ глазами осташокъ писемъ своихъ, и вспавая извинялся предъ Аделіей, что такъ грубо оставилъ ее. Спѣшу, говоришь онъ, сдѣлашь въкошорые, опсрочки нешерпящіе опшѣшы. Лишь полко онъ вышелъ, Аделія увидѣла на полу опскрышое письмо; она подняла оное въ намѣреніи опнести его домой, но бросилось ей въ глаза имя ея, означенное большими лишерями, и которыя казались бышь руки Фишзалана. Вся она зашрепешала. Пылкое возчувшвовала желаніе узнать, какъ говорено было о ней въ перепискъ между Оскаромъ и Бельгравомъ. Невольно обращались глаза ея на сіе пагубное писаніе. Она обозрѣла нѣсколько словъ, которыя еще болѣе возбудили ея любопытство; напоследокъ не могла далѣе про-

пивишься покушснїю, взяла письмо и чицала :

Полковнику Бельгрову.

„Вы укоряете меня чувствительностїю, какъ вы то называете, къ несрашненнымъ прелестямъ Адели. Согласенъ и я въ ономъ, но не назову справедливыми укоризны ваши; ибо чтожь дѣлать, когда я былъ съ лишкомъ сильно побѣжденъ прїятносшями другой особы, которая въ глазахъ моихъ, правда что неполненькихъ присрашнемъ влюбленнаго, кажутся гораздо превосходнѣйшими? Предложеніе Генерала конечно было великодушнѣйшее и лестнѣйшее въ свѣтѣ, и оно удовольствовало всю нѣжностъ души моей, доставляя случай на олшарѣ любви принести въ жертву богатство и любочестіе. Безкорыстїе мое въ семъ случаѣ болѣе ушверди-

ло мнѣ всю приверженность любезной сердцу моему, кошорой непосредственно лестно было уведомленіе мое обв одержанной ею надв Аделіей побѣдѣ: чувство весьма естественное, и таковымъ оно покажешся всѣмъ тѣмъ, кои узнающъ предметъ, кошорому я предпочелъ ее. Усердно желаю, чшобъ Генералъ склонился на ваши исканія; весьма буду обрадованъ, увидя моего перваго и лучшаго друга обладашаемъ сокровища, о коемъ онъ споль долгое время вздыхаешъ. Ожидаю отъ васъ брани за шо, чшо попускаю обнаруживашся моему съ Аделіей приключенію; но право никакъ не могъ запрешить себѣ сообщить оно моей любезной. Дай Боже, чшобъ она была скромна; а безъ шого предвижу, чшо должно будешъ подрашся съ престарѣлымъ Генераломъ. Прощайте. Вѣрьше;

мой любезной Полковникъ, что я навсегда вамъ преданъ.

Оскаръ Фитзаланъ.,.

Мерзавецъ!! воскричала, Аделія въ чрезмѣрномъ движеніи, и уронивъ изъ рукъ своихъ письмо, въ кошоромъ весьма искусно поддѣлались подъ руку Оскара. Такъ-то воздаешъ онъ за попеченія родителя моего и мои о утверженіи благоденствія его! Обезчеловѣчный Фитзаланъ! не уже ли шу, Аделию, кошорая находила себя сшоль любезнымъ, кошорая тогда шолько полагала цѣну богашству, когда чрезъ оное видѣла средство учинишъ себя щасливымъ — не уже ли, говорю, шу Аделию дерзаешъ спараться обратиться въ посмѣшище и въ шоржештво швоему шщеславію? Чесшлюбіе и нѣжностъ, еще не угасшая, сражались въ груди ея; она унала ошашъ на

скамью, и поддерживая голову рукою, предавалась рыданію и слезамъ. То хотѣла дашь знашь Фашизлану, что она была извѣстна о подлости посшупка его, и произишь сердце онаго жесточайшими укоризнами; но рѣшилась на презрительное молчаніе. Въ то время, какъ духъ ея былъ шоль колеблемъ, шико вошелъ Полковникъ. Въ тогдашнемъ смущеніи ея она забыла, что всякую минушу надлежало ожидать его возвращенія, и увидя его шипрепешала. Ясно было ей, что онъ могъ подозрѣвать ее въ прочтеніи письма; она наклонила голову и красѣла. Какой я вѣщреной! сказалъ Полковникъ поднимая свое письмо, и оказывая, будто шолько хвашился его; это изъ всѣхъ моихъ писемъ шакое, прочтеніе котораго мнѣ бы болѣе досадно было. Слова сіи еще подшвердили Адели, что

онъ подозрѣвалъ ее въ томъ. При мысли сей она блѣднѣла и онышъ упала на свое мѣсто, не въ силахъ будучи выдержашъ укоризну, кою рую она сама себѣ дѣлала въ такой неоспорожности.

Бельгравъ прибѣжалъ ее подержашъ. О налюбезнѣйшая изъ женщинъ! сказалъ онъ ей самымъ вѣжливѣйшимъ тономъ, какой только могъ предсавить: что значить сіе смущеніе? — Я не знаю, сказала она, это ничего; и приходишь сколько въ себя, говорила, чтобъ домой возвратишься. — И такъ, прервалъ Полковникъ, вы всегда меня убѣгаете! Знаю, Миссъ, что я не имѣю никакова права и никакой привлекательности, копорыя бы могли удерживашъ васъ; однако же, продолжалъ онъ, призывая къ себѣ на помощь, и выпаскивая, такъ сказахъ, изъ глазъ своихъ одну

или двѣ слезы, будьте увѣрены, что вы никогда не найдете сердца, которое бы столь нѣжно, какъ мое, къ вамъ привержено было. Но я вижу, что я безпокою васъ, и шакъ восприму налагаемое вами молчаніе. О дражайшая и любезнѣйшая изъ женщинъ! есѣли уже не возможно мнѣ льсшился другимъ правомъ, болѣе драгоценнымъ и болѣе лестнымъ, то по крайности удосшойше меня и мени друга вашего. — Ошъ всего моего сердца, сказала она ему, шронувшись обманчивыми поступками его. Ошъ смущенія своего она нѣсколько оправилась. Онъ упросилъ ее немного прогуляться, вмѣсто того чшобъ возвратиться домой; уловлялъ ее своими угожденіями; льсшивая похвала произнекала изъ коварныхъ устъ его; по градусамъ опшлекалъ ее ошъ мучительныхъ воспоминаній;

льспилъ честполюбію ея оказываемымъ ей уваженіемъ. Пріятна ей была досада его на Фишзалана, кошорую онъ далъ ей замѣнить при случаѣ письма. Наконецъ обратила къ нему почщеніе и уваженіе въ тоже время, какъ досаду и презрѣніе къ Оскару. Проницаніе Полковника слишкомъ велико было, чтобъ не догадаться о сей перемѣнѣ и не употребить ее въ пользу свою. Аделія, предавшись своимъ истиннымъ и укоренившимся въ ней чувствамъ, вопрошивалась бы всякому предложенію брака; но оскорбленное честполюбіе шеперь побуждало ее къ пошутку, кошорой бы доказалъ Фишзалану ея къ нему равнодушіе. Генералъ получилъ ея согласіе въ пользу Полковника; и обѣщаніе ихъ, чтобъ на нѣскольکو времени не оставялъ его. Сдѣлали къ свадьбѣ великолѣп-

ныя приугощовленія. Хопя до-
сада Аделии прошивъ Оскара была
все шаже, но скоро познала она,
что слишкомъ поспѣшила сво-
имъ повиновеніемъ. Невольное
ощущала опвращеніе къ заклю-
чаемому ею союзу, и охотно бы
ошказалась навсегда опъ онаго
безъ обязательства, кошорое сдѣ-
лала въ томъ опцу своему. Въ
сія несносная минушы добрая ея
пріятельница, Мисприссѣ Мар-
ловъ, поддерживала бодрость ея,
и элещастный день наспалъ, въ
кошорой Аделия дала руку свою
вѣроломному Беллраву.

Около пашнадацати днєй
прошло послѣ ея брака, какъ
услышала нѣкошорыхъ Офице-
ровъ того полку, разговариваю-
щихъ о болѣзни Оскара. При
имени семъ она покрасѣла. По-
исшинябъ, сказалъ одинъ изъ нихъ,
Мисприссѣ Марловъ предобродѣ-
тельная оеоба! Оскаръ очень ща-

сплавъ, что напелъ споль хоро-
шій покровъ: онъ бы погибъ во
всякомъ другомъ мѣсцѣ. Бѣдной
малой! сказала Аделія, испуская
вдохъ самой себѣ непримѣш-
нымъ образомъ. Бельгравъ вспрѣ-
нулся въ ея глазами, обративъ
на нее своя. Взоръ Полковника
былъ мрачный и сурогій, и на-
залось хотѣлъ проникнуть даже
въ изгибы сердца Аделіи. Она
защепешала, и въ первой разѣ
возчувствововала жестокость дан-
наго самою себѣ властителя.
Какъ Мисприссъ Марловъ не увѣ-
домила ее, что Оскаръ ею былъ
принятъ, по она и не хотѣла
къ ней писать о помѣ; много-
кратно посылала ее звать въ
Вуд-Лавъ, надѣясь услышать
отъ нее то, что звать желала,
но не успѣвала въ помѣ. Чрезъ
двѣ недѣли Мисприссъ Марловъ
привзжаетъ въ Вуд-Лавъ. Очень
была она блѣдна и похудѣла.

Аделія съ ласковостию выговаривала ей за долговременное ея опсущствіе, надѣясь шѣмъ принудить ее сказать причину онаго, избѣщая о попеченіяхъ, прилагаемыхъ ею объ Оскарѣ; но Миссриссъ Марловъ не сказала ни одного слова къ шому относящагося; обращала рѣчь къ различнымъ вещамъ; разспрошенная Аделія немного осердилась, и печально сѣла за работу.

Спустя вѣсколько дней, Аделія скоро послѣ обѣда сѣла въ карешу, чшобъ сѣбздить запланить визитъ Миссриссъ Марловъ; она полагала, чшо не найдешъ шамъ Оскара, а льсшилась шолько шѣмъ, чшо вѣ продолженіи разговора узнаешъ, чшо онъ совершенно выздоровѣлъ, дабы сдѣлать пріятельницѣ своей пріятную нечаянность. Вѣ вѣкопоромъ расшольни опъ дома она велѣла осшановишься, и при-

шла дорожкой, ведущей къ дверямъ госпиной комнашы, кошорую она шихонько опшворила. Какое было ея удивленіе, когда примѣшила Оскара, сидящаго съ Мисшриссою Марловъ подлѣ камина, углубленнаго въ важные разговоры! Она ошпановилась, не въ силахъ будучи сдѣлать ни одного шага до шѣхъ поръ, какъ Мисшриссъ Марловъ, подошедъ къ ней, обняла ее и ввела въ комнашу. Движеніе Оскара не меньше сильно было, какъ и Аделги. Не много ободрился онъ выразишельнымъ взоромъ Мисшриссы Марловъ; оный казалось убѣждалъ его не ошдаваться слабости, кошораябы измѣнила истиннымъ его къ Аделии чувсшвамъ. Напоследокъ онъ всшалъ, и подошедъ къ ней сказалъ: позволъше мѣ, милосштивная госушдарыня . . . и слова исчезли на усшахъ его; ибо не имѣлъ силы

докончивъ привѣщанія на такой случай, кошорой чаятельно равно соорудилъ несчастіе Адельи, какъ и собственное его. О! оставяше комплименты, сказала Мисприссѣ Марловѣ, принуждая сама себя взять видъ нѣсколько повеселѣе; спугайше молодыхъ люди, сядемше и насладимся пріятностію бышь подлѣ добраго огня во время столь веснаго холода, каковъ пелерь. Принудила она шрепещущую Аделию выпить немного вина, ободрися унылый духъ ея, и самъ Оскаръ казался воспріяшь отважностію. Но возрастала при томъ печаль, означающаяся въ физиогноміи и поступкахъ ихъ, равно какъ и шоска душевная; онѣ хладной церемоніи и осторожности, кошорую и томъ и другая на себя налагали, сердца ихъ наполнялись горестію и уныніемъ. Фитцаланъ былъ столь блѣденъ, столь

измѣнился, и казался такимъ несчастнымъ и такою добычею печали и отчаянія, что ежели бы онъ и на жизнь Аделии покушался, но не могла бы она теперь возвѣмѣшь къ нему что-либо, кромѣ сострадательныхъ чувствъ. Мисприссъ Марловъ шушя рассказывала о безпокойствѣ, которое причинялъ ей Оскаръ. Увѣрю васъ, сказала она, что я очень худо оплачиваюсь за мои о немъ попеченія, съ шѣхъ поръ, какъ начала ему давать нѣкопоруую свободу; ибо совсемъ не наблюдаемъ мною предписанныхъ ему правилъ. Пожалуйше присоедините вашу власшь къ моей, чтобы заставить его болѣе беречь себя. — Очень охотно, сказала Аделия, ежели могу имѣть съ его стороны какое-либо довѣріе.

Какое либо довѣріе! повшорилъ Оскаръ; о Небо! . . . Сказавъ

слова сіи, вспалъ съ скоростію и ошошелъ въ окну, дабы скрыть смущеніе свое. Зрѣлище полей было весьма уныло, ибо тогда наступала глубокая осень; вечеръ былъ холоденъ, въ горахъ дулъ жестокій вѣтръ, и небо помрачалось приближеніемъ бури. Мисприссъ Марловъ вывели его изъ задумчивости, сказавъ ему: что вы тамъ дѣлаете? видъ изъ сего окна не можетъ предсказать вамъ великихъ привлекабельностей. — Ахъ! сказалъ онъ, вдыхаемая онымъ печаль имѣетъ въ себѣ вѣчно сладостное и пріятное. Обнаженные деревья, поблекшіе осенніе цвѣты соотвѣтствуютъ печальнымъ мыслямъ моимъ. Они суть изображенія сердца, видѣвшаго исчезающими сладчайшія надежды свои, но которое однако же не увидитъ ихъ разцвѣтшими съ прежнею красотою ихъ, шакъ какъ деревья и

цвѣты. — Все это вздоръ, сказала Мисприссѣ Марловъ; болѣзнь ваша сдѣлала васъ очень задумчивымъ: но желаю, чтобъ печаль сія разсѣялась прежде, нежели садъ мой со всею пріятностію покроется зеленью и плодами, и принудишь какого нибудь молодого Офицера пріѣхать посѣтить меня шаруху. — О! вскричалъ Оскаръ, какое воспоминаніе для меня той минуты, когда я вошелъ сюда въ первый разъ! — Оставьте лесъ, прервала Мисприссѣ Марловъ смѣясь; вы не заставите меня вѣрить, чтобъ пріятности мои произвели надъ вами столь продолжительное впечатлѣніе тогда, какъ я очень знаю, что перейдя на другія квартиры, столь же наговорите первой встрѣтившейся вамъ хорошенькой шарушкѣ. — Нѣтъ, прервалъ Оскаръ, сошвѣшшвуя шушкѣ; могу увѣрить васъ, что впечатлѣніе,

здѣсь мною полученное , никогда не истребился изъ сердца моего. Въ то же время бросилъ онъ взоръ на Аделию , которая , пошупивъ глаза , преклоняла голову къ груди своей , испытывая жесточайшее движеніе. Миссисъ Марловъ старалась переменить разговоръ ; она почувствовала ибжное и живѣйшее состраданіе къ сей молодой и несчастной парѣ , соединенія которой она споль ревностно желала. Но съ шѣхъ поръ , какъ непреоборимая преграда разлучила ихъ , она щцилась опшрашивать опъ нихъ вслкое доказательство взаимной ихъ склонности ; оное бы только послужило къ умноженію ихъ несчастія. Позволивъ вѣбла подавать чай ; всевозможное прилагала усиліе развеселить разговоры , но не успѣвала въ томъ ; ибо гости ея не сошвѣщсшвовали

помощію къ тому. Когда же сѣли по своимъ мѣстамъ около огня, по обратясь къ Аделин, сказала ей.: вы часто оказывали желаніе услышать исторію жизни моей; до сихъ поръ спракъ возбудишь мои прискорбія, которыя не окончатся, прелятсшвовалъ миѣ рассказать вамъ оную; но какъ намъ шеперь для препровожденія времени не чемъ лучше заняшь, по я вамъ сдѣлаю сіе повѣствованіе. — Вы очель меня обяжете, сказала Аделин; вы знаете, сколько участвуемъ мое любопытство во всемъ, что до васъ касаетса.

Г Л А В А 2.

Я была единственное дитя одного Викарія нѣкотораго селенія, въ полуденной Англїи лежащаго; отецъ мой, равно какъ

и супруга его, были честной фамиліи, но не очень богати. Довольны своимъ состояніемъ, пріятны въ собесѣдствѣ, гошovy при всякомъ случаѣ оказашь услугу, почиали себя щасшливыми въ умѣренности своей. Я была кумиромъ ихъ; всѣ говорили моей матери, что я буду красавица, и бѣдная женщина ушѣшалась сею надеждою. Весьма естественно, что по нѣкошорому щеславію не сомнѣвалась она, размышляя романически, чтобѣ прелести мой не довели меня нѣкогда къ великому щасшію. Дабы сдѣлать меня гораздо болѣе способною достигнуть цѣли сей, давала мнѣ воспитаніе больше блестящее, нежели прочное; отецъ мой, будучи беззаботливымъ и крощаго нрава, совершенно предославлялъ меня ея попеченію. И шкъ оставляя у меня въ невѣденіи грамашику соб-

спвеннаго моего языка , научила меня весьма плохо болшашь по Французски; и вмѣсто того, чтобъ обучашь меня сшить себѣ платьє, пріучала проводить мое время въ шитьѣ по кисеѣ и ашласу; какого - то шущѣ живущаго музыканша дославили мнѣ въ шанцовальныя училищели. Очень хотѣли научить меня играшъ на какомъ нибудь инструменшѣ, но покупка клавирина, или арфы, была не по доходамъ моихъ родителей; и шакъ машь моя довольствовалась просвѣщеніемъ меня въ вокальной музыкѣ, и научила меня пѣшъ нѣсколько старинныхъ пѣсенъ со всѣми припнностями, кошорыя чяла она нужными присоединить къ тому.

Чтобъ дославишь мнѣ способъ помрачашь всѣхъ дѣвушекъ того околodka платьями моими, равно какъ и другими преимуществами, она перерѣзала свои

спаринныя плашья и давала имъ шакія формы, какія полько лучше могла придумашь вѣ подражаніе шѣмъ, кои считала новомодными, и, опнувши Бэже мое согрѣшеніе! самая побудишельнѣйшая причина, сопровождавшая меня вѣ церковь вѣ Воскресные дни, происходила ошѣ желанія показашь мою шелковую юбку съ вырѣзкой, и песпрую кореньковую шляпу.

Когда доспигла я шестнадцатилѣтняго возраста, мать моя считала меня совершеннымъ вѣ свѣтѣ швореніемъ, и не сомнѣвалась, чтобы всеобщее мнѣніе не было таково же. Я была жива и вѣшрена, шщеславна и надменна до чрезвычайности; сохраняя однако же невинность и преспошу свою, часто забывала предшавлять лице, которое играшь меня засшавляли, и предаваясь природной мнѣ весело-

сти въ маленькихъ играхъ съ молодыми дѣвушками на огородахъ и подлѣ сѣннаго стога при лунномъ сіяніи, вкушала я совершенное блаженство.

Въ недѣлю одинъ разъ, сопровождаемая моею машерью, жаживала я къ шанцовальному училищу; шамъ находила и другихъ молодыхъ дѣвушекъ, и шамъ прошверживали мы конспр-дансы. Въ одинъ вечеръ, послѣ окончанія одного данца, входящъ въ комнату хорошо одѣшый молодой человекъ, и привлекъ наше вниманіе, а вмѣстѣ съ онымъ и удивленіе. Никогда не забуду движенія, чувствуемаго мною при его приближеніи. Всѣ мои подруги то же испышывали; у всѣхъ щеки покрылись румянцемъ, у всѣхъ глаза блиспали желаніемъ и надеждою. Онъ свободнымъ образомъ обошелъ всю комнату, какъ бы для того, чшобъ обо-

зрѣшь насѣ, и ошановиляся про-
шивѣ одной, очень хорошей дѣ-
вушки, дочери мѣльника. Я бы-
ла въ смертельномѣ прискорбѣи,
равно и мать моя, стоящая под-
лѣ меня; она поблѣдѣла, и ко-
нечно бы была сѣ нею дурноша,
если бы молодой человекѣ не
обращился и не усшремилѣ глазѣ
своихѣ на меня. Изѣявивѣ по-
хвалы, нѣсколько времени каза-
лось размышлялѣ о выборѣ, по-
шомѣ со всевозможною прѣяшно-
стию сдѣлалѣ поклонѣ и про-
силѣ меня бышь ему паромѣ. До
сихѣ порѣ я шолько прѣобучала
себя кѣ учшивости, а шущѣ не
пропустила случая употребить
ее въ дѣйство. Низко поклонясь,
сказала я ему, что вся честь
будетѣ сѣ моей стороны, и что
я сѣ великимѣ удовольствіемѣ
на шребованіе его соглашаюсь.
Онѣ усмѣхнулся немножко руга-
тельски, я думаю, и прокашлялѣ,

чтобъ прогнашь смѣхъ свой. Я покраснѣла, смушилась; но когда привелъ онъ меня на первое мѣсто, чтобъ начашъ коншрдансѣ, торжествѣ мое надъ всѣми моими подругами ободрило духъ мой и разсѣяло смущеніе.

Я дала слово данцовашъ съ однимъ молодымъ ошкупщикомъ, и онъ бѣсился не только за то, что я, не прося у него позволенія, не сдержала даннаго мною обѣщанія, но и за то, что въ парѣ моей находилъ пріятности, которыя возвѣщали ему опаснаго въ немъ соперника. Тѣфу пронашь какая! сказалъ онъ мнѣ грушнымъ голосомъ: мнѣ кажешся вы очень плохо со мною поштупаеште, Миссѣ Фанни! Не знаю, съ чего эшотѣ господчикѣ пришелъ сюда власшвовашъ надъ нами! — Ты очень забавенѣ, свазала я ему со взоромъ, извясняющимъ: шоль великое презрѣніе,

что онъ не могъ снести его, и ушелъ, ворча себѣ подъ носъ. Товарищъ мой не воздержался, чтобъ не захохоташъ. Весьма забавляла его простища моего свойства, съ прошивнымъ шому видомъ, которой я старалась на себя принять. Не должно удивляться, сказалъ онъ, что бѣдный влюбленный пасишокъ оскорбляешся, видя себя разлученнымъ съ прелестною Фанни.

Танцы окончились; мы подошли къ моей мапери, которая горѣла желаніемъ начашъ разговоръ съ незнакомцемъ, желая ему дашъ выразумѣшь, что онъ долженъ опличашъ насъ опъ шолпы людей шумѣ находящихся. Подлинно, сказала она, человекъ вашего сословія должно казашся незабавно здѣсь бышь; мы и сами шакже далеки опъ равенства съ ними. Но въ шаккомъ малецкомъ мѣсшечкѣ,

каково эшо, не возможно быть приморчиву въ выборѣ сообще-
сва; а не такъ — по наживеешь-
ся пустынноически. Незнакомецъ
согласился въ справедливости ея
примѣчашя, и принялъ пригла-
шеніе, которое она ему сдѣлала
ужинашь съ нами. Мать моя
пошчасъ послала о семъ увѣдо-
мишь моего ольца, дабы онъ ве-
лѣлъ убишь — не по думайте что объ
жирнаго пеленка; вѣшь, ушку,
и онъ съ служанкой споль усерд-
но заботился, что по возвра-
щенія нашемъ съ балу мы на-
шли готовымъ очень изрядный
ужинъ. Г. Марловъ, эшо было имя
незнакомцу, весьма былъ любез-
енъ. Не нужно рассказывать, что
родители мои и я преисполнены
были привѣтствіями къ нему и
ласковостию. Опходя, онъ про-
силъ позволенія побѣщать насъ,
и пришелъ на другой день. Съ
сей минушы мать моя взирала

на него какъ на шакого человѣка, копорой скоро будешъ ея зяшемъ.

Въ шакомъ маленькомъ мѣспечкѣ, каково обишаемое нами, все скоро узнаешся. И шакъ мы провѣдали, что въ прошедшій вечеръ, оспанавливаясь на посшояломъ дворѣ, онъ услышалъ музыку, и что любопышство понудило его придши шуда, гдѣ шанцовали. Увѣдомили насъ шакке и о томъ, какъ люди его рассказывали, что его ожидаешъ великое богашство. Довольно бы почши сего одного извѣспія для привлеченія къ нему сердца моего, и вы легко разсудише, что не могла я бышь шрудною побѣдою для шакого человѣка, копорой къ сей привлекательности присоединялъ пріяшный видъ и обработанный разумъ. Онъ продолжалъ насъ посѣщашъ; и сколь ни была я мало просвѣщена, но

пріобрѣла его склонность, по-
тому что, разговаривая съ нимъ,
забывала нравоученія, данныя мнѣ
о тщеславіи; оплагала всякое
пришворство, и повиновалась дви-
женіямъ природы и чувствитель-
ности. Не замедлилъ онъ объ-
яснить мнѣ, что намѣреніе его,
въ частыхъ посѣщеніяхъ, со-
стояло въ томъ, чтобъ получить
мою руку, но что никакъ не
возможно ему было посѣщать
удовольствоваться сію склонность
сердца своего; что положеніе его
дѣлало ему сіе весьма затрудни-
тельнымъ. Рано оставшись сиро-
шою, безъ всякаго имущества,
имѣлъ счараго дядю преспран-
наго нрава, и женатаго на та-
кой особѣ, кошорая не лучше его
онъ имѣла, назначенъ ими на-
слѣдникомъ всего ихъ имѣнія;
что онъ на вѣрное опрѣшившися
ими ошъ онаго, ежели какой по-
супокъ учинишъ противъ воли.

ихъ, и что онъ не хѣшлѣь однако же покориться ихъ своеправію; и шакъ не согласяшся ли родишели мои позволишь намъ дань взаимное на бракъ обѣщаніе тогда, какъ онъ будешъ независимъ и возможешъ раздѣлиться со мною учасъ его. Они на то склонились, и я шакже. Г. Марловъ обизалъ насъ величайшею въ ономъ сокровенношю. Онъ сказывалъ намъ, что одинъ изъ его людей былъ при немъ шпіономъ; что до сихъ поръ отвращалъ мысль его вразсужденіи касяющагося до насъ, говоря ему, что овецъ мой былъ ему искренній пріятель, и располагался не медля ѣхашъ къ дядѣ своему; но пагубное мое шщеславіе скоро измѣнило шайнѣ, копорую бы сохраняшъ споль нужно мнѣ было. Я горѣла желаніемъ разгласишь ее. Въ одно утро пришла меня посѣшишь одна молодая дѣвушка,

съ копорою я до знакомства съ Марловомъ очень дружна была. Чшо это, Фанни! сказала она мнѣ, шы насъ совсѣмъ оставила для Г. Марлова. Осшерегайся моя любезная, чшобъ онъ не засшавилъ шужишь о пошерѣ всѣхъ прочихъ швоихъ прїяшелей. — Ахъ! сказала я ей съ улыбкою и презрительнымъ видомъ, конечно послѣдую швоимъ совѣшамъ. — Право, говорила она, очень бы хорошо сдѣлала прїнявъ ихъ. Искренно скажу, чшо весьма непросшительно шобъ пропускашь такую выгодную паршю, какъ Клодъ, сынъ нашего мѣльника. — Клодъ? вскричала я самымъ надменнымъ тономъ. Боже мой! шы забываешь моя милая, кшо я! — Кшо шы? перехватила она, шпрушая мою дерзосшю. О! да, сказала она, шакъ, я забыла, чшо шы дочь бѣднаго сельскаго Викарїя, имѣющая гораздо болше въ головѣ

шщеславїа, нежели денегъ въ кошелькѣ. — А я, сказала я ей, не забыла, что швое невѣденіе равняешся швоей дерзоспи. Хопя я дочь бѣднаго священника, но помолвлена за одного богашаго человекъ, и никакъ не думаю, чтобъ шы могла со мною въ чемъ нибудь равняшься. Разговоръ нашъ, въ селеніи повшоряемый, скоро достигъ до слуга слуги Марлова, кошорой шощасъ понялъ причину, удерживающую шущъ его молодаго господина, и немедленно дядю его о шомъ увѣдомилъ. Въ слѣдствіе сего бѣдный Марловъ поспѣшно получилъ пи с ь м о, наполненное жесточайшими укоризнами, и повелѣніемъ ни мало не медля возвращишься. Эшо было для всѣхъ насъ громовымъ ударомъ; но надлежало избирашь между послушаніемъ и пошерю всей благосклонности дяди. Боюсь я, ска-

залъ онъ , приугошовляясь къ опѣѣзду и прижимая меня къ груди своей ; боюсь я , что мы долго не увидимся ; боюсь также , бышь дядею , обязаннымъ къ обѣщанію не писашь къ вамъ . Вспѣли сбдущся оба сіи опасенія , шо ни удаленіе мое , ни молчаніе не опносите ни къ малѣйшему уменьшенію моей къ вамъ приверженности . Онъ уѣхалъ , а съ нимъ удалилось и благополучіе мое . Мать моя скоро послѣ его опѣѣзда получила жестокою лихорадку , кошорая окончила дни ея . Опець мой , будучи нѣжнаго свойства и слабого сложенія , сполько былъ пронувъ почши скоропоспижною смерщю подруги своей , что самъ не замедлилъ пасшь подъ бременемъ печали . Не можно изобразить ужасъ шогдашняго положенія моего ! Я видѣла себя одну во всей вселенной ; не было ни одной

дружеской руки, поддерживающей меня стоящую подлѣ могилы, въ кошорую заключалось все шо, что я дражайшаго имѣла. Не знала я, гдѣ Марловъ; да ежели бы и знала, шо никакъ бы не осмѣлилась имѣшь съ нимъ переписку, опасаясь повредишь ему чрезъ шо у дяди его. Грубоспю моею пошеряла вниманіе сосѣдей своихъ, и они едва снисходили оказывать мнѣ, чего шребовало ошъ нихъ обычное человѣколюбіе, чтообъ не допусшишь меня совсѣмъ погибнушь, непосредшвенно при шомъ давая мнѣ чувшвовашь мою зависимость. Въ семъ печальномъ положеніи получила я приглашеніе ошъ одной моей въ школѣ бывшей подруги, кошорая въ замужствѣ за богатымъ ошкупщикомъ жила за сорокъ вершъ ошъ нашего селенія. Она мнѣ предлагала приѣхашь пожишь съ нею до шѣхъ

порѣ, какъ я буду въ состояніи найши какое либо другое средство къ содержанію себя. Съ радостію приняла я предложеніе сіе; и заплакавъ послѣдній разъ на гробѣ моихъ любезныхъ родителей, наняла коляску, какую только могла сыскать подешевлѣ; отправилась къ ней, взявъ съ собою все мое имущество, которое заключалось въ одномъ чемоданѣ.

Я льстилась обрѣсти у друга моего тихое пристанище, до тѣхъ порѣ, какъ Марловъ будетъ въ состояніи выполнить свое обѣщаніе, и когда я возмогу сама воздать за оказываемую мнѣ хорошую услугу. Но скоро надлежало мнѣ съ сею мыслию просишья; ибо едва только здоровье мое немногo поправилось, какъ она обвѣстила мѣ, что я должна искать какое нибудь средство къ содержанію

себя моею работою и услугою. Крайне востревожилась я, увидя всѣ мои надежды исчезающими. По щещславію моему воображала я, что Марловъ и не подумалъ бы обо мнѣ болѣе, ежели бы я унизила себя до того, чтобъ приняла званіе служительницы. Сказала я ей, что весьма незнающа я въ услугахъ всякаго рода; что умѣла только шить и рисовать кое-какъ, и другія по способности своей руководя. По описаніи моихъ дарованій, сказала она мнѣ, что навѣрное удачи ей помѣстить меня въ услуги къ одной Госпожѣ въ сосѣдствѣ, которая очень богата, и съ давняго уже времени ищетъ, кого бы она могла заставить для себя читать и работать по ея вкусу. Предувѣдомила меня, что она была немного вздорна, но что употребляя ласку, я могу угождать ея прихотямъ; что при-

помѣ для сохраненія добраго имени моего весьма для меня хорошо бышь въ столь почтенномъ домѣ. Какъ не избъ чего мнѣ было избирашь, то и освѣдомлялась подробнѣе о Госпожѣ сей. Не безъ величайшаго обошлось движенія, когда я узнала, что то была шешка Марлова. Сердце мое ошѣ радости зашрепепало при помышленіи, что подѣ одною съ нимъ кровлею обиташь буду; льспилась, что услуживаніемъ шешкѣ не унижу себя въ глазахъ его. Надлежало однако же, чшобѣ насшоящее имя мое было не извѣсно, и я просила мою пріяшельницу скрышь его. Она шупила надѣ моимъ щеславіемъ, счишая, что ошѣ него влагается мнѣ мысль сія; но обѣщала однако же шо исполнишь; она не сомнѣвалась, чшобѣ я не была принята по ея предшавленію. И такъ взявъ съ со-

бою образцы моего рукодѣля, ошправилась я къ дому Марлова. Это было старинное жилище, окруженное заборомъ изъ деревъ, весьма исправно ошприженныхъ плоскою дольною и порядочно посаженными расшеніями. Двѣ спашуи, помѣщенные на одной колодѣ, не изображающія никакого подобія, извѣстнаго на земли, въ моряхъ или въ воздухѣ, составляли ужасной видъ надъ желѣзными ворошами, въ кошоры, казалось, онѣ входъ воспрещали. Старой приворошникъ ошворилъ мнѣ ихъ; я ему сказала о причинѣ моего прихода; онѣ слушалъ меня, пребывая неподвиженъ, и швердо расположенъ, какъ я думаю, не ошавляшь ворошъ своихъ, хотя бы онѣ самого Короля былъ куда посыланъ. Онѣ кликнулъ слугу, кошорой будучи немного глухъ, засшавилъ меня съ чешвершь часа шолковать съ

нимъ , и проводилъ въ покой въ
верхній этажъ. Я мнила бытъ
въ жаркую страну пренесенною :
хотя тогда была половина Юля,
но превеликой огонь раскладенъ
въ каминъ ; полъ устланъ былъ
преполсными коврами , на коихъ
изображены были разныхъ ро-
довъ птицы , звѣри и цвѣшны.
С п а в н и преплосные и ис-
правно зашворенные , оконницы
выпачканныя. Хозяинъ и хозяй-
ка дома въ большихъ креслахъ
сидѣли подлѣ угловъ камина.
Три собаки и столько же кошекъ
спали у ногъ ихъ. Мужъ, облокот-
ясь на столъ, устремилъ глаза
въ толстую книгу , а жена кру-
жевцо распрадела. Физиогно-
мiя обѣихъ изображала худое
здоровье , и вмѣстѣ худое свой-
ство. Не себя ли — сказала мнѣ
Госпожа , снимая съ носа боль-
шія очки , и съ ногъ до головы
меня осматривая — Миссрисъ

Вильзонъ хотѣла прислать ко мнѣ? Но ты съ лишкомъ молода, моя милая, для нашей службы. Какъ себя зовушь, и откуда ты? — Я пригошоваюсь къ симъ вопросамъ, скрыла отъ нее мое подлинное имя и мѣсто рожденія. Посмотримъ-ка рукодѣльи твои, сказала она мнѣ; и я ихъ подала ей. Работы очень изрядная, говорила она, только рисунки гадки, очень гадки. Вотъ со вкусомъ, продолжала она, показывая мнѣ нѣкоторыя шитья въ золотыхъ рамкахъ. Я говорила ей, что никогда подобныхъ не видывала. Выраженіе сіе она перетолковала въ великую похвалу, которою очень была довольна. Подлинно, сказала она, не малой подвергаюсь опасности принимая тебя; однако же ежели ты согласишься сообразоваться съ правилами нашего дома, по по предшавленію Миссиссы

Вильзонъ, и изъ сожалѣнiя, ошваживаюсь принять тебя. Но только надобно тебѣ знать, что я не хочу ни попрыгушки, ни любопышницы, ни болтушки въ моемъ домѣ; ты должна быть скромна и въ одеждѣ и въ поступкахъ, осторожна въ словахъ, прилѣжна къ рукодѣлю, и довольна бытъ тѣмъ, чтобъ только въ Воскресные дни ходишь въ церковь. . . Въ возвѣщаемомъ мнѣ родѣ жизни зрѣла я подлинное и тяжостное рабство; но мысль единая, что оно будетъ услаждаться присуществiемъ Марлова, заставляла меня рѣшиться на оное. Послѣ обѣщанiя моего исполнять ея волю, она меня оставила. Сама взялась научать меня выполнять жесточайшiя мои обязанности; не спану рассказывать вамъ различныхъ испытанiй, коимъ подвергали меня ея строгость и суровый нравъ; до-

волью мнѣ сказать вамъ, что шершнѣе мое и склонности выдерживали истинное мученіе. Цѣлой день я сидѣла за работой, выпивая рисунки ея выдумки, которые изображали все, что есть ужаснѣйшаго въ природѣ. Не могла шагу сдѣлать изъ дому, кромѣ какъ въ Воскресенье выходить въ церковь; или иногда случалось вечеркомъ, рѣдко, да и то тогда, какъ уже ничего подъ носомъ не видишь.

При вступленіи моемъ Марловъ былъ въ отсутствіи, и я не смѣла спросить, когда онъ возвратился. Здоровье мое разстроивалось и духъ ослабѣвалъ. Въ слѣдствіе столь неподвижной жизни, какую меня весели заставляли, когда и случалось выходить, то вмѣсто того, чтобы насладиться прокладностію воздуха, или сдѣлать какое движеніе, я садилась оплакивать мое

прошедшее блаженство. Однажды, во время моего обѣда съ спаррой горнишной, уведомила она меня, что съ нѣкотораго времени опсусшсвующаго молодаго Господина Марлова ожидали въ слѣдующій день; по щасію добрая женщина смущенія моего не замѣшила. Я вышла изъ за стола, какъ только могла скорѣе, встревожена будучи чувствомъ неизъяснимаго удовольствія. Никогда не забуду я ощущаемаго мною движенія, услыша шопотъ лошадей его везущихъ, и увидя повозку вѣзжающую на дворъ. Напрасно спаралась я продолжашь мою работу: руки у меня дрожали, и я распросперлась на моемъ шулѣ, дабы предашьясь сладосшной мысли о свиданіи съ нимъ, которе я счишала для себя неизбѣжнымъ. Но спрогая моя Госпожа пришла вырвашь меня изъ сего пріятнаго мечша-

ція, увѣдомивъ меня, что я должна заключиться въ своей комнатѣ и въ шой, гдѣ живешъ другая горничная, до шѣхъ поръ, какъ племянникъ ея, молодой и немного дикой человекъ, говорила она, пробудешъ здѣсь; чшобъ я была скромна и добродѣтельна, какъ кажуся бышь. Я сама безъ сомнѣнія чувствовала необходимость сего посшупка. Рѣчью сею сжималось сердце мое; но по прошесшви первыхъ минушъ ушѣшалась я помышляя, что какъ нибудь досшигну обманушъ бодрость клюшницы, кошя она Аргусу подобна была. Однако же мнѣ не удалось исполнись моего предпріяшя, а уже нѣсколько дней прошло, въ копорые сильно голова моя кружилась ошъ мысли, что въ одномъ домѣ съ Марловомъ, и онъ шого не вѣдаешъ.

Напослѣдокъ выдумала я средство, кошорое могло бы, какъ

я думала, дашь ему пушь кѣ опкрышю меня. Окончила я работу, весьма угодную вкусу старой Госпожи: это была ужасная корзинища съ цвѣтами, кошорую несла кошка на спинѣ, имѣя въ когтяхъ своихъ несчастную мышь. Восхищеніе моей Госпожи при семъ превосходномъ искусствѣ ободрило меня попросить позволенія сработашь чтонибудь моей выдумки. Она на по согласилась, и я съ крайнимъ усердіемъ начала работашь. Изобразила видъ свой, какъ могла наилучше; предсшавила себя въ печальномъ плашѣ, подлѣ могилы въ деревенскомъ кладбищѣ, по близости кошораго постшавила домъ, довольно сходшвующій съ шѣмъ, гдѣ я жила; половина онаго скрывалась въ кучѣ деревьевъ. Всѣ сіи предметы совокупно должны возбудишь въ Марловѣ воспоминаніе о бѣдной Фанни.

Опнесла мое рукодѣлье къ Госпожѣ своей, которая онымъ весьма была довольна, и сказала, что она великъ его въ рамки поставишь. Въ слѣдующій день, какъ я сидѣла съ ключницей за обѣдомъ, вдругъ комнаша открылась, и я вижу входящаго Марлова. Я чаяла чувствъ лишишься. Подруга моя уронила свой ножикъ и вилку; но Марловъ, подошедъ къ ней сказалъ, что ему что-то дурно, и шакъ просилъ принеся выпить чегонибудь для подкрѣпленія. Она вышла съ досаднымъ видомъ, дабы принести пребуемаго имъ, а Марловъ, потчасъ приближась ко мнѣ и бросивъ на меня сосрадашелейный и нѣжный взоръ, сказалъ мнѣ: сего вечера въ одиннадцать часовъ приходишь въ пріемную залу. Время казалось мнѣ долго; наконецъ насталъ шобъ часъ. Я нашла Марлова; онъ обнялъ меня,

слезы его соединились съ моими, когда рассказала ему печальную мою испорцію. Любезная моя Фанни! сказалъ онъ мнѣ: шеперь, когда вы лишились подпоры въ любезныхъ вашихъ родителяхъ, мнѣ надлежитъ засшупишь мѣсто ихъ. Я окажу соопвѣтствіе довѣренности, которую они ко мнѣ имѣли; ваша честь и моя, для меня все равно. Не обманулся я въ мысли вразсужденіи: поступка со мною, котораго ожидалъ отъ нечувствительныхъ родственниковъ моихъ. Ежели бы я не сдѣлалъ поржеспвеннаго обѣщанія прервать всякое съ вами сношеніе, то бы безвозвратно былъ ими оставленъ. Какъ горекъ, сказалъ онъ мнѣ, имѣя слезы на глазахъ, хлѣбъ зависимости! Съ величайшею шрудностію подвергаюсь я споль недосшойному рабству, и спону наконецъ положеніе мое, ушб-

шаясь 'только мыслию о благополучіи, которе раздѣлю нѣкогда съ моею Фанни. Если бы я зналъ, продолжалъ онъ, ваше несчастіе, что мнѣ никакъ было не удобно; но не взирая на неусыпную бодрость шпионовъ моего дяди, никакой страхъ не воспрепятствовалъ бы мнѣ лѣтъ въ вамъ на помощь. — Слава Богу, сказала я ему, что вы того не знали! Тешушка, продолжалъ онъ, показывала мнѣ вашу работу, на которую величайшія похвалы расточала; съ перваго разу я взглянулъ безъ вниманія, но полчасъ живѣйшее участіе заснуило мѣсто сего равнодушія, какъ скоро только по предметамъ, тушъ изображеннымъ, позналъ, что непременно рукъ вашихъ должна быть сія работа. Всячески старался вывѣдать отъ тешки моей какое нибудь обьясненіе для поддержа-

нія догадки моей, но всѣ мои
усилія были бесполезны. Одѣваясь
спрашивалъ своего слугу, въ
описушствіи нашемъ не сдѣлалось
ли какой перемѣны, или приба-
вленія въ домъ? Онъ сказалъ, что
слышалъ: взята какая-то мо-
лодая особа, занимающаяся шить-
емъ; но что она съ прочими
служителями никакого сношенія
не имѣла.

Тутъ же объяснилъ мнѣ
Марловъ, что онъ не могъ того
сносить, чтобъ я еще долѣ жи-
ла въ рабскомъ состояніи, и
что безъ всякаго ошлагашел-
ства желалъ судьбу свою соеди-
нить съ моею. Сначала довольно
слабо спрашивлялась я его на-
мѣренію, но скоро рѣшилась, мо-
жетъ быть для собственн^{ой}
моей выгоды, и дала на то свое
согласіе. Было положено, чтобъ
я объяснилась его шепкѣ, что
здоровье мое не позволяло мнѣ

еще долѣе при ней оспашься, и чшобы мнѣ опсправиться вѣ одно селеніе вѣ шести миляхѣ опсюду, куда Марловѣ взялся привезши одного молодого священника, особеннаго друга его, дабы обвѣнчашь насѣ. Расположеніе наше было выполнено, такѣ какѣ условились, и я сдѣлалась супруга Марлова. Вы конечно полагаешь, чшо шущѣ восходила я на верхѣ моего блаженшва? И дѣйствительна я касалась онаго, какѣ глупость моя низвергнула меня опшуда. Чрезмѣрна шягопилась я шайною, которую мнѣ хранить надлежало; жаждала шой минушы, когда бы сіяющею могла выдши изѣ облака, держщаго мои дарованія и красоту подѣ сокрышіемѣ опѣ цѣлаго свѣша, которой, какѣ я была увѣрена, воздалѣ бы имѣ достойное. Люди, у коихѣ и жила, считали себя обязанными Марлову, и изѣ

корысти, сколько же какъ и изъ благодарности, въ величайшей сокровенности содержали шайну моего въ домѣ ихъ пребыванія. Они думали, или старались показать, будто какъ думаюшъ, что я была сирота и попеченіямъ Марлова ввѣренная безъ вѣдома дяди его. Три или четыре раза въ недѣлю, Марловъ украдкою пріѣзжалъ со мною видѣться. Такимъ образомъ прошелъ мѣсяцъ, какъ въ одинъ день, будучи у окошка въ передней комнатѣ, увидѣла я Мисприссъ Вильзонъ, пробѣгающую чрезъ деревню. Я скоро опошла, но не съ довольною успѣшностію, чтобъ избѣжать примѣчанія ея. Тотчасъ она спущала въ дверь со всѣмъ рвеніемъ любопытства. Первыя ея вопросы я свесла довольно хорошо; но когда она съ досадою укорила меня въ томъ, что я повиную

преизрядное ею доставленное мнѣ мѣсто, и въ томъ, что я солгала, сказавъ, будто нахожу себѣ другое, и наконецъ, что я повредила Марлову моею нескромно-стью, не могла уже я болѣе удержа-ться; и вспоминая жестокость, съ какою понуждала она меня къ воспріятію унизи-тельного рабскаго сословія, рѣши-лась полную доставить ей до-саду: дала себѣ весь видъ над-менности, которой я умѣла при-нимать; качалась на моемъ спулѣ, оказывая совершенное равнодушіе ко всему тому, что она говори-ла, и на послѣдокъ сказала ей повелительнымъ видомъ, чтобъ не надѣдала мнѣ болѣе своимъ болтаньемъ. Она до крайности озлилась, и въ бѣшенствѣ сво-емъ сказала мнѣ начисто, что поступкомъ моимъ съ Марло-вымъ я никакъ была недостойна привязанности, которую онъ ко

мнѣ имѣлъ. — А! а! сказала я ей, забывъ все благоразуміе: и такъ по вашему расчету ему не должно болѣе и видѣть свою жену? — Свою жену? повшорила она презрительнымъ и недовѣрчивымъ голосомъ... Чшобъ увѣришь ее и болѣе взбѣсишь, показала я ей актъ нашего брака. И такъ щеславіе и досада довели меня до того, что жребій мой предала въ руки шакой женщины, копорой чуждо было всякое великодушное чувствіе, и сердце копорой завистью пожиралось. Прозьба, сдѣланная мною при ея выходѣ, сказанное ей хранишь въ шайнѣ, болѣе еще побудила ее пошчасъ объявить оное. На другой день послѣ ея посѣщенія, вижу я, что Марловъ входитъ въ комнату мою блѣденъ, встревоженъ и едва дышетъ; онъ бросился на стулъ. Виновная совѣсть моя урекала сердцу мо-

ему; подходя къ нему я препенала. Онъ шико опшолкнулъ меня, когда хопѣла я взять его руку. Безчеловѣчная и безразсудная жена! сазалъ онъ мнѣ: въ какую ввергаешься пронасть щеславіемъ своимъ и нескромношю! ты себѣ и мнѣ навлекла пагубу. Спыдѣ и угрызеніе налагали оковы на языкъ мой; но ешьлибъ и могла я говорить, никакъ не предприняла бы извинышь себя. Я спала въ уголькомнапы, и проливала испочникъ слезъ. Марловъ, всегда добръ, всегда нѣженъ ко мнѣ, не могъ долбе выдерживать своей досады, вскочилъ съ своего спула, и взявъ меня въ свои обѣдшія: о Фанни! говорилъ онъ мнѣ, ты слубила меня, ты же и любезнѣе мнѣ, нежели когда нибудь!.. Нѣжность его шронула меня гораздо болѣе, какъ бы могли шо сдѣлать всѣ укорузны его.

Слезы и рыданія мои довольно свидѣтельствовали чистосердечное раскаяніе мое.

Всякая надежда со стороны его дяди была разрушена. По извѣстїи о нашемъ бракѣ, которой Миссриссѣ Вильзонѣ, вышедѣ ошѣ меня, побѣжала сообщить ему, старикѣ изорвалѣ завѣщаніе, и сдѣлалѣ другое въ пользу дальняго родственника своего. Услышавѣ сіе происшествіе, я была въ себя, бросилась къ ногамъ моего мужа, умоляла прощеніе его, объясняя припомѣ, что сама себѣ я вѣчно не прощу сего. Онѣ успокоился, дабы не умножашѣ мученія и опечаленія, въ кошоромѣ видѣлѣ меня, и сказалѣ миѣ, что по потерянїи помощи ошѣ дяди, оставалось ему еще прибѣжище къ нѣкошорымѣ друзьямъ его. Мы отправились въ Лондонѣ, и упованіе его не было обманушо. Чрезѣ

хорошкое время по приѣздѣ еѣ, получилъ онъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ. Мужъ мой всегда былъ расположенъ въ удовольствованію всякихъ прихошей моихъ, часто вздорныхъ. Рѣдко бывала я дома, искала только забавы и похвалъ себѣ; прослыла я хорошою женщиною, и съ радостію слушала относящіяся ко мнѣ гущія привѣщанія и ласкашельства. Познакомилась съ одною молодою вдовою, которая подъ наружностію невинности и добродѣтели скрывала развращенное сердце, и которая, услуживая порокамъ другихъ, доставляла себѣ средства собственныя свои удовольствовать; но сполько въ поведеніи своемъ упошребляла искусства, что доброе имя ея не поврежденно сохранялось, и въ домъ ея былъ съѣздъ наилучшихъ обществъ. Поступки ея

правились мужу моему, и онъ одобрялъ наше дружество. Въ собраніяхъ нашихъ я сдѣлалась предметомъ сына одного Пера, кошорой тогда былъ наилучшимъ изъ опличныхъ молодыхъ людей. Онъ объяснялъ мнѣ, что я была неприятнѣйшая изъ всѣхъ когда либо имъ выдаемыхъ женщинъ; послѣ сего объясненія не оставила я помыслишь, что онъ былъ изъ всѣхъ Королевствъ наилучшій человѣкъ. Какъ Лордъ Т* былъ мой спрасный обожатель, то я конечно должна была, да и начинала любить его до дурачества. Но упишились восхищенія мои важными предсавленіями мужа моего, кошорой сказалъ мнѣ, что Лордъ Т* былъ славный, или лучше скажешь, безчестный вершопрахъ, и что ежели я не удалюсь отъ сего человѣка, то должна буду прервать мое знакомство съ мо

лодою вдовой. Рѣшеніе его было жестокое; но какъ онъ во ономъ былъ швердъ, шо я обѣщала въ шомъ согласиться. Обѣщаніе сіе однако же наблюдала шолько въ его присущствіи. Я была тогда беременна, и Марловъ желалъ, чшобъ я сама кормила моего младенца. Сердце мое шполь же сего хотѣло, и я рѣшилась повиноваться. Какъ вдова, узнавъ о моемъ намѣреніи, шушила надо мною, и говорила, чшо весьма досшойно смѣха лишиться всѣхъ удовольствій въ жизни изъ любви къ несмысленному младенцу, кошорой пришомъ гораздо бы лучше былъ вскормленъ въ какойнибудь ближней деревнѣ. Долго прошивилась я предспавленіямъ ея; но она съ шакимъ искусствомъ и съ такою силою изобразила мнѣ все пространшво жершвы, кошорую я въ семъ случаѣ обязывалась сдѣлать, будучи необхо-

димо принужденною опказаться
отъ всѣхъ удовольствій, что
наконецъ убѣдила меня. Я оп-
ывалась, что здоровье мое сли-
шкомъ было слабо для снесенія
шакого безпокойства, и Мар-
ловъ пошчасъ волю свою согла-
силъ съ моею. Часно удивляла
меня его удобопреклонность, съ
какою онъ уступалъ и малѣй-
шимъ моимъ желаніямъ. Малень-
кая моя дочь скоро послѣ ея ро-
жденія была удалена отъ меня;
но когда я, пришедъ въ силы, на-
чала показываться въ свѣтъ, по
смертельно была огорчена, услы-
шавъ, что мой имянишый обо-
жатель для поправленія распро-
шеныхъ его обстоятельствъ при-
нужденъ былъ нѣсколько време-
ни провести въ уединеніи. Еще
около шрехъ лѣтъ продолжала я
ощаиваться удовольствіямъ и раз-
сѣянности; въ печеніе сего вре-
мени произвела я сына, и дочь

моя возвратилась опѣ кормилицы. Весьма часто удивлялась я сама равнодушію и холодноспію своею, съ кою взирала на Марлова и милыхъ дѣшей нашихъ, кошорыхъ онѣ напрошиѣ любилѣ со всѣмъ восхищеніемъ родипельской нѣжности. Увы! щещелавіе тогда все безъ извѣстія занимало сердце мое, и погашало въ ономъ всѣ чувсшва природы; ибо оно раждаетъ въ насъ вниманіе единственно къ себѣ и нечувсшвищелность; оно унижаетъ насъ ниже человекспіва.

Лордѣ Т* возвратился тогда изъ уединенія; онѣ клялся мнѣ, что образъ мой всегда присущсшвовалѣ въ его воображеніи, и что я была гораздо прекраснѣе, нежели когда нибудь; а я находила его гораздо милнѣе и обязательнѣе всѣхъ прочихъ мужчинѣ. Мужѣ мой въ разсужденіи сего дѣлалѣ мнѣ опянь новыя пред-

спавленія, копорыя иногда пра-
гали меня, но часто опшвергала
я ихъ какъ бы бесполезныя. Въ
самой шочности намѣренія мои
были невинны, и я считала воз-
можнымъ удовольствовашь мое
шщеславіе, не подвергая опасно-
сти доброе имя и благополучіе
мое. Въ сіе время одинъ другъ
Марлова, расположившійся жишь
въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лон-
дона, опасно сдѣлался боленъ, и
прислалъ его просишь повидашь-
ся съ нимъ. Маленькая дочь моя
имѣла лихорадку, кошорая очень
оскорбляла опца съ, и принудила
меня опшашься дома, признаюсь,
что весьма прошивъ желанія мо-
его. Марловъ предъ отъѣздомъ
своимъ, сжимая меня въ своихъ
объятіяхъ, говорилъ мнѣ: любез-
ная моя Фанни! оставаяя себя,
сердце мое наполняешся печаль-
ными предчувствіями. О любез-
ный другъ мой! въ тебѣ поль-

ко и въ милыхъ дѣтяхъ нашихъ все мое блаженство полагаю. Попекися о сихъ любезныхъ швореніяхъ, а наиболѣе (бросивъ на меня нѣжный взоръ) попекися о себѣ самой, дабы я по возвращеніи моемъ могъ съ обычнымъ мнѣ восхищеніемъ обнять тебя!... Слова сіи произносилъ онъ шполь швердымъ и вмѣстѣ нѣжнымъ голосомъ, что сердце мое было шронуно ими, и слезы мои съ проливаемыми имъ соединялись. Въ теченіи двухъ дней усердная прилагала я попеченія о дѣтяхъ моемъ, какъ вдругъ прѣзжаетъ вдова посѣтитъ меня; она увѣряла меня, что я непременно занемогу, шполь себя закупоривши, и что уже и такъ цвѣтъ лица моего сдѣлался блѣдный. Говорила мнѣ о прекрасномъ маскарадѣ, для кошораго Лордъ Т* привезъ ей для обѣихъ насъ два билета; но что она никакъ

шамъ не будетъ, естли я не побду съ нею. Давно уже хотѣлось мнѣ увидѣшь маскерадъ; однако же я прошивилась ея прозьбамъ, но съ лишкомъ слабо, чтобъ удержашъ ее ошъ умноженія ея убѣдительностей. Наконецъ я согласилась. Оспавя больное дшя свое попечевіямъ служанки, побжала со вдовою въ лавки и доспала себѣ маскерадное плашье. Лордъ Т* съ нами обѣдалъ, и мы всѣ были въ пріятнѣйшемъ удовольствіи; около полуночи сѣли въ карешу и спиравились въ Гаймаркешѣ. Въ полномъ восхищеніи была я ошъ его вѣжливостей и блестящаго зрѣлица, представляющагося глазамъ моимъ. Въ пять часовъ мы возвращались; вдова взяла носилки, и мнѣ бы надлежало послѣдовать ея примѣру, но Милордъ неосступно просилъ сѣсть въ его карешу, и въ продолженіе

пути начиналъ разговоры, которые меня превозжили, и возбуждали страхъ во мнѣ. Неудовольствіе мое я оказала ему въ выраженіяхъ, сократившихъ дерзость его. Извиненія свои принесъ онъ мнѣ споль поворнымъ видомъ и голосомъ, что я смягчилась, и пріѣхали къ дому вдовы съ шакимъ же дружелюбіемъ, какъ и выѣзжали изъ онаго. На площадкѣ къ дому было нѣсколько скользя, но Лордъ подалъ мнѣ руку и довелъ до онаго. У порога примѣшила я человека, завернувшася въ епанчу и лице покрыто распущенною шляпою; но какъ никакъ его не замѣчалъ, что и я не сдѣлала большаго вниманія. Мы сѣли ужинашь съ довольною веселосшію и переговаривали объ удовольствіяхъ того вечера. Лордъ Т* предложилъ намъ отдохнувъ нѣсколько часовъ сдѣлать завтра по ушрѣ

прогулку въ его загородной домъ въ Ришемонтъ. Предложеніе его нами принято, и мы разошлись взявъ и б кошорое успокоеніе. Около полудни, вспала я и одѣвалась, какъ Милордъ и вдова вошли въ мою комнашу; почти въ ту же самую минушу приносился ко мнѣ письмо. Боже мой! сказала я вдовѣ, любезная Галькошъ! что со мною будешь, ежели Марловъ возвратился? О! чишай, моя любезная, съ нешерпѣливостію сказала она, а тогда уже мы найдемъ, чемъ извиниться. Я щцашельнѣйше хранила письмо сіе, продолжала Мисшриссѣ Марловъ, всегда носила его на груди своей, и на сердцѣ, дабы предохранить оное отъ какого либо новаго дурачештва. Вошъ оно:

„Надмѣру основательны были мои предчувствія; мы разлучены съ шѣмъ, чтобъ никогда бо-

лѣ не видаться. О Фанни, которую я сполько любилъ! какъ ты сама себя поперяла для себя, и какъ для меня навсегда поперяна! для себя пожертвовалъ я богашствомъ и всѣми выгодашми, но жертва сія ничего мнѣ не стоила, увѣренному, какъ я тогда былъ, что всегда бы я нашелъ благополучіе въ жизни, препровождаемой съ тобою. Красота твоя плѣнила меня; но протшодущіе твое наиболѣе еще побѣдило сердце мое. Я мнилъ взять подъ кровъ мой любезное дитя невинности и чистосердечія. Должность моя и нѣжная къ тебѣ свлонность заставили меня рѣшиться дать тебѣ въ ономъ опѣреніи судьбы убѣжище. Возможно тебѣ было замѣшишь, сколько испытывалъ я грусти и прискорбія при малѣйшемъ поврежденіи твоего здоровья. То, чего спрашился я

тогда, было бы для меня почти несчастливымъ приключеніемъ въ сравненіи удручающаго меня теперь нещасія; ибо признаюсь тебѣ, Фанни, что сто кратъ охотнѣе бы желалъ тебя видѣть въ челюстяхъ смерти, нежели въ рукахъ безчестія.

„Возвращаясь отъ друга моего, ошлягченный печальнымъ зрѣлищемъ, встрѣтившимъ меня тамъ по случаю смерти, которой я свидѣтелемъ былъ, поддерживалъ себѣ надеждою утѣшенія, какое бы могъ я обрѣсти подлѣ моей Фанни. Боже мой! какое ужасное чувство объяло меня, когда я нашелъ бѣдное, почти умиряющее дитя свое, брошенное матерію и наемницею, попеченіямъ которой оно ею было предоставлено. Я навѣдывался, и жестокая справедливость пришла осаждать душу мою. Однако же послѣ первыхъ движеній гнѣва

моего , возчувствовалъ я , что гораздо яснѣйшія доказательства потребны мнѣ были , дабы рѣшишь-ся разлучишь себя съ тобою. Увы ! не трудно мнѣ было получишь ихъ. Въ безразсудномъ швоемъ пуши преслѣдовалъ я себя до шѣхъ поръ , какъ увидѣлъ себя почти въ рукахъ гнуснаго Лорда Т* въ домъ развращенной плюшовки , покровительствующей удовольствія его. Ты удивишь-ся можешь бышь , что я себя изъ рукъ его не вырвалъ ; безъ сомнѣ-нія не удержался бы я отъ шого , естлибъ средство сіе могло возврацишь себя ко мнѣ со всею швоею невинношю ; но уже шо было поздно. И шакъ я возвра-тился къ бѣднымъ дѣшямъ мо-имъ , отнынѣ лишеннымъ ма-тери ; я плакалъ надъ ними со всею горестію нѣжнаго и безчело-вѣчно обманушаго сердца.

„Прежде нежели сдѣлаю тебѣ послѣднее и вѣчное прощаніе, желалъ бы я, есѣли по возможно, увѣришь тебя, что гласъ совѣсти никогда не заглушается; что незаконная любовь всегда преслѣдуется угрызеніями и обманывается въ глупыхъ упованіяхъ своихъ; что время и лѣша ослабляющъ раждаемая оною пріяшности, и она совсѣмъ исчезаетъ въ груди того, кошорый привлекаемъ былъ только внѣшними и переходящими прелестями. Когда постигнешъ себя сія минуша осшавленія, тогда-шо вспомнишь можешъ быть о Марловѣ. Такъ, Фанни, я увѣряю себя, что когда ошъ горесныхъ заботъ поблекнушъ розы на щекахъ твоихъ, когда ошъ опчанія ослабѣешъ духъ твой: тогда помыслишь о томъ, кошорого вѣжностъ къ тебѣ пережила бы время и несчастіе, и

доставляла бы тебѣ поддержку въ
тягостномъ пути жизни.

„Остановишь себя во всемъ
спрежленіи порока, ешь благо-
родное усиліе и почти собесѣдую-
щее добродѣтели. Да возможешь
ты быть къ оному способна, и
доставишь радость благости Не-
бесъ, кошорую, говоряшъ намъ,
имѣюшъ они о раскаяніи грѣш-
ника! Дабы нужда не сдѣлала
для тебя усиліе сіе еще гораздо
труднѣйшимъ, доставляю тебѣ
все то, что могу опянь отъ
имѣнія дѣшей моихъ. О надѣ-
ру любезная виновница! вспомни
правила, въ каковыхъ воспитали
юность твою; укори шѣхъ, кои
смертнымъ спомъ избавляющся
отъ пролипія горькихъ и уже
позднихъ слезъ, надъ тобою со-
единяя ихъ съ моими. Въ уеди-
неніи, куда я удаляюсь, не пре-
спану о тебѣ возсылашь мольбы
къ Небу; и когда дѣши мои на-

чнущь къ Богу воздѣвашь невинныя ручонки свои, научу ихъ умоляшь благосшь Ею о милосердіи къ виновнымъ смершнымъ, не давая имъ знать о заблужденіяхъ швоихъ. Ахъ! да избавяшся они навсегда шого, чшобъ краснѣшь опъ погрѣшносшей машери своей! Искренносшь швоего раскаяніа да возможешъ возвращишь нѣкошорое успокоеніе душѣ швоей, и да позволишь шебѣ находишь еще нѣкую сладосшь вѣ жизни: благо, кошораго думаю шы уже лишилась, дабы могла еще сѣ нѣкошорою бодросшию сносишь бремя сущесшвованіа! Воспоминаніе о тебѣ навсегда пребудешъ вѣ памяши моей, какъ о шакон особѣ, кошораа была нѣкогда шо, что я имѣлъ наидражайшаго вѣ свѣтѣ.

Марловъ. „

Оканчивая чшеніе сего письма, я упала безъ чувсшва. Ми-

Часть II.

I

сприссѣ Галькошѣ и Лордѣ Т*, дабы удовольствовашь любопытство ихѣ, воспользовались сею минушою прочешь его. Пришедѣ въ себя, я находилась между ими. Вы видите, любезный Ангелѣ мой, сказалѣ мнѣ Лордѣ, что безчеловѣчный вашѣ мужѣ ошавляетѣ васѣ; но не опчаявайтесь : у меня вы найдете гораздо пріятнѣе убѣжище, нежели шо, кошорое бы онѣ могѣ вамѣ доспавить. — Милордѣ справедливо говоришѣ, сказала Мисприссѣ Галькошѣ, и вы имѣете причину радовашься свободѣ, кошорую вамѣ ошавляетѣ Марловѣ.

Не буду повторяшѣ всего шого, что говорила я имѣ въ опчаяніи моемѣ; укоряла ихѣ обоихѣ бышѣ содѣшелями сшыда и бѣдшвія моего; и шогда, какѣ сѣ негодованіемѣ опшалкивала Лорда Т*, споящаго предомною на колѣняхѣ, говорила М-

сприся Галькошъ, что она не имѣла ни чувствъ ни нѣжности; но обращаемыя мною къ нимъ жесточайшія и справедливейшія укоризны не облегчали тягости, удручающей сердце мое. Совѣсть моя гораздо сильнѣе вопіяла, что я сама была соорудительницею совѣшеннаго моего бѣдствія; я уподоблялась человеку, выходящему изъ тягостнаго и ужаснаго сновидѣнія, и къ кошорому еще не совсѣмъ возвратилось употребленіе чувствъ его; и по мѣрѣ, какъ приближались къ разуму моему помысленія о чести и добродѣтели, я съ большею горестію оплакивала заблужденія, меня отъ нихъ удалившія. Въ семъ состояніи, единая мысль, единое желаніе мое было, чтобъ примириться съ моимъ мужемъ, и единое блаженство, къ кошорому съ того часа стремишься я хотѣла. Съ ско-

росшію вскочила я, и не успѣла достигнуть двери, какъ слезы стѣснили духъ мой; ибо пришло мнѣ въ мысль, что уже безъ сомнѣнія онъ былъ далеко отъ меня. Мерзкіе поварищи мои пробовали утѣшить горькую мою, дѣлая мнѣ предложенія, по которымъ ясно увидѣла я, что признавалась ими за шельму развращенную женщину, каковою полагалъ меня бѣдный Марловъ. Я слушала ихъ съ презрительнымъ молчаніемъ, и нѣсколько времени не способна была приподняться и что либо предпринять, до тѣхъ поръ, какъ слуга пришелъ меня уведомить, что вѣрно внизу меня спрашиваютъ. Представилась мнѣ мысль, что можетъ быть это былъ самъ мужъ мой, и я пошелъ; но нашла только одного изъ вѣрныхъ его друзей. При воззрѣніи на него печаль моя была чрезмерна. Я

спрашивала его, не знаешь ли онъ, гдѣ Марловъ? Онъ увѣрялъ меня, что ему совершенно по было не извѣстно; увѣдомилъ меня, что онъ сего утра получилъ отъ него письмо, въ кошоромъ сообщаетъ ему о разлученіи нашемъ и о причинѣ, побудившей его принять шакія мѣры. Заключалось также въ письмѣ томъ, что отдаетъ мнѣ маленькое свое имущество, доставшееся ему отъ отца его, и банкнотный билетъ на сто фунтовъ стерлинговъ. Другъ моего мужа сказалъ мнѣ также, что у него были всѣ плашья мои, и что Марловъ расплашился на кварширъ, гдѣ мы спояли. Немногого мнѣ спюило шруда увѣришь сего честнаго человѣка о моей невинности, и отдашь себя подъ его покровительствво; упростила его проводишь меня въ отдаленную часть города, гдѣ наняла для себя ма-

ленькой уголокъ. Онъ обѣщалъ мнѣ всевозможныя упохребишь спаранія къ ошкрынію пребыванія мужа моего; но всѣ его къ шому усилія были бесполезны. Время заспавляло меня шеряшь всякую надежду къ возвращенію его, не ослабляя однако же сильнаго моего къ шому желанія. Здоровье мое поспѣшало къ разрушенію спремилось; совѣшова-ли мнѣ перемѣнитъ воздухъ. Ошправилаь я вѣ Брисполь; шамъ имѣла щасшіе ошановишья вѣ одномъ домѣ сѣ нѣкошорою пожилою Ирландскою Госпожею. Крошкія и благосклонныя пошупки оной пріобрѣли мою довѣренность, и поощрили меня разсказать ей печальную мою испорію, вѣ чашии возбудишь состраданіе ея. Она шакже великія имѣла печали; но какъ горести ея были изъ числа шѣхъ, кои влекушья превращаюшю щасшія, а не соб-

спвеннымъ своимъ неблаго-
разуміемъ и погрѣшностями ,
шо она сносила ихъ съ бодро-
стію и безъ мученія , происходя-
щаго ошъ прешерпѣваемыхъ мною.
Ошѣздъ ея приближался , и я
съ жесткою скорбію взирала на
мою съ нею разлуку ; она разсѣ-
яла оную , сдѣлавъ мнѣ предложе-
ніе жишь съ нею. Восемь лѣтъ
прошло съ тѣхъ поръ , какъ я
лишилась мужа своего , и обрѣ-
сти его не имѣла уже болѣе ни-
какого вѣрнаго упованія , кошо-
рое бы могло понудить меня
пренебречь предлагаемая мнѣ
выгодности. Передъ ошѣздомъ
писала я ко многимъ его друзь-
ямъ , дабы увѣдомишь ихъ о
принятомъ мною намѣреніи , и о
мѣстѣ , куда бы они могли до-
спавлять ко мнѣ какія нибудь
извѣстія о Марловѣ , ешьямъ бы
шолько удалось имъ получишь
ихъ. Пять лѣтъ препроводила я

подлѣ сего почтеннаго друга, и имѣла удовольствіе мыслишь, что я ушѣшала послѣдніе дни ея. Домъ сей съ принадлежащею къ нему землею, и чешыреста фунтовъ стерлинговъ, составляли все ея богатство, которое она мнѣ по духовной оставила, не имѣя никого изъ ближнихъ родственниковъ, которой бы имѣлъ какое либо право на оное:

Разсказанныя мною происшедшія служашъ подтвержденіемъ въ которыхъ нравоучительныхъ правилъ, что необходимо нужно не перяшь никогда изъ виду: первое, что безъ богобоязненнаго уваженія къ приличному наславленію во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ, мы не можемъ жизнь нашу учинишь щасливою; второе, что поведеніе наше въ молодыхъ лѣтахъ приуготовляешъ и даешъ намъ въ старости благополучіе и ушѣщеніе, или бѣдствія и

угрызенія. Ежели бы внимала я симъ урокамъ, преподаваемымъ мудросшію и опытами, избѣгнула бы погрѣшностей, неблагоприятіемъ моимъ содѣланныхъ, и блаженствомъ моимъ не пожертвовала бы пустому тщеславію; вмѣсто того, чѣмъ бышь изгнаннымъ существомъ въ свѣтѣ, видѣла бы въ уголкѣ супруга, коему опдала сердце мое, и дѣшей, а можешъ бышь еще и внучашъ, вокругъ меня играющихъ. Но лишеніе многого и спрэданія наше сушь пошлина, которою долженствуемъ мы глупости. Напрасно въ извиненіе предспавляюшъ слабостъ человѣческую, силу примѣра, свѣтскія обольщенія, искушенія, говоряшъ намъ, весьма могущественныя надъ добродѣшелію, кошорая хочешъ и не можешъ имъ прошивишься. Пустое оправданіе! Нѣшъ такого искушенія, кошораго бы мы не могли

избѣгнушь, или воспролившись
оному, и всегда наша собствен-
ная вина, ежели не находимъ или
не предпринимаемъ средствъ къ
тому; наша вина, естли не
убѣгаемъ съшею, порокомъ и безу-
міемъ спезямъ нашимъ посла-
ваемыхъ. Скорби сердца и
обмануныя надежды сушь удѣлъ
человѣчества; и когда оныя не
есть дѣйствіе неблагоразумія на-
шего, но надлежитъ, признавая
ихъ за полезныя испытанія, ко-
имъ Небо подвергаетъ насъ, дабы
исправитъ и лучшими учинитъ
насъ, сносишь съ терпѣніемъ и
веселостию... Когда пересѣла она
говоритъ, глубокій вздохъ выле-
тѣлъ у Оскара, и нѣсколько слезъ
омочили щеки Аделии. Я, какъ
какъ старуха, сказала имъ: Мис-
сриссъ Марловъ составила вамъ
длинную и скучную исторію; но
полагаюсь на ваше снисхожденіе
и дружбу.

Г Л А В А 3.

Ночь наступала, и Аделія собиралась ъхашь, пошчасъ какъ пріятельница ея окончила свое повѣствованіе. Мисприссѣ Марловѣ осшерегалась ея удержи-вашь, хошя взоры Оскара каза-лось просили ея упошребишь къ шому сшараніе. Время было па-смурно и дождливо, чшо воспре-пашствовало Мисприссѣ Марловѣ проводить Аделію до ея карешы. Оскарѣ взялъ зоншикъ изъ рукъ лакея, и послалъ его приказашь ближе подвезши карешу и поддер-жашь опворенную калишку. Оскарѣ! сказала Мисприссѣ Мар-ловѣ, не желая даже сего краш-каго на единѣ ему сѣ. Аделіей пребыванія досшавишь, — госшожя Бельгравѣ избавишь васѣ ошѣ сей вѣжливосши; ваше здоровье ше-перь не шаково, чшобѣ вамѣ воз-можно было подверганься сшоль

вуровому времени. Аделія при-
соединяла свои предсшавленія къ
чинимымъ Мисприсою Марловъ,
но весьма слабымъ голосомъ и
пресѣкающимися словами. Оскаръ
подавъ ей руку, на кошорую
она облокошилась. Онъ чувшво-
валъ, что она дрожала; ужасное
прецешаніе я его объяло. Нико-
гда можешъ бышь Аделія и онъ
самъ не испышывали споль же-
спокаго мученія. Аделія, полага-
я, что надлежало говоришь съ
нимъ, дабы молчаніе ея не пока-
залось ему чрезмѣрно великимъ
смущеніемъ, сказала ему: боюсь,
чтобъ ошъ оказываемыхъ вами
мнѣ услугъ не поспрадало ваше
здоровье. Онъ покушался ошвѣ-
чашъ, что здоровье его уже по-
лучило вредъ жесточе сего, но
удержался, а доволенъ былъ
сказавъ, что онъ бы весьма жу-
дой былъ солдашъ, ешъли бы я
малаго вѣшра не могъ снесши.

При свѣшѣ карешныхъ фонарей
примѣшилъ онъ, что щеки Аделии
омочены были слезами. Трево-
жась спрахомъ, чтобъ не пока-
зашъ своего движенія, она спѣ-
шила сбѣсшь въ карешу; но преж-
де нежели оставила руку Оскара,
на одну минушу облокотилась
на оную свою, какъ бы изобра-
зиль шѣмъ свое прощаніе, кошо-
раго языкъ не дерзалъ произнесшь.
Кареша побѣжала, а Оскаръ въ не-
изъяснимомъ уныніи пребывалъ
неподвиженъ на томъ мѣстѣ,
гдѣ она его оставила, до шѣхъ
поръ, какъ изъ сего положенія
извлеченъ былъ голосомъ Мис-
сриссы Марловъ, кошорая, испу-
тавшись его опсущствія, шла
с а м а искашь его. Успокоясь
нѣжными ея попеченіями, онъ во-
шелъ въ покой; но вновь прево-
жило его негодование на вѣролом-
наго В. льграва, предавалъ его
тысячи проклятіямъ, не шокмо

какъ содѣшеля нещастія его, но какъ шакого, которой соорудилъ оное для шворенія, посшавляемаго имъ гораздо дороже самого себя: для прелесшной Аделіи.

Мисшриссѣ Марловѣ всячески спаралась успокоить и ушѣмишь его, и наконецъ до шого досшигла, что ослабила нѣсколько жестшовосшь движеній его. Она соглашалась съ нимъ, что сдѣланная имъ пошеря надмѣру велика; но предшавляла ему, что какъ уронъ сей былъ невозвращимый, то разсудокъ и добродѣшель повелѣвали ему побѣждашь печаль свою, скрывать ее, и опнынѣ у бѣ гашь свиданія съ Аделіей. Онъ признавалъ справедливосшь сихъ примѣчаній, и шоржешшвенно обѣщавъ согласовашься съ ними. Дружба сей превосходной женщины была цѣлительный бальзамъ, изливаемый на раны сердца Оскарова; и ея со-

общество было единое удовольствіе, которое вкушашъ онъ находилъ себя удобнымъ. Онъ бывалъ у нее всякой разъ, какъ только могъ ошлучашься ошъ своей кварширы, и часто проводилъ шущъ при и чешыре дши сряду. Прервавъ посѣщенія свои въ дома, сосѣдственныя Вод-Лавна, убѣгалъ всѣхъ случаевъ увидѣшь Аделію. Однако же въ прекрасныя зимнія ночи не рѣдко ошавлялъ каминъ Мисприссы Марловъ, дабы обѣжашъ берега озера, и познашь шамъ уединенныя убѣжища, гдѣ они съ Аделіей шолько сладчайшихъ часовъ пре-проводили. Тамъ предавался онъ всему излишесству своей печали, и вкушалъ въ чувствіи добродѣ-шельнаго уныніа удовольствіе, котораго бы онъ не промѣнялъ ни на какія въ жизни услажденія.

Часто доходилъ онъ до шой часши лѣса, ошкуда видна была

комната Адели; и когда щасливый случай доставлялъ ему увидѣшь ее въ семъ отдаленіи, тогда ощущалъ онъ сладчайшія чувствія, возсылалъ къ небу усердныя мольбы о благополучіи сего дражайшаго предмета нѣжности его, и возвращался къ Мисприссѣ Марловъ съ облегченнымъ сердцемъ. Она, какъ нѣжный другъ, льстила, что молодость Оскара и природная его веселость мало по малу уменьшалъ привязанность, кою надежда не подавала болѣе пищи; но молодой человекъ изнемогалъ, и живости его заснуло мѣсто мрачное опечаленіе. Свѣденіе, полученное имъ о расположеніи къ нему Генерала и Адели, увеличивало прискорбіе его; помышляя о великодушій отца и о нѣжности дочери, приуговорявшихъ ему величайшее блаженство, какого бы онъ только для себя поже-

даже могъ, лишался всей своей бодрости. Безпрерывно оспанавливая мысль свою на томъ блазѣ, коимъ бы онъ могъ наслаждаться, и теряя вкусъ ко всѣмъ тѣмъ, кои оспавались для него; печаль его, вмѣсто того, чшобъ умаляясь временемъ, возрастала съ онымъ. Тяжелъ всего казалось ему, при встрѣчѣ съ Бельгравомъ преодолевать чувства ужаса и гнѣва, ощущаемаго имъ; однако достигалъ того не только воспоминаніемъ даннаго имъ обѣщанія Мисприссъ Марловъ, но и для того, что еще драгоцѣннѣе для него было: для спокойствія и чести Аделіи. Онъ обращался съ нимъ образомъ весьма холодной учтивости, и не подавалъ ему ни малѣйшаго знака почтенія и уваженія.

Нешасная Аделія съ своей стороны пожираема была скрытаемою ею печалію. Свиданіе ея

съ Оскаромъ довершило потерю ея спокойствія. Блѣдный и измѣнявшійся образъ молодаго человѣка преслѣдовалъ ея воображеніе; напрасно она въ письмѣ, писанномъ ошъ него къ Бельграву, искала причинъ къ удаленію онаго ошъ мысли своей. Соспранданіе ея къ нему гораздо превосходило негодованіе, и она говорила сама себѣ, что не взирая ни на что, въ прошомъ дружествѣ Оскара нашла бы она болѣе пріятности, нежели въ любви кого либо другаго. Она размышляла, что послѣднимъ рѣшеніемъ своимъ послѣ вдохновенной ей злощастнымъ письмомъ досады, на бѣдслвенную жизнь она сама собою осуждена. Бельгравъ былъ такой человѣкъ, къ копорому прилѣжное разсмотрѣніе и дѣйствіе обычныхъ ей чувствій никогда бы не обратили вниманія ея. Онъ не употреблялъ уже съ

нею шѣхъ вѣжныхъ поступокъ , кошорыя онъ предспавлялъ шогда шолько , когда ему оныя нужны были къ доспуженію предпологаемой имъ себѣ цѣли. До такой спешени онъ былъ нечувспвишеленъ и развращенъ , что добродѣтели Аделіи не возбуждали въ немъ никакого къ ней уваженія , и возчувспвуемая имъ любовь , еспья можно желаніе наслажденія назвашь симъ именемъ , почти шощасъ послѣ брака угасла. Какъ Генераль большую часть богашспва держалъ въ своихъ рукахъ , шо Полковникъ въ поступкахъ съ Аделіей наблюдалъ остшорожность ; до невольникъ спраспей своихъ , и обуздывашь ихъ неспособный , Бельгравъ забывалъ иногда предписанныя имъ себѣ правила благоразумія , и забавлялся , оскорбляя Аделію язвительными насмѣшками надъ ея привязанноспію къ Оскару. Хошя

до глубины пронушая, никогда она не жаловалась, что сама себя сковала она цѣпи свои, и такъ осудила себя носить ихъ безъ роптанія. Бѣдный Генералъ не былъ проницашеленъ, и видя ее по наружности спокойну, почиталъ любезную Аделию свою совершенно щасливою; но не шакво было мнѣніе всѣхъ прѣзжающихъ на посѣщеніе въ Вод-Лавнѣ. Здоровый румянецъ не оживлялъ болае щекъ Аделии, и глаза ея не имѣли уже прежде находящагося въ нихъ блеска.

Полковникъ не бѣдилъ иначе въ Энискелленѣ, какъ шолько подѣламъ полку своего; но часшолеталъ въ столицу и въ другія части Государства для сысканія себя удовольствія. Аделия нѣсколько облегчалась ошсущствіемъ его, а Генералъ, доволенъ шѣмъ, что не ошымали у него дочь, не досадовалъ за шо. При-

ближалось время отбытія полку на другія квартиры. Аделія не видала Оскара съ шѣхъ паръ, какъ встрѣтилась съ нимъ у Миссриссы Марловъ. Она убѣгала прислушсшвовашь при обзорѣ няхъ полку, предшесшвующихъ его выспуленію, и искренно желала, чшобъ никакой случай зрѣнію ея не предспавлялъ Оскара; онъ же не могъ помыслишь, чшобъ удалишья, не видавъ ее. Извѣстно ему было чшо она съ Полковникомъ не поѣдешъ. Всѣмъ Офицерамъ надлежало ѣхашь прощашься въ Вуд-Лавнъ; не могъ онъ вопрошвишься желанію своему сошоварищесшвовашь имъ. Въ залѣ были они приняпы Аделією и Генераломъ; Аделія при появленіи Оскара запрепешала; но скоро упокоилась и вспупила въ разговоры. Генералъ убѣждалъ Офицеровъ остапъся обѣдашь; но они извинялись, пред-

сшавляя, что еще надлежало имъ сдѣлать многія посѣщенія. Любезный Фитзаланъ! сказалъ Генералъ, кошораго гнѣвъ давно уже миновался: желаю вамъ всякихъ благополучій и успѣховъ; я надѣюсь, что вы не замедлите быть начальникомъ роты. Вспомните тогда, что я вамъ оное предсказывалъ; я старой солдатъ, и очень бы мнѣ досадо было всшупить на послѣднюю мою траншею, не оставивъ въ благополучіи друзей моихъ. Родитель вашъ былъ весьма храброй человекъ, и повышение ваше есть возмездіе его заслугамъ. Оскаръ пожалъ руку Генерала, и обратился наполненные слезъ глаза на Аделию; она опустила свои и вздохнула. Будущее увѣрены, милосливый государь, сказалъ Оскаръ, что благодарность, вдохновенная вашими милостями, есть наибъивѣйшая, каковую только возможно чув-

спововашь , и что никакія желанія не могутъ бышь искренне возсылаемыхъ мною о благополучіи обиташелей Вод-Лавна. Весьма несбыточные желанія, проворчала Аделія , для меня по крайности, благополучіе кошорой навсегда убѣжало.

Легко можно счешь желаніе Генерала къ Оскару обыкновеннымъ привѣтствіемъ, ешьли бы оно не было сопровождаемо настоящими доказательствами; но сей честной человекъ, спранно благошворительный, ш о ш ч а с ъ послѣ свадьбы дочери своей объявилъ Полковнику, что имѣлъ намереніе шысячу фунтовъ шерлинговъ дать Оскару на вспомошествованіе повышенію его. Бельгравъ не могъ снести, чшобъ человекъ, кошорому онъ споль безчеловѣчно повредилъ, достигъ нѣкогда до равной ему шпени. Ошвращилъ Гонецъ - Вода отъ

великодушнаго сего намѣренія, сказавъ ему, что Лордъ Шербюри покровительствуетъ Оскара, и что милости Генерала гораздо бы лучше могли быть употреблены для какого нибудь достойнаго и безпомощнаго Офицера. Генералъ остановился, объясняя при томъ, что онъ никогда не встрѣчалъ въ нуждѣ хорошаго Офицера безъ того, чтобы не спѣшить ему на помощь.

Оскаръ изпросилъ у Миссис Марловъ позволеніе писаться къ ней, дабы имѣть, записываясь говорилъ онъ, какое нибудь извѣстіе о здоровьѣ жищелей Вуд - Лавна.

Расположась въ Дублинѣ, гдѣ мы видѣли его найденнымъ опцомъ и сестрою его, положеніе души его пребывало одинаково. Горести крушили его и здоровье ослабѣвало. Не могъ онъ доспавить себѣ опраду, вбрызвъ имѣ

мученія свои, кошорыя скривавъ онъ закономъ себѣ поставилъ. И такъ собиралъ онъ на сердце всѣ скорби свои, равно какъ скупой, умножающій сокровище свое, опасаясь и убѣгая подозрительнаго ока. Увы! еспльибъ тогда, какъ прижималъ онъ къ груди своей любезную сесстру свою, могъ онъ вообразить, что она была предмелпомъ поносной спраши Бельграва: шо не удобяо бы ему было негодование свое содержать въ предяисанныхъ себѣ предѣлахъ; чудовище сіе за двойное злодѣяніе было бы имъ на край свѣща преслѣдуемо.

Г Л А В А 4.

Замокъ Карбери, куда пріѣхали наши путешественники, была ужасная громада, соспроен-

Часть II. Л

ная въ грубыя времена, когда въ подобныхъ зданіяхъ изображали болѣе силы и прочности, нежели изрядства и вкуса. При первомъ возрѣніи на оной, признавалось разореніе войны и времени. Стѣны обвалились, и верхушки башенъ покрышы мохомъ и дикими расшеніями; расположение его было на высотѣ, состоявляемой изъ каменистыхъ горъ, лежащихъ къ морю, и имѣющихъ пріямной видъ съ прошивной стороны Шотландіи. Признавались слѣды древнихъ укрѣпленій, ровъ съ оспашками подземнаго моста, и выкопанный въ крутомъ каменистомъ берегу колодезь, давно уже изсохшій. Не далеко отъ замка возвышалась гора, покрытая деревьями, съ верхомъ онаго равняющимися, на кошорой видимы были оспашки храма Друидовъ. Съ другой стороны простиралась

большая и прекрасная долина, украшенная лѣсами и прелестнымъ изъ горы изпекающимъ испочникомъ, копорой съ журчаніемъ извивался по камушкамъ.

Послѣ пріятнаго пуши, въ вечеру на четвертый день путешестввенники наши прибыли въ Карбери. Старый человекъ и старая женщина, состояція спражамы замка, о ихъ пріѣздѣ были заранѣе увѣдомлены, и по приближеніи коляски пришли ошворить оный и встрѣпишь ихъ. Почти уже ночь была, и предмешы едва различались. Аминшу объялъ нѣкій богобоязненный ужасъ при видѣ сего великаго зданія, въ копоромъ шемноша, ему свойственная, приближеніемъ ночи еще умножалась. Уединеніе, молчаніе, глухой шумъ волнъ, о подошву горы удаляющихся, прибавляли ей унынія; но уныніе сіе нѣкопорыя

пріятности имѣло. Тутъ прісѣднчалось еще нѣсколько того изспушенія, кошорое нѣжныя и чувствительныя души ощущающъ при видѣ почтенныхъ оспашковъ монументовъ величія и исторія праощевъ нашихъ. Вошедъ въ пространную залу, обилшую панелями старинной дубовой рѣзбы, въ колпорой были развѣшены набедренники, щпыки, копья, и всякаго рода шпунки древняго орудія, она обрашила мысль свою на тѣ прѣшедшія времена, когда въ самой сей залѣ можешъ быть Барды воспѣвали подвиги героевъ, коихъ орудія тушъ зрѣлись сохраняемыя для повѣсти, сосшавляемой ея воображеніемъ. Она желала бы имѣть подлѣ себя какого нибудь древняго Барда, кошорой бы рассказалъ ей о храбросяхъ шарыхъ временъ, о великихъ дѣйствіяхъ славныхъ Королей госу-

дарства нашего, и Военачальниковъ, уже болѣе не существующихъ. Въ нѣношорыхъ успункахъ также видимы были изображенія нѣкихъ начальствовавшихъ Клановъ, по природѣ великихъ, да еще и грубо изъ дерева изваянныхъ. Ихъ воинскій видъ усматривалъ Елену. Боже мой! сказала она, за чѣмъ здѣсь сіи гнусныя фигуры? развѣ за шѣмъ, чѣшобъ добрыхъ людей пугашь, и заспавляшъ думашъ, будно они хошашъ выгнашъ изъ дома?

Попомъ вошли они въ приемную комнашу, по спаринному убранную, и нашли шущъ довольно хорожій ужинъ. Удрученные успалосшію, сѣбъвши по немногу, разошлись по своимъ комнашамъ. На другой день поушру, скоро послѣ завпрака, Аминша съ помощію Елены и старой женщины занималась прибираніемъ комнашъ. Внутренность

оныхъ соопвѣшествовала странной наружности: круглыя лѣшницы, различныя галлерей, древнія обои, изображающія сраженія, въ коихъ опличались владѣтели Карбери; поршрешы ихъ, равно какъ и ихъ супругъ, наполняли длинную галлерей, въ кошорую узкія оны впускали шокмо мрачный свѣшъ, не досшавляющій изображеніямъ яснаго вида. Въ концѣ галлерей находилась одна комнаша, сосшавленная изъ одной шѣхъ башенъ, кои на обѣихъ шпоронахъ замка находились. Комнаша была осмиугольная, и имѣла видъ на поля и моря, окружающія оную; украшенія ея были не шолько новѣшшія, но и весьма хорошаго вкуса, что возбудило вниманіе и распросы Амишшы. Старая женщина сказывала ей, что комнаша сія служила уборнымъ кабинетомъ покойной Графинѣ Шер-

бюри прежде и послѣ брака ея. Госпожа сія, продолжала она, была наилучшая и любезнѣйшая изъ всѣхъ знаемыхъ мною. Увы! послѣ ея смерти замокъ пустѣ сдѣлался. Услышавъ печальную вѣсть сію, я думала, что сердце мое разорвешся. Какъ шеперь помню передъ тѣмъ слышанные мною ужасные крики вѣщуньи. Что это такое? прервала Аминша; какая это вѣщунья?

Какъ! Миссѣ, сказала старая женщина, развѣ вы не знаете, что это маленькая баба, не болѣе какъ въ полшора фуша вышины, кошорая носишъ синюю юбку, красную епанечку, голова плашкомъ перевязана; и передъ смертью начальника семейства, а особливо знашной фамиліи, всегда кто нибудь изъ старыхъ служителей слышишъ ея крикъ и вопль. Сохрани насъ Боже! сказала Блень; да я надѣюсь, что

Милордъ во время нашего здѣсь пребыванія не вздумаетъ умереть, а шо и я бы послушала Пенмаемаврскихъ горъ колдунью. Продолжайте, сказала Аминша старой женщинѣ. Ну, сударыня, опять начала она: услышала я, какъ уже вамъ сказывала, ужасной крикъ ея. Жонашанъ! говорила я своему мужу, увбренная, что мы получимъ какія нибудь худыя вѣсти о Милордѣ, или о Милади; а шо и сбылось: сбѣхъ поръ мы никого изъ фамилии здѣсь не видимъ. Видали ль вы когда молодого Лорда? спросила Аминша, невольно произнеся слова сіи. — Видѣла, сказала она, только еще тогда, какъ онъ былъ восьми лѣтъ. Да вотъ надъ каминомъ поршреть его, одного изъ лучшихъ Аглинскихъ живописцевъ. Милади заспавляла списанъ оной, и привезла сюда. Хошѣли вмѣстѣ изобразить и

свойство и видъ его. Глаза Аминшы съ поспѣшностію обратились на портретъ, и она чаяла находить въ ономъ сходство. Казалось, что живописецъ желалъ въ видѣ дѣляши начертать нѣжное состраданіе; оный представленъ дающимъ у груди своей убѣжище прѣпещущему голубю, преслѣдуемому жестокимъ ястребомъ. О Моршмеръ! сказала сама себѣ Аминша: съ справедливостію изображено шуть благошворительное и чувствительное свойство швое; ибо благополучіе свое пославляшь спашень въ вспомошествованіи слабости и бѣдствію, и въ защищеніи оныхъ отъ угнетенія. Ощецъ ея желалъ, чшобъ она выбрала для себя комнату, кошорую найдетъ пріятнѣе. Тотчасъ рѣшилась на сію, кошорая была шакже спальнею Графини Шербюри. Туда принесли чемоданъ ея, книги,

Часть II. М

руководбля, карзндаши, и все было разспавлено на столикахъ и въ шкафахъ наклееныхъ. Будучи довольна своимъ распоряженіемъ, привела въ свою комнашу ошца, чшобъ показашъ ему оное. Физзаланъ весьма радъ былъ, видя, что она успоковивается и даетъ себъ разсбъніе; комнашу ея онъ наименовалъ ш е р е м ъ Аминшы. Вскодили они вмѣстѣ на земляной валъ замка, и восхищались красошою вида. Въ разспояніи нѣсколькихъ миль видимо было превеликое зданіе, разположенное прошиву сшараго дубоваго лѣса. Физзаланъ разсказывалъ дочери своей, что мѣсто сіе было Ульсперъ - Лоджъ, принадлежащее Маркизу Рослину, Шотландскому и Ирландскому Перу, и кошорой въ послѣднемъ изъ сихъ Княжествъ имѣлъ великія владѣнія; что всякіе при или чешыре года Маркизъ прѣбжалъ препровожд-

дать шумъ нѣсколько времени, но что никогда не сопровождала его сюда ни Маркиза, ни Леди Евфразія Сушерландъ, единородная дочь ихъ.

Фишзаланъ и Аминша скоро распорядили планъ жизни своей въ Карбери - Каслѣ: приняли во услуженіе молодого слугу и дѣвку молодую. Жонапанъ и жена его были только какъ блюстители порядка, а Елена привержена ко услугамъ Аминшы. Фишзаланъ началъ вкушать нѣкоторое блаженство, размышляя, что онъ наслаждался образомъ независимой жизни, и что онъ былъ на пути сдѣлать какой либо запасъ въ успроенію участи дѣшей своихъ. Аминша послѣ первой печали о разлукѣ съ Моршимеромъ воспріяла нѣкоторую веселость. Обманчивыя надежды снова помѣшались въ ея воображеніи; тайное вкушала она удовольствіе

жишь въ шомъ домъ , въ кошоромъ обихалъ нѣкогда Моршимеръ ; она льстила себя , что дружество , связующее ихъ родителей , доставишь ей иногда ушѣщевіе имѣть извѣстіе о немъ ; а по своему поспоянству судила о Моршимеровомъ , и полагала , что онъ не забудетъ ее . Весьма признавала она справедливыми и нѣжными причины , побудившія Фишзалана удалить ее отъ Моршимера ; но въ то же самое время увѣряла себя , что ежели бы Лордъ Моршимеръ объявилъ свою привязанность Лорду , отцу своему , то безъ сомнѣнія оказалъ бы сыну своему нѣжность родителя . Дружба его къ Фишзалану , и свѣденіе , отъ какой происходилъ онъ фамиліи , доставили бы ему согласіе на такой союзъ , прошивъ кошораго не лзя найши инаго возраженія , кромѣ недоспашка въ богашствѣ ; что

не могло бы остановить столь великую душу, какова Лорда Шербюри, тогда, какъ онъ самъ и сынъ его наслаждались величайшими и преизбыточный излишекъ доставляющими доходами.

Аминша, упохребляя въ дѣйство дарованія свои, пріятно проводила время. Опець ея, коего верховное блаженство было доставлять ей какое либо удовольствіе, купилъ для нее въ Дублинѣ изрядную арфу, и пріятно игранная ею арія услаждали скорби ихъ, отражая оныя отъ печальнаго воспоминанія. Аминша любила рано вставать и уходить первыми лучами солнца; прогуливалась въ долину, еще влажной отъ росы; тогда блѣющія стада паслись на разцвѣщающей травѣ, и пасущія ихъ молодая дѣвушки воспѣвали прощальные и жалостныя пѣсни свои.

Вольшія также имѣла она съ опцомъ своимъ прогулки во всѣхъ окружностяхъ; онъ спознакомливалъ ее съ той спраной и заставлялъ примѣчать все, что казалось ему достойно нѣкошораго вниманія: мѣста, гдѣ упадали Герои прежнихъ вѣковъ, на коихъ возлагали большой камень, монументъ славы ихъ, кошорой означалъ попомкамъ сѣвера поля, гдѣ сражались опцы ихъ, и заставлялъ сказать обремененнаго усшалостію пасшуха, садящагося опдохнуть на покрышой мохомъ могилъ: „шущъ покоящся древніе Герои наши, и слава ихъ никогда не умираетъ.“

Не рѣдко Аминша прогуливалась и одна, заблуждаясь между каменисшыхъ горъ, окружающихъ море и составляющихъ натуральные грошы. Тамъ любила она чипать при шумѣ волъ, спремещащихся о берега удараться;

видѣ Шотландскихъ горъ на прѣшивномъ берегу часто привлекалъ ея вниманіе, и заставлялъ проливать слезы, возбуждая въ ней воспоминаніе о несчастіяхъ мащери ея.

По ушпру, когда она занималась работою въ своей комнащѣ, Елена, кощорую она считала болѣе подругою, нежели служанкою своею, подлѣ нее бывала; и шушвшно разговоры ихъ часто относились къ жилищу Эдвиновъ, откуда Елена съ великимъ простодушіемъ доходила до Тудор-Галла, и Лорда Моршимера, и наконецъ до бѣднаго Шипа, и оканчивала вскричавъ: какал жалосшь, что истинная любовь всегда бываетъ гонима!

Г Л А В А 5.

Едва прошло недѣли двѣ, какъ уже уединеніе Кербери - Каспеля было прервано чрезъ посѣщенія и приглашенія сосѣдственныхъ фамилій. Первый зовъ, на кошорой Фишзаланъ склонился, былъ отъ Г. Килькорбана. Человѣкъ сей обладалъ великимъ богатствомъ, что въ мнѣніи многихъ людей могло вознаградишь грубость его обращенія и глубокое невѣжество: защита, весьма недостаточная въ глазахъ каждаго благомыслящаго человѣка! Погрѣшности его еще болѣе были чувствительны чрезъ то, что онъ во всѣмъ желалъ превосходить, и что по богатству и надменности своей присвоилъ себѣ власть все то сказать и сдѣлать, что ему въ голову придетъ. Жена его, также какъ и онъ, была сославъ невѣжества, щесла-

вія и глупости. Дѣшей у нихъ много было; первые шрое, начавшіе пускашья вѣ свѣшѣ, признаваемы были родишелями своими, да и сами себя признавали за истинныхъ образцовъ пріяшности и совершенства. Старшій посланъ былъ вѣ Университетѣ; порученный самому себѣ, онъ мало успѣлъ шамъ, но довольно по его мнѣнію для шакого чловека, кошораго ожидало великое богашство, и кошорому не было нужды знашь сполько, какъ бы какому Профессору. Черты его были грубы, и весь видъ былъ безъ малѣйшей пріяшности. Образъ одежды его былъ до крайности забавный: онъ не перешавалъ занимашья модою и зеркаломъ; семейство его, да и онъ самъ считали, что кромѣ сего ему и дѣлашь было не чего.

Молодыхъ дѣвиць не меньше полагали совершенными; пошому

что доставляли имъ всякаго рода училелей; но въ самой справедливости изъ всего того, чему ихъ учили, онѣ успѣли зашвердишь только ничего незначущую малость. Напура не была щедра въ распоченіи имъ даровъ свихъ; но онѣ считали себя весьма довольно ею награжденными, и упошребляли къ украшенію себя мушки, пудру, румяна и бѣлили со всѣмъ излишествомъ моды. Почти всякое ушро ими съ машерью ихъ препровождаемо было въ разѣздахъ шуда и сюда въ карешѣ, шесью лошадыми запряженной, въ посѣщеніяхъ знакомства ихъ и въ приобрѣшеніи новаго. Вечера непременно препровождаемы были въ многочисленномъ собраніи, безъ кошораго, говорили онѣ, жишь не возможно. Принимали на себя иногда нѣжностъ и чувспвительностъ, говорили о дружбѣ, и ошносили чувспво сіе

къ многуму числу особъ. Однако же великаго шребовали онъ уваженія даже ошъ молодыхъ дѣвицъ сообщества ихъ, и ушѣшались, показывая имъ съ надменностію уборы свои, имѣя почное намѣреніе оскорбить ихъ, заспавя огорчаться, что сами не въ силахъ купишь для себя подобныхъ.

Г. Килькорбанъ со всемъ своимъ семействомъ осень препроводилъ въ Башъ, и путешесствіе сіе доставило имъ съ шого времени неизчерпаемую машерію къ разговорамъ; безпрестанно обращались на шо, что шамъ видѣли, на произведенное ими удивленіе, на пріяшныя сдѣланныя шамъ знакомства, на чрезмѣрную сумму ими истраченную: все было описано и съ великимъ прибавленіемъ.

Лади Грейшпокъ находилась тогда у Килькорбановъ, къ ко-

шорымъ прїѣхала сдѣлать посѣщеніе ; эшо была старая вдова , знавшая Фишзалана еще въ молодости его , и кошорая возобновила съ нимъ знакомство. Графъ , наслышась отъ нее о фамиліи и добрыхъ качествахъ новопрїѣзжаго , все сообщество предварилъ въ пользу Фишзалана. Она была умна и разсудительна , и имѣла достоинство , производившее уваженіе къ ней ; но какой - то насмѣшливый ея тонъ вдыхалъ къ ней нѣкоторое отвращеніе.

Старая коляска , давно уже въ сараѣ Карбери - Каспля стоящая , была выдвинута для доставленія въ оной Фишзалана и дочери его на обѣдъ къ Килькорбану , кошорой жилъ около двухъ миль отсюда. Многочисленная компанія собралась уже , когда они прїѣхали . Во время , какъ Аминша предсказывается бы-

ла Мистриссѣ Килькорбанѣ и Лади Грейшокѣ, пріятный и всеобщій шопшѣ водворился между молодыхъ людей, собравшихся въ кучу на нѣкоторое разстояніе отъ компаніи. Одинъ изъ нихъ вскричалъ : божусь всѣмъ , что это непрекрасѣйшая дѣвица ! За нимъ по же повпорялъ другой, кошорой перевозилъ цвѣтѣ лица ея. Вы очень просшы , перехватила одна молодая дѣвица , кошорая слыла весьма разумною ; я смѣло надѣюсь сыскашь въ Дублинѣ за малую сумму споль же прелестный цвѣтѣ, какъ шопшѣ, кошорой вы шакѣ выхваляете. Подруги ея очень хохошали сему замѣчанію , и говорили , что она опмѣнно хорошо о шомѣ разсудила. Г. Бріанѣ Килькорбанѣ, облокопясь на шулѣ сей умницы, прибавилъ , что онѣ бы считалѣ за нужное предложить Прави-

шельству о учрежденіи указомъ пошлины на всѣ краски сего рода, потому что, говорилъ онъ, женщины и безъ того одарены отъ природы такими могущественными и непреодолимыми прелестями, что уже безсовестно призывать искусство къ нимъ на помощь. Приблизился попомъ къ Аминшѣ, которая сидѣла подлѣ Лади Грейшкѣ; объяснялъ ей, что время казалось ему весьма продолжительно съ тѣхъ поръ, какъ онъ имѣлъ щастіе ее видѣть, будучи у нихъ, и что довольно одинъ разъ на нее взглянуть, чтобъ съ жадностію ожидать минушы, въ которую бы опять узрѣть ее. Возвѣстили о столѣ, и сіе послужило ей избавленіемъ отъ глупыхъ его привѣтствій. Обѣдъ былъ великолѣпный, и Аминша до смерти скучала за онымъ. Женщины, оставя столъ, возвра-

пились въ залу. Миссѣ Килькорбанѣ и пріятельницы ея начали разсмапривашь и выхваляшь плашье и головной уборѣ Аминшы. Какое прекрасное плашье! сказала одна; какой хорошій уборѣ на головѣ! вскричала другая. Подлинно, моя любезная, удивительной вкусѣ имѣющѣ Аглинскіе купцы, нарядами шоргующіе. Любезная моя! сказала Миссѣ Килькорбанѣ Аминшѣ, опшедя ея къ окну: я имѣю предложитъ вамѣ покорнѣйшую прозьбу. Располагайтъ мною, опшѣчала ей Аминша, во всѣмѣ, что будешѣ вамѣ угодно, лишь бы шо для меня было возможнымѣ. О! сказала она, шо, что я опшѣ васѣ шребую, весьма для васѣ удобно; оное состоитѣ въ томѣ, чтобѣ вы опшказали даватъ для образца вашѣ головной уборѣ всѣмѣ симѣ дѣвицамѣ, кошорыя конечно не преминутѣ о томѣ проситъ васѣ;

не ссуждйше онымъ никого, кромѣ
меня и сестры моей. Вы себѣ
вообразить не можете, сколь
чрезмѣрно желаніе, которое мы
имѣемъ бытъ первыми облада-
тельницами новыхъ уборовъ! Сѣ
какимъ вниманіемъ и удивленіемъ
погда глядяшъ! я шerpѣшь не
могу все то, что уже спановиш-
ся обыкновеннымъ. Вы не во-
ображаеше, какая для насъ скука
всякое лѣшо, когда мы возвра-
щаемся изъ Дублина: задушающъ
насъ прозбами служишь для образ-
ца нашими нарядами; но мы себѣ
за законъ посшавили въ томъ
ошказывашъ имъ. Ахъ! хочу раз-
скашъ вамъ презабавную шущ-
ку, которую я сѣиграла сѣ одною
изъ моихъ пріятельницъ. Ей
прислали въ подарокъ шщукку
прекраснѣйшей Индѣйской кисеи;
она шщательно хранила оную
до возвращенія моего изъ Дубли-
на, полагаая, что я дамъ ей на

образецъ какое нибудь изъ новыхъ моихъ плашьевъ, чшобъ сдѣлать шаковое же, шакъ какъ я и дѣйствительно ее много люблю. Я однако же дала ей шаковое, кошорое уже совсѣмъ изъ упошребленія вышло, увѣряя, что оно было самое новѣйшее. И шакъ она подосшавленному мною образцу изрѣзала и искромсала свою прекрасную шшуку кисеи шакимъ образомъ, что уже послѣ ничего и перешишь не лзя. Сѣѣхались мы на одномъ балѣ, гдѣ находилось все, что ешь лучшаго въ окружности; я въ жизни моей никогда не видывала никого въ шаковой разшройкѣ, и кшо бы предшавлялъ сшоль смѣшную фигуру, какъ моя любезная пріятельница, когда она во всемъ собраніи увидѣла себя одну въ сшаринномъ плашьѣ: я право думала, что она безъ памяти упадешь, а мы съ сесшрою,

подхватя бока, кохошали. Бѣдная дѣвушка плакала отъ добраго сердца. Скажите, не забавна ли эша штука? Подлинно, сказала Аминша съ насмѣшкою, копорую поняшь Миссѣ Килькорбанѣ ума не имѣла, эшо преизрядная была забава. И шакѣ, моя любезная, еспѣли вы на шо согласны, мы съ сеспрою завтра рано поутру явимся смопрѣшь ваши уборы. — Вы себѣ чрезѣ шо досщавише великое и бесполезное безпокойшво, сказала ей Аминша, копорой ни мало не нравились неблагоразумныя ея шребования; все, что я имѣю, весьма просто, и всѣ мои наряды я сама дѣлаю. О! право, сказала Миссѣ Килькорбанѣ, увѣряю васѣ, что вы множешво вкуса имѣете. Моя горнишная, копорая весьма искусна, могла бы кажешся бышь способна шакже сдѣлать, еспѣлибѣ вы имѣли

Снисхожденіе ссудить насъ вашими образцами, и вы бы намъ также величайшее дославили удовольствіе, сказавъ, что это послѣдняя мода въ Башѣ. Бывала ли вы когда нибудь въ Башѣ? Нѣтъ, сказала Аминша. О! увѣрю васъ, что это наивосхищительное удовольствіе, предпріявнѣйшее въ свѣтѣ пребываніе, сущіи рай! я думала, что умру, когда надлежало намъ выѣзжать опшуда. Не могли упростишь башюшку; никакъ не согласился опяшь шуда насъ свозишь. Правда, что это и издержка ужаснѣйшая. Какъ бы вы думали, сколько намъ стоило наше шамъ пребываніе? Я, сказала ей Аминша, скучивши безразсуднымъ ея болшаньемъ, самая неспособнѣйшая изъ всѣхъ въ свѣтѣ судишь о такихъ вещахъ, и въ то же время опшла опъ окна. Вечеръ былъ прекрасной, и часъ сада,

ближайшая къ дому, препріяшная; она говорила идти прогуляться. При предложеніи себѣ, всѣ дѣвицы между собою перешепывали, глядѣли другѣ на друга и нѣсколько минутъ молчали; напоследокъ Миссѣ Килькорбанѣ, кошорая и мысли не имѣла оказашъ госпѣѣ хошя малѣйшее снисхожденіе, сказала: очень вѣпрено, и голова моя пошчасѣ будешѣ расшрепана. Другая, взглянувѣ на свои бѣлыя апласныя башмаки, божилась, что ни для чего вѣ свѣтѣ не пошла бы она по сырой шравѣ. Третья обѣясняла, что порядочно одѣвшись она не любила мяшъ плашье. Аминша сѣ лишкомѣ была вѣжлива, что бѣ упорсшвовашъ; и между дѣвицами было положено единогласно бышъ вѣ залѣ до тѣхѣ порѣ, какѣ вся компанія соберешся.

Лади Грейшпокѣ сдѣлала знакѣ Аминшѣ подойши сѣсшъ

подлѣ нее. Ну, мое любезное дитя! сказала она ей: я думаю, что тебѣ уже довольно наскучили всѣ сіи деревенскія барышни, копорыя полагающѣ себя имѣющими наилучшіе виды и поступки? Аминша усмѣхнулась, оказывая согласіе съ тѣмъ, что ей говорено. Боже меня сохрани, продолжала Лади Грейшовъ, равно какъ и всѣхъ тѣхъ, копорыя мнѣ милы, онѣ сего несноснаго пуспословія! Это смѣшеніе языковъ, гораздо хуже Вавилонскаго. Нѣкоторые однако же люди имѣющѣ глупость почишашъ сихъ дѣвицъ удивленія достойными. Бѣдная Мисприссъ Килькорбанъ душишѣ меня, выхваляя всѣ совершенства дочерей своихъ, пока онѣ еще не вышли за мужъ; надѣеяся однако, что сіе не замедлишѣ случишься; она въ шрехъ или чешырехъ другихъ дитяшкахъ своихъ воспитываешѣ

намъ собраніе пріятностей , ко-
шорыя скоро окажутся ; или ,
лучше сказать , ошкроешься гнѣздо
деревенщины . Голову мою про-
закладую , ежели онѣ вѣ сію ми-
нуту , какъ говорю , не бѣгающѣ ,
подобно вырвавшимся цыпля-
тамъ , упомивѣ и измучивѣ не-
щасливую надзирашельницу Фран-
цузенку , кошорая предѣ симѣ
была горничная служанка од-
ной знанной Госпожи , и кошо-
рая своего даже собсшвеннаго
языка г р а м а т и к и не знаетѣ .
Ахѣ ! сказала Аминша , пред-
убѣжденіе Миссприссы Килькор-
банѣ кѣ дочерямѣ своимѣ весьма
естшественное ; оно вишѣ маше-
ринское . Да , сказала Лади Грей-
стокѣ , но для сего оно не мень-
ше извинишельно ; и я бы взя-
лась ей ошкрышѣ глаза вѣ семѣ
случаѣ , ежели бы могла надѣ-
яшсья , что всѣ находящїися здѣсь
просшашѣ меня вѣ шомѣ , что

лишу ихъ удовольствія шупишь надъ нею и дочерьми ея.

Г. Брианъ Килькорбанъ съ вѣкошорыми другими мущинами вошли въ залу. Я вижу, сказалъ Брианъ Аминшбъ, что вы совсѣмъ задавлены сею вдовствующею; но хоть бы мнѣ пропастъ, естльи не правду говорю, что опросилъ бы себѣ бороду, когда бы всѣ женщины на нее похожи были. Вы представляете изъ себя диковинку, перехватила Лади Грейспокъ, кошорая всегда была гошова къ ошзыву. Увы, бѣдной молодой человекъ! всякое, какое бы вы шолько мѣгли приняшь попеченіе о наружности вашей особы, не способно заспавишь насъ мыслишь, чиобы внупренность чего нибудь заслуживала. Въ сію минушу Лади Грейспокъ приглашена на паршію въ вискъ, и Миссѣ Килькорбанъ шопчасѣ заняла ея мѣ-

сто. Любезная моя ! сказала она , навѣрное вы очень замучены сею госпожею ; она самая удивительная въ свѣтѣ. Закладъ держу , что она просила васъ , какъ она то дѣлаетъ со всѣми прѣзжими , сшить ей передникъ или косынку. Она безпрестанно насъ шягошитъ пребываніями такого рода , да и избавишься отъ нихъ не можемъ ; пошому что она богата и башюшкѣ родня , и ближе насъ она никого родныхъ не имѣетъ. Вотъ , сказала Аминша , довольно причинъ , чтобъ имѣть къ ней нѣкошорое снисхожденіе ; но вы бы могли , кажешся мнѣ , спараться болѣе то скрыть. О ! ошнюдъ нѣшъ , сказала Миссѣ Килькорбанъ ; всѣ сполько же , какъ и мы , извѣсны о томъ. Прощедшее лѣшо была она здѣсь , и пришло ей въ голову желаніе имѣть такой же передникъ , какъ мой , и она про-

сила меня, чшобѣ я сама ей оной сдѣлала, и жопѣла, какѣ говорила она, избавишь меня отѣ праздноспи. Я ей шо обѣщала, и опшисала вѣ домѣ Морава вѣ Дублинѣ, гдѣ я и свой купила, чшобѣ шочно шакой же сдѣлали мнѣ. Топчасѣ какѣ получила его, опшезла кѣ ней, надѣясь, чшо она за шо дастѣ мнѣ какую нибудѣ изѣ ея бриляншовыхѣ булавокѣ, которыя я сполько разѣ при ней выхваляла. Ояѣ и вѣ самомѣ дѣлѣ прекраснѣйшїя, и ей оныя ничего не кшпани; а она споль была жестшона, чшо даже и не помыслила о шомѣ. Эшо правда, сказала Мисшриссѣ Килькорбанѣ, сидѣвшая сѣ другой спороны Аминшы, и сѣ явнымѣ удовольствїемѣ внимающая болшанье дочери своей; Лади Грейшпокѣ весьма спранная женщина; я шикогда подобной ей не вспрѣчала во всѣхѣ моихѣ

путешествіяхъ въ Англіи, Ирландіи и Княжествѣ Валлискомѣ; языкъ у нее самой обидной, и она его никогда не оспанавливаетъ.

Да, сама въ себѣ говорила Аминша, то же самое можно сказать о васъ и о дочкахъ вашихъ. Послѣ чаю она сѣла за каршы; но скоро скучила бесѣдою игры, и почти нарочно проиграла, чшобъ поскорѣе опшпашъ. Надѣялась она, что удасся еще поговорить съ Лади Грейшокъ: но старая госпожа шполь шпрасшно любила игру, что не оставила бы оной ни для Цицеронова краснорѣчія. Килькорбанъ увидя, что Аминша свободна, еще преслѣдовалъ ее своими глупыми привѣтствіями до шѣхъ поръ, какъ множество сухихъ отвѣшовъ, ему сдѣланныхъ, избавили ее отъ сего гоненія. До самаго ужина была она подлѣ шоловъ игры.

Аминша имѣла привычку сообщать отцу своему мнѣніе свое объ оцествахъ, въ коихъ она находилась, и совершенно согласны были мысли ихъ о томъ, копорое они только лишь оставили. Очень позабавила она его, рассказывая ему, что Килькорбаны говорили ей о Лади Грейсбокъ; потому что онъ зналъ, съ какою подлостью улещали онъ старую госпожу, въ чаяніи получить отъ нее какойнибудь участокъ изъ ея богатства.

Г Л А В А 6.

Финзаланъ и Аминша въ слѣдующій день приглашены были прѣхать послѣ обѣда къ одному опкупщику, въ сосѣдствѣ живущему около мила отъ Карбери - Касшля. Домикъ онаго кры-

шой соломой, но при томъ чистой и весьма порядочной. Онъ былъ расположенъ на прекрасной долинь, перновыми кустами отъ большой дороги отдѣленной; съ другой стороны дороги былъ превеликой выгонъ, въ концѣ котораго видимы были почтенные ошашки великолѣпнаго зданія, вѣкогда бывшаго Аббашивомъ Свяшья Екашерина: оное представляло печальный примѣръ могущественнаго разрушенія временъ, и привлекая вниманіе любоспышства, прибрѣшало также и вздохъ чувствительности.

Семейство ошкупщика состояло изъ шрежъ двушекъ и двухъ мальчиковъ, одѣшыхъ по ихъ сорту какъ можно лучше. Они созвали великое число сошбдей, между коими былъ толстой и приземистой священникъ, называемой ошецъ Огалаганъ, который слылъ душою всѣхъ весе-

лыхъ собраній; еще слѣпой, играющей на волынкѣ. Комната была не велика и загромождена мебелью столько же, какъ и госпѣми. Самымъ маленькимъ разстояніемъ отдѣлялась она отъ кухни; дымъ и смрадъ изъ печи, въ кошорой жарили пироги, сославлялъ несносной жаръ. Напрасно старалась Аминша подойти къ окну, чпобъ бытъ не много на воздухъ; ибо очень ей шановилось плохо. Какъ чай былъ еще не готовъ, шо просила она Миссѣ Офланганъ проводить ее до Святой Екатерины. Молодая дѣвушка на шо согласилась. Священникъ, кошорой съ шѣхъ поръ, какъ она вошла въ комнату, со всѣхъ споронъ ее разсмащивалъ, шушь по своему грубо захохоталъ и сказалъ ей: я бы очень желалъ увидѣшь васъ монахиною въ обители Святой Екатерины; ибо весьма бы душѣ моей было пріят-

но исповѣдывашь шакое милое твореніе, каковы вы, кошя право, думаю, чшобѣ вы поступили такѣ, какѣ Падди Денугѣ, кошорой имѣлѣ привычку исповѣдывашься вѣ Свѣшное Воскресенье, ш кошорой никогда не находилѣ, чшобы мнѣ сказашь. Я ему шогда говаривалѣ: любезный мой Падди! шы Свяшой, намѣ должно шебя вѣ кивошѣ посшавить. О! нѣшѣ еще башюцка, оптѣчалѣ онѣ мнѣ на шо; надобно прежде, изѣ чего бы сдѣлашь мнѣ новое плашье, кошорое шолько развѣ около Михайлова дни у меня будетѣ. Не складная повѣсть сія зашавила Амянлу засмѣяшься, осшавляя компанію. Ошелѣ ея шогда разговаривалѣ сѣ нѣкошорыми сосѣдними опкушциками, кошорые шребовали опѣ него убавишь нѣсколькo плашы ихѣ.

Не болѣе, какѣ на чешверть мили Аббашшво ошшояло опѣ

сего домика, но грунтъ земли былъ болотистый и шороховатый: множесшво пней доказывали, что нѣкогда находился пупъ великій лѣсъ. Остатки онаго видимы были въ нѣкоторыхъ большихъ деревьяхъ около Аббашсва; оныя казалось укрывали своею тѣнію предшавляющіяся взору почтенныя развалины, копорыя Амивша находила замѣчательныя доспойными. Удивлялась она красотѣ и пространству, какое долженствовало имѣть сіе древнее зданіе; развалившіеся остатки подавали мысль о семъ. Съ священнымъ уваженіемъ пробѣгала обширную обитель, нѣкогда къ богомыслию опредѣленную; слѣды древнихъ келій, копорыя признавались еще въ стѣнахъ и сводахъ разрушенныхъ, и полузакрытыхъ дикими расшеніями и извивающимся плющемъ. Съ чувствіемъ обозрѣвала она гробы

обиняющихъ свящя мѣста сіи, всѣ поставленные около одного основашеля, крестомъ оплаченнаго. Это по общему преданію, какъ разсказывала ей Миссѣ Офланганя, одинъ праведный монахъ, которой былъ духовникомъ въ кошорой благочестивой Госпожи. Она передъ смертію своею видѣла замѣчательный сонъ. Ангелъ, сказывала она, повелѣвалъ ей все имущество свое отказать сему духовнику, кошорой безъ сомнѣнія лучшее сдѣлаешъ ему употребленіе, нежели другіе, комъ бы она оное оставила. Она повиновалась сему гласу, а праведный человекъ употребилъ имѣніе сіе на соорженіе Аббатства, посвященнаго Святой Екашеринѣ; мбо благочестивельница сіа имѣла имя ея. Кровля древней церкви уже обрушилась, но много еще видно было признаковъ благочестиваго суевѣрія, избѣжавшаго

ещѣ разоренія времени ; статуи
святыхъ и мучениковъ , жерш-
венники , сосуды , множество гро-
бовъ съ любопытными надпи-
сями , по большой части невразу-
мительными . На одномъ плоскомъ
камя , которой казалось недавно
положенъ , и которой началъ уже
кой гдѣ правою покрываться ,
увидѣла она нѣсколько разбро-
шенныхъ увядшихъ цвѣшковъ , и
обративъ глаза на свою собесѣд-
ницу , замѣтила слезы на щекахъ
ея . Спрашивала у нее причину
такого движенія , и молодая дѣ-
вушка сказала ей , что это была
могила любезнаго ея брата , ко-
торого не давно лишилась она .
Аминь , пронушая симъ чувстви-
тельнымъ зрѣлищемъ , остано-
вилась . Все вокругъ ея было пе-
чально , тихо и молчаливо . Въ
заднихъ сторонахъ церкви полъ
покрытъ былъ правою и мохомъ ;
казалось , что уже изъ давнихъ

временѣ не попирался оный спо-
нами челоѣка; разсѣвшіяся стѣ-
ны угрожали паденіемъ, и вѣшрѣ,
дующій въ сводахъ, предспа-
влялъ воображенію печальныя
вопли плачущихъ о разрушеніи
мѣстѣ священныхъ. Милая и чув-
ствительная Аминша, наполня
умъ поучительными и печальны-
ми размышленіями, облокотясь
на гробъ брата молодой своей
собесѣдницы, омочила оный сле-
зами своими, и поднявъ одинъ
изъ поблекшихъ цвѣшковъ: о!
сказала она, сколь истинно и спра-
ведливо сіе подобіе жизни на-
шей! и сколь хорошо изображает-
ся оно сими словами: „челоѣкъ
какъ полевой цвѣтокъ; минушу
блесшилъ, и пошомъ увядаетъ.“

Миссъ Офланганъ вела ее
погда нѣкошорыми обходами, въ
концѣ кошорыхъ, къ великому
своему удивленію, нашлась она
въ большомъ и совершенно окру-

женномъ развалинами саду. Среди онаго было изрядное строеніе, которое собесѣдница ея называла монашыремъ; въ концѣ онаго была дверь въ церковь, въ кошорую вошедъ, нашли онѣ шущъ монахиню въ молишвахъ (*).

Аминша опасаясь, чтобъ ее не пошревожишь, ворошилась; но Миссъ Офланганъ подошла къ ней, и монахиня на привѣщаніе ея съ ласковымъ видомъ соотвѣщствовала. Желщина сія была лѣтъ пятидесяти, какъ уже Аминша послѣ о томъ узнала; ибо она показалась ей гораздо моложе. Кожа на лицѣ была прекрасная и ни одной морщины, и щеки ея довольно еще свѣжести

(*) Аббатство и монахини, которыхъ Авторъ здѣсь описываетъ, дѣйствительно видѣлъ онъ въ другой части Ирландіи. — Замѣчаніе Авшора.

имѣли. Хотя произношеніе ея означало, что она была иностранка, но голосъ ея былъ сладостный и кропкій; въ обращеніи ея оказываемое ею благопріятство сугубо вознаграждало недоспашокъ ловкости, ношорымъ бы могли укорить ея. Одежда ея, изъ бѣлой фланели, была широкая и около стана перевязанная поясомъ, на кошоромъ повѣшены чашки и кресты; покрывало ея изъ шакой же машеріи до полу висѣло; шапочка и повязка скрывали совсѣмъ волосы ея.

Миссъ Офланаганъ предсказала ей Аминшу какъ иностранку, кошорая желала видѣть все, что любопытнаго въ церквѣ находилось. Ахъ, моя любезная! мнѣ очень досадно, что она пришла сюда тогда, какъ находимся мы въ великомъ прискорбіи о недавно случившейся намъ потерѣ Настоятельница нашей, по при-

чинѣ копорой вы видите жерш-
венникѣ чернымѣ покрытый; но
если согласитесь вы придти
въ будущее Воскресенье, по най-
дете насъ въ сосноннмъ лучше
принять васъ. Какъ Аминша
оповѣчала ей, что въ познѣ день
ей бытъ не лзя, по монахиня
ей сказала: очень мнѣ это досад-
но, ибо вы привлекли мое серд-
це; а когда я люблю кого, по
уже и желаю шакого же благо-
получія, какимъ я сама наслажда-
юсь. Аминша усмѣхнувшись го-
ворила ей: я дѣйствительно ду-
маю, что вы здѣсь весьма шасп-
ливы. Монахиня обязанельнымъ
образомъ показывала ей раки съ
мощами и церковныя украшенія.
Въ числѣ мощей была голова
одной изъ одиннадцати тысячъ
дѣвъ. Шкафъ, наполненный свя-
щенническими шелковыми и бога-
то вышитыми одеждами; по-
казывала ей также въ ящикахъ

великое множество дѣланыхъ цвѣтовъ, работы монахинь и воспитавницъ ихъ. Аминша сочла за должность вознаградить за причиненное ей безпокойство, купя нѣсколько оныхъ, и давши изъ нихъ нѣкоторыя Миссѣ Офланаганъ, увидѣвъ, что ей имѣшь ихъ кошѣлось; оспальныя покинула у монахинь, обѣщая завтра придти за ними. Приходише, сказала она ей; будьте увѣрены, что вамъ всегда здѣсь ради будущъ. Вы увидите шумъ бѣдныхъ шварей весьма щасливыхъ, но ни одной однако же нѣтъ щасливѣе меня. Я вошла въ сію обитель десяти лѣтъ, произвела мои обѣты пятнадцати, и съ того времени до сихъ поръ, чему уже весьма довольно лѣтъ прошло, я провождала благополучную жизнь, слава Пресвятой дѣвѣ! сказала она, поднявъ глаза къ небу. По-

помѣ взвела она гостей своихъ на хоры монахинь, опдѣляемые въ церквѣ небольшими перилами. Тамъ были органы, при видѣ кошорыхъ монахиня вздохнула. Увы! сказала она, мы уже не найдемъ шакого мастера играшь на нихъ, какъ бѣдная сесипра Агаша; дѣйствитель-но она достойна обидѣть горная съ Ангелами. Ахъ, любезная моя! сказала она Аминшѣ: ешьлибъ вы ее знали, очень бы вы ее любили; она была наша Настоятельница, и двадцати девяти лѣтъ на сшепенъ сию воззвана была: лѣтъ, весьма не великія для должносши, шребующей шолько способносши. Она управляла нами шолько два года, и никогда обидѣ не была шолько хорошо содержана. Въ будущее Воскресенье покрывала скинушся, какъ я уже вамъ сказала; но въ сердцахъ нашихъ шрауръ навсег-

да останетися. Миссѣ Офланаганѣ дала Аминшѣ замѣшшь, что пора возвращашься ; на что Аминша не безъ сожалѣнія согласилась. Монахиня убѣждала еще побышь съ нею, и осталась наконецъ довольна общаніемъ ихъ, опять приходишь. Возвращаясь домой, спутница Аминши рассказывала ей, что вся обитель соснояла изъ двенадцати монахинь ; что малое ихъ имущество, обращенное въ общее, недоспашочно для нуждъ ихъ ; онѣ содержашъ школу, въ кошерую молодья сосѣднія дѣвушки приходяшъ учисься чишашъ, писашъ, шить золотомъ, вышивашъ и цвѣшъ дѣлашъ ; она прибавила, что монахини сіи имѣюшъ свободу выходить за ограду, но весьма мало пользующся сею свободою, и что молодья выключаются изъ сего ; ибо на нихъ не налагались никакія строгости, обычныя въ монастыряхъ.

Аминша размышляла, что установление такого рода совершенно сходствовало съ положеніемъ предавшихся оному. Нашедъ убѣжище въ нѣдрахъ развалинъ, ихъ окружающихъ, живучи среди гробовъ, намбренія и желанія ихъ не стремилися далѣе окружающихъ ихъ разрушившихся стѣнъ. За оными никакой предметъ не представлялся взору ихъ, которой бы могъ подвигнуть къ пресупленію границы сей; естлибъ вздумали искасть свѣта, для нихъ, какъ для дѣшей природы и нищеты, онъ бы былъ сполько же хладенъ и неблагопривѣпливъ, какъ безплодная обитель, копорая шеперь въ глазахъ у нихъ.

Опецъ Огалаганъ вышелъ къ ворошамъ на вспрѣчу Аминшѣ; и по пріятельски взявъ ее за руку, говорилъ ей: вы сполько шамъ пробыли, что можно усмѣль

и пошричься. Мы всѣ васѣ до-
жидались, ломшики масломѣ на-
мазаны, чай гошовѣ. Ахѣ, плу-
шовочка! божусь святымѣ Паш-
рициемѣ: сіи прелестныя глаза
даны вамѣ не на спасеніе души
вашей; вы сюда ниспосланы воз-
мушишь сердца нашихѣ молодыхѣ
и просныхѣ Ирландцовѣ. Скоро
никшо не усомнится, чшобѣ вы
шошчасѣ не произвели безпоряд-
ка, вѣ кошоромѣ бы опвѣчашѣ
Богу; и шогда я увѣренѣ, чшо вы
придете ко мнѣ исповѣдывашься,
и я вамѣ дамѣ оппущеніе грѣ-
ховѣ. Но послушай, моя малюшоч-
ка! за шо оппущеніе я хочу за-
ранѣе получишь плашу. Аминша
вырвала свою руку и вошла вѣ
залу, гдѣ вся компанія распола-
галась чай пишь и полдничашѣ
со всѣми лакомшвами, кошорыми
столѣ былѣ уставленѣ, и гдѣ
всякая женщина разшила пла-
шочкиѣ на колѣнахѣ. Двѣ Мис-

сы Офланганъ сполько суешились пріугоповленіемъ чая, что такъ же были красны, какъ и леншы, наверхенныя на головахъ ихъ. Привяли столъ, разсшавили стулья, оподвинули скамейки даже къ дверямъ, и волынки, заигравъ Ирландскую пѣсню, подала знакъ къ шанцамъ. Спаршій сынъ ошкупщика, одѣтый въ свѣтло-голубое новое плашье, волосы весьма разглаженные, упадающіе на его лобъ, лице красное, какъ огонь, подошелъ къ Аминшѣ, и просилъ ее съ великимъ замѣшательствомъ и съ множествомъ поклоновъ, сдѣлать ему милость прошанцовашъ съ нимъ. Она колебалась, какъ вдругъ отецъ Огалаганъ, ударивъ ее рукою по плечу, заставилъ ее зашрепелать и вспасть съ стула своего. Онъ захохоталъ, говоря, что онъ любитъ, когда молодая дѣвица жива и

весела. Какъ самъ онъ танцовать не могъ, то ушѣшался, исполняя должность церемонимейстера, и настаивалъ въ томъ, чшобъ Аминша открыла балъ по его распоряженію. Мало находилась она къ тому расположена; но она была преисполнена шю снисходительностію, кошо-рая заставляешъ для пріятности сообществу вкусу другихъ жершвовашъ своимъ собственнымъ. И такъ попустила священника провешти себя на первое мѣсто и начала танцы; полъ не былъ ни кирпичемъ ни досками ушланъ, а шолько земля убишая, шю она скоро ушала, и извинялась, чшо не могла продолжать танцовъ. Очень бы охотно она и Физзаланъ желали избавишъся отъ ужина; но они видѣли, чшо сего сдѣлать было не возможно, не огорчивъ

добрыхъ людей, кошорые ихъ съ шакимъ усердіемъ угощали.

Сполъ былъ со изобиліемъ наполненъ хорошими и сыпными деревенскими кушаньями. Удовольствіями праздника никакъ не наслаждался лучше священника. Когда переставалъ онъ бсць, то всюду приспавалъ съ шушками и развеселялъ всѣхъ гсшей; и подобно Фальспафу, не шолько самъ былъ веселъ, но и другихъ заставлялъ веселиться. Скажите-ка, бапюшка, говорилъ одинъ молодой человекъ, чемъ вы занялише за сполъ, здѣсь вамъ предспавленый? Дамъ мое благословеніе хозяевамъ. А что же я лучше могу имъ дать? Вы можете шакъ думать, сказалъ молодой человекъ; но мы не шакъ о томъ судимъ, и я вамъ скажу на сей случай испорійку. Одинъ бѣдной человекъ пришелъ нѣкогда

къ священнику, кошорой слылъ
весьма богатымъ, и припомъ
весьма милоспивымъ. Но вишь
не все шо Евангельскія слова,
чшо въ мѣръ говоршся. И чело-
вѣкъ шомъ имѣлъ нѣкошорыя
сомнѣнія о милосердіи священни-
ка, рѣшился извѣдать оное на
опышѣ. Бапюшка! сказалъ онъ
ему, меня посѣшили великія
бѣдствія: избушка моя сторѣла,
поросашѣ моихъ покрали, и ко-
рова упала въ ровъ и убилась;
и шакъ я пришелъ умоляшѣ ва-
ше милосердіе, и просишѣ васъ
ради самого Бога: ссудите мнѣ
гвинею. Гвинею! прервалъ попъ
сѣ сердцемъ; и какимъ реме-
словъ, думаешѣ шы плушѣ, на-
жилъ я столько денегъ, чшобъ
взаимы давашѣ? Развѣ бы шоль-
ко шакъ же кралъ, какъ шы? А!
бапюшка, вѣшь я у васъ испо-
вѣдывался, шакъ вы знаете, что
мою совѣсть ничшо не вяжешѣ.

Скажише мнѣ шолько, согласи-
шесь ли вы мнѣ дашь хоть пол-
гвинем? Нѣшѣ, сказалъ попѣ,
ни копѣйки. По крайности дади-
ше мнѣ ваше благословеніе? ска-
залъ ему крещьянинѣ. О! это
дамѣ очень охошно, прервалъ
священникѣ. Ну такѣ я не хо-
чу, сказалъ крещьянинѣ вашего
благословенія; ибо вы видите,
ежели бы оно хошя копѣйки
споило, шо вы бы мнѣ его не дали.

Вы мнѣ на память приво-
дише, сказалъ другой госпѣ,
хорошую повѣсть шакого же ро-
да. Одинѣ молодой Кавалерѣ былѣ
у обѣдни вѣ Гишпанской церквѣ,
и иримѣшилѣ монаха вѣ препо-
корнѣйшемѣ положеніи споящаго
у дверей, и просящаго милосшы-
ни ради извлеченія изѣ чисти-
лица, говорилѣ онѣ, пшидеся-
ши Христіанскихѣ душѣ, Мавра-
ми убишыхѣ. Вѣ кошелекѣ про-
сишеля Кавалерѣ положилѣ мо-

нешу, а сей проворчавъ краткую молишву вскричалъ: вошъ одна душа спасена! Кавалеръ далъ ему другую монешу, и монахъ увѣрялъ его, что вошъ и другая душа избавилась. На послѣдокъ сколько Кавалеръ давалъ ему монетъ, столько шошъ насчиталъ избавленныхъ душъ. Потомъ спросилъ онъ, подлинно ли онъ увѣренъ, что онъ всѣ въ раю? Точно, сказалъ монахъ; Свяшый Пешръ ошверзъ имъ врапа, и онъ теперь тамъ водворились. И уже не лзя ошпуда изгнать ихъ? спросилъ Кавалеръ. Конечно не лзя. О! хорошо же, мой любезный ошецъ, когда шо такъ, ошдай же мои червонцы, потому что уже шо дѣло сдѣлано, за кошорое я шебъ ихъ давалъ. А какъ я небогатой служивой, весьма на долго не имбющій надежды бышь споль же хорошо помѣщеннымъ, какъ шѣ души, коихъ мы оба

вмѣстѣ избавили, шо по сей причинѣ деньги мои весьма мнѣ надобны.

Фишзаланъ нѣсколько удивлялся свободности сихъ людей, кошорую они брали предъ ихъ священникомъ; но смѣялся съ прочими, и очень зналъ, что позволяя себѣ забавляясь съ нимъ, не имѣли они никакой мысли поколебать власть его.

Убжалъ онъ съ Аминшою шошчасъ, какъ шо было возможно; прогулка сія иной пріятности для нихъ не имѣла, какъ шолько новоспѣ о д н у. На другой день по утру Аминша отправилась въ монашырь, и спрашивала сеспру Марію. Она проводила ее въ школу, гдѣ были воспитанницы и всѣ прочія монахини. Аминша восхищалась довольнымъ видомъ сихъ дѣвицъ, и порядкомъ, въ школѣ установленнымъ, равно какъ и усердіемъ, оказываемымъ

ей удовольствоваться ея любопытство. Провели се во внутренность обители; пришла она покой всѣхъ монахинь, гдѣ для каждой келья, въ которой постель, стулъ, столъ и Распятие; пошкъ провели ее въ приемную залу, гдѣ нашла она новую Настоятельницу. Это была сшарая женщина. Живописецъ, желающій изобразить благоволеніе, могъ бы взять ее за образецъ. Физиогномія и носшупь ея дышали благосшію и крошосшію. Въ чертахъ ея зрѣлись нѣкошорые слѣды глубокой печали; но скромная веселосшь взора ея возвѣщала совершенную покорносшь. Съ истинною и ошъ сердца исходящею учшивосшію приняла она Аминшу, кошорая возчувсшвовала къ ней почшительное уваженіе. Примѣчая, что состояніе, въ какомъ сія почшенная женщина находилась, было щасшливѣйшее, какое

бы шолько могла она найши , со-жа́лѣла Аминша , что свѣшѣ ли-шенѣ былѣ шакой особы , которая бы могла служишь ему украше-нiемѣ и образцомѣ.

Сеспра Марiя скрылась на минушу , и скоро возвратилась , принеся пироги. Аминша не мо-гла ошговоришься , чтообѣ не вку-сишь оныхѣ. Добрая сеспра вос-хищалась молодою чужештран-ною , и не имѣя искусствва скры-вашь чувствва свои , она ошкро-венно похвалы изѣясняла. Любез-ная машь ! говорила она Наспоя-шельницѣ : не милое ли эшо шворенiе ? Прелѣшныя глаза , пре-красная ручка ! Ахѣ ! естли бы Прешвашая Дѣва благоволила шро-нушь сердце ея и вдохнушь на-мѣренiе придши жишь сѣ нами , сколько бы я тогда щасплива была ! Наспояшельница усмѣхну-лась , и не соучаствуя вѣ вели-комѣ рвенiи сеспры Марiи , эшо

бы грѣшно было, сказала она, чшобѣ сшоль хорошій цвѣшокѣ сокрышѣ былѣ въ развалинахѣ Свяшья Екашерины.

Аминша купила еще нѣсколь-ко дѣланныхѣ цвѣткѣ. Мона-хини усердно просили ее почаще посѣщать ихѣ. Возвращаясь въ Карбери - Касшль, нашла она у ворошѣ карешу Килькорбановѣ, изѣ кошорой видѣла выходящихѣ Лади Грейшокѣ и двухѣ моло-дыхѣ дѣвицѣ. Все эшо вдругѣ говорило, шакѣ чшо Аминша поло-вины не понимала того, чшо онѣ рассказывали. Скучныя посѣще-нiя, говорили онѣ, попрецашшво-вали имѣ вчера по ушпру при-ѣхашѣ, чшобѣ увидѣшь всѣ хоро-шiя вещи, кошорыя Аминша обѣ-щала показашѣ имѣ. Она удоволь-ствовала ихѣ, позволивѣ взять образцы, какiе избрашѣ имѣ угод-но будешѣ. Лади Грейшокѣ лу-каво усмѣхалась нескромности

Своихъ молодыхъ родственницъ, оказала желаніе увидѣшь замокъ, и Аминша сопровождала ее. Очень любовалась она уборнымъ кабинетомъ. Тамъ - то молодыя дѣвицы, любопытныя до глупости, хотѣли все видѣть, все замѣлишь; но Лади Грейсшөкъ, сколько же любопытная, какъ онѣ, не могла похулишь въ нихъ шу свободносшь, копорую бы она и себѣ позволила. Разсмашивая одну рабопу шанбурнаго шипья, узорѣ находила она прекраснымъ; и услыша, что онѣ произошелъ опѣ руки Аминши, дѣлала похвалы вкусу ея, и обьясняла, чтобы она ничего въ свѣшѣ не пожалѣла, дабы имѣть такой же. Она споль ясно исполковала свое желаніе, что Аминшѣ не возможно было защищашься недогадкою; и находя нѣкопорое удовольствіе обязашь особу такихъ лѣшѣ, обѣщала ей шочно такой

для нее сработать. Лади Грейшповъ благосклонно усмѣхнулась при столь вѣжливомъ общаніи, и наговорила ей множество ласковостей. Обѣ Миссы Килькорбанъ лукаво переглянулись, и въ свою очередь взявъ Аминшу за руку, клялись ей, что нѣжную возчувствовали къ ней дружбу, и что надѣялись часто сообществомъ ея наслаждаться. Аминша съ холодностію отвѣчала на сіи ложныя учтивости, и госпожи уѣхали.

Г Л А В А 7.

Уединеніе составляло лучшія забавы Аминшы, потому что тогда могла она отдаваться дражайшимъ мыслямъ своимъ; не переставала она надѣяться Лорда Моршимера оляшь увидѣшь,

и льстишься, что Лордъ Шербюри на соединеніе ихъ далъ бы согласіе, разрушившее всѣ сомнѣнія нѣжности Фишзалана. Забавляюща своего, и для себя самой пріятно занимала время упражненіемъ въ дарованіяхъ своихъ; предаваясь пріятнымъ обманчивостямъ надежды, вкушала она удовольствія, которыя бы предпочла пустымъ забавамъ, представляющимъ ей въ собраніяхъ, на кои часто была приглашаема. Никогда не казалось ей шягоснымъ провозденіе времени ея въ Карбери - Касплъ и во всемъ пространствѣ жилища сего; наиболѣе попеченія ея относились къ саду, котораго положеніе было совершенно романическое, и котораго натуральная дикость умножалась запусченіемъ, въ какомъ онъ съ давняго времени оставался. Аминша обрѣшала еще во многихъ частяхъ слѣды

вкуса , съ которымъ онъ былъ
разсаженъ, и бралася возвратить
ему прежнюю красосу его. Плодо-
вишыя деревья не были подчище-
ны , аллеи покрывались правою ,
цвѣшны заглашались кустами ,
съ одной спороны часть сада
была совсѣмъ дикая , окружаю-
щая храмъ гошическій , съ дру-
гой спороны грунтъ земли на
нѣсколько десятииъ усѣянъ ку-
чами пусыхъ дикихъ камней ;
нѣкошорыя сшупеньки , вырабо-
шанныя вѣ крушомъ каменисшомъ
берегу , сопровождали къ грошу ,
находящемуся вѣ низу одной
высочайшей каменной горы ; грубо
изваянный на камнѣ крешъ , и
осшашки жешпкаго одра , возвѣ-
щали древнее пусынишесшво.
Пещера была на берегу моря ; на
возвышеніи и вѣ низу оной были
каменисшыя горы , киркою изры-
шныя , обѣ кошорыя волны съ
жешпокоштію ударялись . На низ-

кой и круглою дверю находилъ гладкій камень; на ономъ видимы были спихи шворенія Діа: „Часто пустынный, въ минушу, когда ночь въ глубокой шемношъ своей, и среди молишъ его, съ ужасомъ внемлешъ звукъ ошъ руки времени, попирающаго высокія башни, копорыя упадающъ съ шрескомъ, грому подобнымъ и до обшпалища луны возносящимся. „

Попеченіями Аминшы садъ скоро принялъ видъ гораздо пріятнѣйшій, одръ пустыника былъ поправленъ, пещера его, украшенная раковинами и морскими расшеніями, сдѣлалась сладостнымъ рубъжищ мъ; деревья были очищены, аллеи освобождены ошъ спѣсняющихъ ихъ шерновыхъ кустовъ, выметены и пескомъ усыпаны; и даже олтарець маленькаго гошическаго храма украшенъ былъ гирлянда-

ми и фешонами, сдѣланными Аминпою изъ цвѣшовъ, купленыхъ ею въ обители Святыя Екашерины.

Часпо пускалась она по излучишымъ провинкамъ горы, и преслѣдуя ихъ, гораздо ошъ замка удалялась. Съ высоты сей любила она видѣть волны моря, блискающія ошъ солнечныхъ лучей, ошъ которыхъ защищаема была густыми лиспвіями. Но ни удовольствія сія, чада воображенія, ни сладосныя прогулки, ни домашнія заботы, не заспавляли ее забывать нужды спраждущаго человѣчества, кошорымъ могла она какое либо податъ облегченіе: она посѣщала уббжище бѣдности, и доставляла всевозможныя пособія, какія шолько посредственное состояніе ея давало въ руки ей. Нищета, столь всеобщая и столь великая въ народъ, не шолько соспращаіемъ

наполняла ее , но и удивленіемъ. Она не могла понять , какимъ образомъ свобода и плодородная земля не доставляли всѣмъ жителямъ довольства и благополучія. Опецъ ея, кошорому она сообщила свое удивленіе, объяснялъ ей, что бѣдности крестьянъ главнѣйшимъ было дѣйствіемъ удаленіе владѣтелей отъ областей своихъ. Доходы ихъ, говорилъ онъ, расщочающся на отдаленныя помѣстья , вмѣсто того , чтобъ обогащать ими землю , снабдившую ихъ оными. Приблизко разсмотрѣвъ, собственная ихъ выгода долженствовала бы привлекать ихъ во владѣнія , имъ принадлежащія. Полугодовые доходы ихъ, такъ употребленные, обрашались бы въ прибытокъ бѣднымъ поданнымъ ихъ, коихъ трудами оныя производящся. Возбуждая въ нихъ благодарносшь , оживотворили бы раченіе ихъ; и еще луч-

шимъ бы владѣніе и для самаго помѣщика соснавили.

Облака , продолжалъ онъ , которая составляются изъ шума-новъ и паровъ , съ земли поднимающихся , дождями и росою опять низпадаютъ для прохлажденія и плодородія нѣдръ ея , изъ коихъ они берутъ свое начало. Большая часть растений обогащаютъ землю , воскормившую ихъ ; ибо Природа въ работахъ своихъ вездѣ даетъ человѣку примѣры и уроки. Но невольникъ мопозснва , онъ не умѣетъ ни вяшь , ни послѣдовать имъ , и онъ шого изсушаетъ для себя изобильный источникъ удовольствій шакихъ , какъ шо , чшобъ ушлаждашь шягосши трудолюбиваго человѣка , воздвизашъ бодрость унылага до-шоинснва. О ! сколь сіи наслажденія превыше шѣхъ , какія могутъ доставить гордость и расшоченіе ! Настоящее блаженство

оставляюшъ для пустой пѣни, называющейся удовольствіемъ, которое на одну минушу объемлюшъ, да и сію же минушту ядовитую стрѣлою оно пронзаетъ грудь ихъ. Сердце, утѣшающееся домашними наслажденіями, высылаетъ къ небесамъ благочестивый гласъ благодарности, смягчающееся при видѣ несчастія — сіе-то сердце одно можетъ вкушать истинныя и продолжительныя удовольствія. Бодрость, съ каковою бѣдные поселане сносяшъ недостатки свои, есть для насъ самихъ примѣръ, долженствующій остановить наши рошпанія, когда постигаетъ насъ какое бѣдствіе. Они перпяшъ, не жалуясь; и шопъ, у ко-го есть на зиму кучка хвороспу, яма земляныхъ яблокъ, корова, свинья и нѣсколько куръ, считаешъ себя щастливымъ подъ соломенною кровлею, кошорую

дѣлишь иногда съ скопомъ своимъ.

Часто занимала Аминшу сладчайшая мысль. Она представляла себѣ Лорда Моршимера пріѣзжающаго жить въ Карбери - Касль, уничтожающаго избытки крестьянъ, дабы на мѣсто оныхъ соорудить имъ здоровые и чистые домики; обѣзжающаго поля съ благошворнымъ наобрѣненіемъ, которое не медлитъ исполнять рукою милосердія, возвращая здоровый цвѣтъ щекамъ, отъ нищеты поблекшимъ, и приводя удовольствіе и веселость въ шѣ мѣста, гдѣ оныя уже съ давнихъ временъ не извѣстны. Наконецъ представляетъ себя сопровождающую его въ сихъ благошворныхъ пушяхъ, свидѣтельницею всѣхъ движеній души, чувствительности преисполненной.

Въ одно утро, когда была она занята симъ сладчайшимъ размышленіемъ, вдругъ исторгается изъ онаго приходомъ Килькорбановъ и Лади Грейспокъ въ ея уборной кабинетъ, гдѣ она работала. О моя любезная! вошедъ вскричала спаршая сестра: мы сообщимъ вамъ очень хорошія новости. Опгадайте, кто прибылъ шеперь? Дядюшка вашъ, мѣшущка и сестрица. Севодни поушру изъ Дублина нарочной прѣхалъ къ домоправителю, съ повелѣніемъ, къ будущей недѣлѣ въ надлежащемъ порядкѣ комнаты приготовишь. Я вамъ очень завидую, сказала младшая Миссъ Алисія, въ удовольствіи, кошорое вы будете имѣшь, увидя ихъ. Амивша покраснѣла, и смущившись сказала: не знаю почему вы можете такъ опгадывать; ибо я ихъ еще не знаю.

Ахъ, Боже мой! вскричала Мисприссѣ Килькорбанъ: эшо право забавно. Какъ! вы не знаете вашихъ родныхъ! Но можешъ бышь они всегда жили въ Шотландіи, и вы не осмѣливались для посѣщенія ихъ предпринять пушь по морю? Есшьли сіе шолько препятшвіе, сказала Лади Грейсшохъ, лукаво усмѣхаясь невѣденію Мисприссы Милькорбанъ, не допускало Миссѣ Амнису изъ Англіи пробхашъ въ Шотландію: шо она бы легко успокоилась, взглянувъ на карту, гдѣ бы увидѣла, что въ пуши семъ не было моря.

Вошъ хорошо! прервала Мисприссѣ Килькорбанъ, а я никогда и не подумала объ этомъ. Но съ позволенія вашего, Миссѣ, могу ли спросишь васъ: для чего же вы чрезъ письма не познакомились? — Вамъ мало прибыли знать

причину тому, съ холодностію сказала Аминша.

Говорящъ, что Лади Евфразія Сушерландъ совершенная особа, сказала Миссъ Килькорбанъ; слѣдовательно переписка съ нею должна бытъ весьма пріятна; вы же сами такъ хорошо пишете. Когда вы оставите Карбери - Каспль, то я васъ прошу сдѣлать милость писать ко мнѣ; ибо я больше всего люблю спрашно имѣть умную переписку.

Я тому не удивляюсь, сказала Лади Грейшпockъ; ибо вы имѣете все нужное для поддержанія такого разговора.

Любезная моя! прервала Миссъ Килькорбанъ: мы дадимъ прелестнѣйшій въ свѣтѣ балъ. Батюшка въ томъ совершенную предославляетъ намъ волю. Я думаю, сказала Миссриссъ Килькорбанъ, что это будетъ ужасное безпокойство. Но дочь, не вни-

мая замѣчанію мащери, продолжил: намъ надобно-выписашь изъ Дублина поваровъ, кандитеровъ. Мы хошимъ, чшобъ все было лучшее, и пригошовилось бы къ прешьему дни по прїѣздѣ сюда Маркиза и Маркизы. И пакъ, моя любезная, вы и вашъ бапюшка конечно будеше гошovy. Сестра и я выписываемъ себѣ изъ Дублина бальныя плащья. Я не хочу дашь вамъ поняшіе ошомъ, чшо мы заказали; вы шѣмъ лучше будеше удивлены до восхищенія. Всѣ, кто ешь лучшіе здѣсь, всѣ на нашемъ празднествѣ будушь; надобно, чшобъ и вы сколько нибудь позабошились пригошовишься къ оному.

Природа, сказала Лади Грейшпокъ, была столь щедра въ разсужденіи Миссы Фишзаланъ, что она не имѣетъ нужды дѣлать шакія прїугошовленія. Ахъ, Боже мой! вскричали дѣвицы

покачавъ головою: конечно Миссѣ Фишзаланѣ не столько глупа, чтобъ не одѣшья такъ, какъ всѣ; но со всѣмъ тѣмъ, сказали онѣ, вшавая съ своею матерью, и дѣлая поклонъ гораздо жеманнѣе и холоднѣе обыкновеннаго, ей самой осмѣешь судишь о томъ.

Фишзаланѣ съ самаго брака своего не видалъ Маркизу, да и не желалъ съ тѣхъ поръ видѣть ее. Безчеловѣчье, съ копорымъ поступила она съ своею сестрою, злосць, употребленная ею къ умноженію гнѣва отца ея прошивъ бѣдной Мальвины, пакую подало ему мысль о любви къ самой себѣ и нечувствительности сей женщины, что возчувствовалъ къ ней непреодолимое отвращеніе. Онѣ признавалъ ее грабительницею дѣшей его, причиною смерти нѣжной супруги своей, а чрезъ то и

шворцомъ прешерпѣнныхъ имъ спраданій. Негодованіе его къ ней не было еще погашено ни богобоязненными чувствами его, ни временемъ.

Г Л А В А 8.

Маркизъ Росливъ и семейство его съ великою свисою при были въ Ульшеръ - Лоджъ, и принимали многочисленныя посѣщенія отъ особъ спраны шой, и между прочими отъ Килькорбановъ, кошорымъ богашство ихъ придавало много важности. Г. Килькорбанъ гораздо болѣе про шиву прочихъ спѣшилъ засвидѣ шельствовать свое почтеніе Мар кизу, кошорой, имѣя въ кошорую власшь въ одномъ городкѣ, могъ сдѣлать его членомъ въ судѣ. Онъ былъ уже ошривушъ, когда

въ послѣднемъ выборѣ представ-
ляя себя за кандидата; и такъ
сей-по одинъ случай оставал-
ся ему къ достиженію шоль
горячо желаемаго имъ пункта.
Онъ соглашался, что дарованія
его въ краснорѣчїи весьма не ве-
лики были, и часно говаривалъ,
что хошя языкъ его не былъ
столько острѣ, какъ у многихъ
другихъ людей, но что онъ
могъ шочно шакже шопнуть но-
гою, и замѣчашъ изъ глазъ при-
сущшствующихъ господъ, какого
миѣнїя бышъ надлежало (*); и
напослѣдокъ весьма ему важнымъ
казалось шо, что полагаалъ онъ
чрезъ выборъ сей умножишъ къ
себѣ уваженіе въ шой сшранѣ.

Выѣхавъ изъ Ульшера, гос-
пожи Килькорбаны забѣхали въ

(*) Въ Ирландїи женщины при-
сущшствующъ въ галлерей общаго
Собранїя.

Карбери - Каспль ; онѣ вошли шу-
да сѣ важнымъ видомъ, котораго
прежде не принимали на себя , и
которой онѣ думали имѣшь пра-
во взять послѣ сдѣланнаго ими
посѣщенія. вмѣсто того, чшобѣ
спѣшить къ Аминшѣ , какъ - по
обыкновенно дѣлали, онѣ разсѣя-
лись по комнашѣ. Послѣ легкаго
и все ихъ жеманство изображаю-
щаго полкона , онѣ бросились на
софу, поставленную противъ зер-
кала, въ которое не переславали
онѣ глядѣшься , продолжая при-
помѣ рѣчь о замѣчаніяхъ, учи-
ненныхъ ими касательно одеж-
ды Лади Евфразіи. Подлинно Али-
сія , сказала Миссѣ Килькорбанѣ
сеспрѣ своей , я могу сдѣлать
такое же упреннее платье, какъ
у Милади. Наипрекраснѣйшая
вещь эша оборка около шеи изъ
шонкаго кружева, и эша блѣдно-
голубая шелковая подкладка со-
вершенно идешь въ нѣжному цвѣ-

пу въ лицѣ. Я думаю, Шарлопша, перехватила младшая, что я велю сдѣлать мое шитое кисейное платье съ того же образца; да только подкладку положу темнокоричневую, чтобы лучше шитье ошлячалось.

Ваша шепушка, моя любезная, сказала Мисприссъ Аминшѣ, кажешся истинно достойная женщина, и дочь ея прекрасная особа.

О! сказали дочери, это прелестныя творенія, такъ ловки и такъ обязательны!

Ваши мнѣнія не сходны съ моими, сказала Лади Грейспокъ, о ловкости и пріятности Ульшерскихъ Госпожъ. Я думала, продолжала она, что Г. Килькорбанъ боялся, чтобы Марвизъ се-водни же не отправился въ Англию: только онъ шоропилъ насъ и завтракать и садиться въ карету, хотя бы можно ему

было знашь, что не мудроно ша-
кимъ образомъ привезши насъ
прежде часа, въ кошорой люди
большаго свѣта могушъ показы-
вашься.

Лошади наши скакали во
всю прышь, равно какъ бы дѣло
соспояло въ спасеніи чьей ни-
будь жизни; а какъ мы пріѣха-
ли, то ввели Г. Килькорбана въ
кабинетъ къ Маркизу, а насъ
въ пущую комнашу, гдѣ мы
должны были забавляшъся раз-
смашриваніемъ фамильныхъ пор-
шретовъ. Тушъ слышали мы всѣ
спрунки въ движеніѣ; служанки
и слуги по лѣспиницамъ взадъ и
впередъ бѣгали; кошки, соба-
ки, обезьяны, попугаи, кошорые
казалось были въ свитѣ луше-
шесшвія, визжали, лаяли, вор-
чали, кричали въ сосѣдственной
комнатѣ. Наконецъ предсталъ
маленькой лакей, очень распудре-
ной, и сказавъ намъ, что Госпожи

были готовы имѣть честь принять насъ, ушелъ, прыгая взлещалъ на лѣстницу черезъ чешыре сшупени. Для принятія насъ Маркиза опсшупила два шага опъ софы, а Лади Евфразія до половины приподнялась съ своихъ креселъ, и приспально съ минушу посмошрѣвъ на насъ, какъ будто бы для шого, чшобъ увѣришься, шочно ли мы были словесныя живопныя, опяшь приняла свое прежнее разслабленное и жеманное положеніе, и продолжала разговоръ свой съ однимъ знашнымъ молодымъ человѣкомъ, кошорой изъ Англии съ ними пріѣхалъ.

Сей молодой челвѣкъ по крайности, вскричала Миссѣ Килькорбанъ превозносишельнымъ голосомъ, вы вѣрно согласишесь, чшо прелестное швореніе? О! какіе глаза! какой пѣнишельной голосъ! я никогда не видывала

сшоль прекраснаго молодаго чело-
вѣка!

Дѣйствительно, сказала
Лади Грейсцокъ, Лордъ Мор-
шимеръ . . .

При имени семъ Аминша за-
препешала, краснѣла, блѣднѣла,
казалось шеряла дыханіе и спа-
новилась безмолвною ошѣ удивле-
нія. Чшо же эшо, Миссѣ Фиц-
заланѣ, сказала Лади Грей-
сцокъ, не дурно ли вамъ? — Нѣшѣ,
сударыня, ошѣвѣчала Аминша пре-
пещуцимѣ голосомѣ; эшо шоль-
ко біеніе сердца, кошорому я под-
вержена. Пропу меня простишь,
чшо я васѣ ошановила; пожа-
луйше извольше продолжашѣ. И
такѣ я свазывала, опяшѣ при-
нялашѣ Лади Грейсцокъ, чшо
Лордѣ Моршимерѣ пріятнѣйшій
и плѣннцельнѣйшій челоувѣкѣ,
какого я когда либо видала. Глаза
его, полны выраженія, казалось,
осуждали посшупокѣ Евфразіи,

и онъ послѣ сего умножилъ своимъ намъ учтивости, что означаетъ благородную душу.

Сердце Аминцы претепшало ошъ радости при шоль искренной и горячей похвалѣ Лорду Моршимеру. Сладостная слеза, извясненіе нѣжной любви, оросила рѣсницы ея, и гошова была выкашмишься изъ оныхъ.

Миссѣ Килькорбанъ, кошорой гордоешь оскорблялась сдѣланымъ Аминшѣ повѣсшводаніемъ о охолодномъ привѣсшсшви, съ какимъ семейсшво ихъ приняшо было въ Ульшер-Лоджѣ, желая оспоришь, сказала: Боже мой, сударыня! я не знаю, по чему вы находише, что о недосшашочны для насъ были вѣжливосшь и уваженіе Лади Евфразіи; мнѣ кажешся, что она шолько слѣдовала обряду, кошорого ихъ спешени людямъ не лзя не наблюдашь.

Я очень рада, моя любезная, прервала Лади Грейспокъ, что вы на сей случай воспользовались столь часшо мною преподаваемыми вамъ уроками о покорности.

Увѣряю васъ, Миссъ, сказала Аминшъ Мисприссъ Кизькорбанъ, что я не позабыла сказать Маркизъ, что здѣсь въ сосѣдствѣ находишся племянница ея. Она мнѣ нѣсколько холодно ошвѣчала; я и полагаю какуюнибудь ссору между семействами, кошорая можетъ бышь ошъшого происходишъ, что вы имъ не сдѣлали посѣщенія; но на нашамъ бѣдѣ все сіе поправишся. Аминша: ничего не ошвѣчала, и Госпожи уѣхали.

Полученное ею извѣстіе о пріѣздѣ Лорда Моршимера въ сосѣдство, причинило ей, какъ шо легко можно вообразишъ, великое движеніе; но удовольствіе,

о т ъ ш о г о е ю возчувствуемое, ослабѣвало по мѣрѣ, какъ размышляла она, что онѣ былѣ корешко знакомѣ, а спашься можешѣ и друженѣ съ членами шакого дома, кошорой способствововалѣ излишь всѣ несчастія на ея семейство, и по всеобщей молвѣ свойство ихѣ шаково, что имѣ бы не прошивно было, когда бы дѣши гонимой ими женщины были столько же, какъ она, несчастливый. Хошя бы онѣ и не считали за нужное вдохнушь Лорду Моршмеру какое либо прошивѣ нее предубѣжденіе, довольно для нихѣ было знашь, что она дочь Мальвины, дабы преслѣдовашь ее со всею жестокосшію. А хошя бы онѣ и не обращали на нее гоненія, Лади Евфразія, всѣми выгодами знашности и богатства одаренная, безѣ сомнѣнія привлекла уже, или привлечешѣ приверженность человека, коше-

рой прежде приобрѣлъ всю нѣжность Аминшы.

Скоро однако же укоряла себя за сіи мнѣнія, какъ за обижающія Лорда Моршимера, кошораго свойство, говорила она сама себѣ, надмѣру благородно, чшобъ бышь непосреднымъ, шогда, какъ къ перемѣнѣ ему я сама никакой причины не подавала.

Иногда ободряла она унылый духъ свой, возвращаясь къ любимымъ ея размышленіямъ о возможности приближенія ея къ Лорду Моршимеру. Мѣсто наспоящаго пребыванія ея было шайною для Эдвиновъ, кошорыхъ письма къ Аминшѣ всегда надписывались въ опдаленный опъ Карбери-Каспя городъ, куда шакже оныя и опъ нее опсылались: но она льстшлась, чшо случай досшавилъ ему свѣденіе о шомъ мѣстѣ, гдѣ она была, и дабы избѣжашъ подозрѣнія, кошо-

рое бы въ мысли Лорда Шербюри могло произойти ошъ путешествія сына его въ Ирландію. Сей сдѣлялъ видъ, будто желаетъ сошоваищесшвовашъ ф а м и л і и Маркиза Рослина; пріѣхалъ лично увѣришься, сохраняешь ли она къ нему привязанность, и испросишь согласія Фишзалана, прежде нежели сообщишь намѣренія свои Графу.

Тогда, какъ она такимъ образомъ колебалась между страхомъ и надеждою, Елена блѣдная и запыхавшись вбѣжала въ комнату ея и вскричала: онъ здѣсь! онъ здѣсь! Лордъ Моршимеръ здѣсь!

О Небо! вскричала Аминша, распроспершись на своихъ креслахъ и опустя руки свои. Елена испугалась, и укоряя себя въ своей поспѣшности, бѣжитъ къ шкафу, и доставъ о ш ш у д а доделобану, даетъ ей поцѣловать,

прешъ онымъ виски, и спарася помогашъ ей подойши къ окну, Я шакъ смушилась, говорила сія добрая дѣвушка, увидя, что госпожа ея пришла въ чувство; право не знаю, что я дѣлала. Богъ мнѣ въ помѣ свидѣтель, что возвращеніе бѣднаго Шипа не столько бы мнѣ принесло удовольствія; я проходила нижнюю залу, какъ увидѣла, что Лордъ Моршмеръ сходитъ съ лошади. Ежели бы я увидѣла какогонибудь изъ сихъ древнихъ героевъ, которые шакъ меня пугающъ, что я ввечеру по залѣ пройши не смѣю, вышедшаго изъ стѣны, гдѣ въ уснутахъ они пославлены: то бы я не болѣе испрашилась. Побѣжала я въ маленькую пріемную, и слышала Милорда, спрашивающаго Г. Фишзалана. Звукъ его голоса обрадовалъ сердце мое; потому что вѣдь это старой другъ, и какъ

онъ вошелъ въ кабинетъ Г. Фриш-залана, но я и побѣжала. По мнѣнію моему ничего не мудрено опгадаться, о чемъ они говорятъ.

Движеніе Аминшы еще умножилось: она шакъ дрожала, что стояшь не могла; видѣла она, что ея судьба и благополучіе всей жизни ея отъ сей минушы зависѣло. Тщешно принуждала себя успокоиться. Сіи часы шакого ожиданія гораздо шажелъ, нежели по вообразить себѣ возможно; оно причиняло ей смятеніе, кошорое умѣришь было не удобно.

Около часа пребывала она въ семъ мучительномъ положеніи, какъ вдругъ голосъ Лорда Моршимера прозвалъ слухъ ея. Она запрепешала, и подошедъ къ окну, увидѣла Лорда Моршимера сопровождаемаго отцомъ ея до одной калишки, гдѣ ожидаемъ былъ людьми и лошадьми свои-

ми. Тушѣ просился онѣ съ Фитзаланомѣ; такимѣ образомѣ исчезла надежда Аминшы къ свиданію съ Моршимеромѣ. Сердце ея величайшее ощущало стѣбсненіе, и изобильныя проливала она слезы.

Блена, находясь вѣ шой же комнатѣ, была почти сполько же разспроена, какѣ и Госпожа ея; ворчала что-то о непостоянствѣ мужчинѣ, копорые, говорила она, всѣ одинаковы, и какѣ Шипѣ, во всякихѣ случаяхѣ были обманщики. Колоколѣ призывалѣ Аминшу къ обѣду; она отерла слезы и надѣла шляпу пониже, дабы не примѣтно было, что она плакала. Слѣ отца ея однакожь не упало смущеніе сіе; онѣ полагалѣ, что не безвизвѣсна она была о сдѣланномѣ ему посѣщеніи. Увидя Лорда Моршимера, не удивлялся онѣ о нѣжной привязанности, возчувствуемой

къ нему Аминшою. Благородный и ошкровенный видъ молодого человека шощчасъ предварилъ въ его пользу Фишзалана. Онъ нашелъ его одареннымъ всѣми качествами, способными произвешъ въ душѣ чувствительной продолжительное и швердое впечатлѣнiе. Спеналъ, помышляя о жестокой необходимости, нудящей его различить два сущешва, кошорыя казалось одно для другаго были созданы; но какъ сiя препона не должна и не могла бышь разрушена, шо опецъ радовался шому, што Лордъ Моршимеръ, приѣхавъ въ Карбери-Касплъ, вмѣсто шого, шобъ гоюришь ему о его дочери, рассуждалъ съ нимъ шолько о дѣлахъ, и не иначе спросилъ о Аминшѣ, какъ съ холодноспiю, заступившею мѣсто побѣжденной любви, и не упомянувъ ни слова о письмѣ, въ кошоромъ сообщалъ Фиш-

залану намѣренія свои въ разсужденіи Аминшы ; изъ чего заключалъ Фишзаланъ, что Лордъ Моршимеръ оставилъ мысль о дѣвицѣ небогашой, и обратился исканія свои къ другому предмету.

Симъ предпочитаемымъ предметомъ мнилась ему бысть Лади Евфразія Суперландъ, о которой Лордъ Шербюри говорилъ ему какъ о преыгодной для сына своего паршіи, и для которой казалось, что онъ и путешествіе въ Ирландію предпринялъ.

Не имѣлъ онъ духу таковыя размышленія сообщити дочери своей; ему лучше хотѣлось, чтобъ она собственными своими примѣчаніями до того доведена была. Надѣялся, что такимъ образомъ самолюбіе Амингы придетъ ему на помощь одержавъ побѣду надъ ея привязанностію. Обѣдъ прошелъ безъ разговоровъ. Когда служители удалились, Фишза-

ланъ рѣшился облегчить замѣчаемую имъ скорбь ея, и говорилъ ей о посѣщеніи Лорда Моршимера. Онъ пріѣзжалъ, сказалъ онъ, единственно для того, чтобы посмошрѣть, въ какомъ состояніи замокъ находился. Можно сказать, что онъ прямо любезный и разсудительный молодой человекъ, кошорой сосшавишъ честь своей фамиліи; давно уже желалось ему, говорилъ онъ мнѣ, посѣтить владѣніе, кошорое было ему любезно воспоминаніемъ проведенныхъ въ ономъ первыхъ лѣтъ его, да и пошѣму, что мать его лущѣ родилась и любимое пребываніе здѣсь имѣла. Нашедъ случай сдѣлать сіе пушешествіе въ пріятной компаніи, онъ не могъ еще на долго отлагать досшавленіе себѣ сего удовольствія.

Лордъ Моршимеръ, прибавилъ Фришаланъ, говорилъ о своей машери съ испиннымъ уваже-

ніемъ и прогашельною вѣжно-спію. Тонъ голоса его, и омоченныя слезами глаза, означали миѣ сердце, преисполненное чувствительности. Памяшь матери сей столько же почтенна добродѣтелями сына ея, какъ и похвалами, ей распочаемыми. Морши-меру сказано, что замокъ былъ въ совершенномъ разрушеніи, и для него весьма пріятная предшала нечаянность, когда нашелъ его въ столь хорошемъ положеніи, какого столько можно ожидать ошъ сего древняго зданія. Не надѣялся онъ найти никакихъ слѣдовъ прилагаемаго о немъ попеченія, и чрезмѣрно радовался своей въ томъ ошибкѣ; каждое мѣсто приводило ему на мысль пріятныя воспоминанія: наиболѣе ошановилъ онъ на маленькомъ готическомъ храмѣ, и нѣсколько времени наблюдая молчаніе: о! сказалъ онъ, какія бла-

женныя минушы препровождалъ я здѣсь съ наилучшею изъ женщинъ! И подлинно, любезная Аминша, съ ошмѣннымъ вкусомъ убрано шобрю мѣспо сіе; я шочно думаю, что Лорду Моршимеру очень хошѣлось похишишь какую нибудь розовую или лилейную гирлянду, копорыми шы оное украсила: шоль онъ усердно смошрѣлъ на нихъ! Аминша покрасѣбла, а ошецъ ея, безпрещанно чишая въ глазахъ ея ожиданіе и любопышшшо, продолжалъ: Лордъ Моршимеръ обозрѣвалъ шакже другія часши владѣнія сего; и по сдѣланному имъ объясненію въ разсужденіи желаемыхъ имъ шушъ расположеній, не думаю я, чтобъ онъ ошашъ въ замокъ возвратился, или бы долго въ спранѣ сей пробылъ.

Послѣ разговора сего Физзаланъ пошелъ въ свой кабинетъ, а Аминша шешчасъ ошправилась

въ садѣ, и спѣшила придти въ маленькой храмѣ. Никогда не находила она его споль величественнымѣ; никогда не предспавлялся онѣ ей сполько украшающимѣ мѣста сіи. Молчаніе Моршимера при входѣ въ оной не казалось Аминшѣ, шакѣ какѣ Фишзалану, причиною единспвеннаго воспоминанія о благополучіи, копорое вкушалѣ онѣ подлѣ мащери своей. Нѣшѣ! говорила она, въ семѣ мѣстѣ онѣ шакже помышлялѣ и обо мнѣ.

Правда однако же, что Моршимерѣ не иначе говорилѣ Фишзалану о Аминшѣ, какѣ сѣ равнодушіемѣ; но равнодушіе сіе могло бышѣ дѣйспвіемѣ досады. Поспѣшно скрылась она изѣ Валлискаго Княжества, дабы убѣжашѣ его, обходясь сѣ нимѣ прежде шакимѣ образомѣ, копорой давалѣ ему нѣкошорое право надѣяшѣся бышѣ увѣдомлену о

ея предпріятыяжѣ, и съ тѣхѣ порѣ совершенно оставила его. Аминша льспилась, что сія была истинная причина холодноспи Моршимера, и что объясненіе, которое она при первомъ свиданіи была въ состояніи доставить ему, подѣйствовало бы къ ихѣ примиренію. Опецѣ ея, нѣжностію къ ней преисполненный, ею шолько могуцїй бытъ щасливѣ, предваренный въ пользу Моршимера, не вопрошившиса бы долѣ соединенію ихѣ; позволилъ бы Моршимеру ошкрышья въ шомѣ Графу Шербюри, а сей безѣ сомнѣнія поступилъ бы въ семѣ случаѣ, какѣ и всегда по дѣлывалъ, шо' естѣ шакѣ, какѣ нѣжный опецѣ и безкорышный человекѣ.

Такѣ - шо Аминша, питая мѣбнія согласныя съ ея желаніями, спаралась забыть упромѣ испытанныя ею прошивности.

Фитзаланъ, бывъ вмѣстѣ съ своею дочерью во время чаю, не удивлялся тому, что она уже посѣтила маленькой храмъ; но странно ему казалось видѣть необыкновенный ей веселый видъ. Довольно извѣстно ему было сердце человеческое, дабы понять, что не иначе могла она разсѣять упренною печаль, какъ съ помощію какой нибудь лестной обманчивости, къ прогнанію кошорой полагалъ онъ лучшимъ средствомъ доставить ей съ Лордомъ Моршимеромъ свиданіе.

Снова еще помышляя о своемъ сего молодого Лорда, и о томъ, что слышалъ онъ отъ Лорда Шербюри, болѣе увѣрился, что Лади Евфразія не только была назначена Лорду Моршимеру, но и составляла также предметъ его исканій. Думалъ онъ притомъ, что посѣщеніе Карбери - Каспля отъ Моршимера

было почнымъ намѣреніемъ, чрезъ холодное обращеніе возвѣспишь перемѣну чувствъ его, и сямъ погасишь всѣ надежды, кошорыя бы сосѣдственное пребываніе его могло возродишь и поддержашь.

Колебался онъ согласишься на приглашеніе Килькорбана; но рѣшился ѣхашь шуда и взяшь съ собою дочь свою, за вѣрное полагая, что она сама шакже увѣришя о перемѣнѣ къ ней Моршимера; нужно было досшавишь ей сіе доказательство.

Съ великою нешерпѣливостію ожидала Аминша шого вечера, въ кошорой должно познашь ей, что было основательнѣе, надежда, или страхъ ея.

Г Л А В А 9.

Наспутилъ наконецъ сей шоль желанный вечеръ. Съ великимъ движеніемъ одѣвалась Аминша. Глядяся въ зеркало, ободрялся духъ ея. Елена, кошорая великое принимая участие въ шомъ, чшобъ Госпожа ея показала на балъ лучше всѣхъ, обьяснила, что Аминша возбудилъ ревность во всѣхъ Ирландскихъ Госпожахъ. Да и Фитзаланъ, взглянувъ на нее, удивился, видя ее шоль прекрасну; съ шакимъ восхищеніемъ взиралъ на нее, кошорое извлекло слезы изъ глазъ его. Тайное нѣкое ощущалъ онъ шщеславіе, показашъ Маркизъ сію неуважаемую ошпрасль нещасной сесшры ея, шоль прекрасно возросшую и шакъ цвѣшущую, кошя и пошрогана въ шромъ нищеты и бурю злощасія.

Нѣшѣ, говорилъ онѣ самѣ въ себѣ, ежели бы прелести Евфразіи и могли поспоришь прошиву Аминшиныхѣ, но уже превзойши оныхѣ не возмогушѣ. Крошосшь и невинносшь изображающся на челѣ моего дышаши, а Лади Евфразія предосшавила Маркизѣ свойсшво свое и надменный взорѣ свой.

По пріѣздѣ въ Гранжевилѣ, нашла Аминша всѣ пробѣзды наполнены карешами. Домѣ былѣ весь освѣщенѣ, и возвѣщаль себѣ обшпализемѣ великолѣпія и удовольсшвія. Восходя на лѣшницу, она дрожала; хошѣла на минушу осшановишсья, дабы успокоишь себѣ, но дверь ошворилась, и Мисприссѣ Килькорбанѣ шла къ ней на вспрѣчу, чшобѣ приняшь ее. Зала хошя величайшая, но была наполнена: оная украшена была фешонами изѣ цѣшовѣ, и освѣщена велм-

кимъ множествомъ огней. При входѣ былъ оркестръ, а впереди Маркиза со всѣмъ своимъ обществомъ. Сердце Аминшы сильно билось, когда подходила она къ Миссриссъ Килькорбанъ, и движеніе ея голосъ пресѣкло. Однако же припоминая себѣ, что была примѣчаема Лордомъ Морпимеромъ, и что недоброхотные взоры ея надменныхъ родсвенницъ были на нее усмирены, воспріявъ свою бодрость, съ пріятною важностію прошла залу. Многимъ особамъ собранія она была не извѣстна, и шакъ слышишъ всеобщій шопотъ: кто сія прекрасная особа? и безчисленные выраженія похвалъ съ стороны мужчинъ, между коими находилось довольно число Офицеровъ изъ гарнизона, въ ближнемъ городѣ стоящаго. Смущенная привлекаемымъ ею вниманіемъ, сбѣшила она занявъ первый сво-

бодный стулъ, кошорой былъ подлѣ шого, на коемъ сидѣла Маркиза.

И дѣйствительно всеобщее возбудила она удивленіе, особливо между мужчинъ, красошою своею, нашуральными пріятношмями, и просшою одежды своею.

На ней было шафшяное все одинакое плашье, креповой че-пецъ, сдѣланный шюрбаномъ, съ висящими перьями. Не было дру-гаго украшенія, кромѣ жемчуж-наго ожерелья, на кошоромъ ви-сѣлъ поршрешъ ея машери; на юбкѣ вышита шелками неболь-шая кайма, изображающая лав-ровые листья и серебряные цвѣ-точки. Изобильные волосы, съ природы блестящаго цвѣта, буклями по плечамъ развѣвались, и придавали нѣкую пріятношь щекамъ, на коихъ бѣлизна зашме-валась крошкою шѣнію розы.

Какъ скоро она сѣла, замѣшашельсшво ея уменьшилось : подняла она глаза и встрѣпила взоры Лорда Моршимера, кошорой споялъ облокопясь на спинку креселъ Лади Евфразіи. Сѣ чрезмѣрнымъ вниманіемъ онъ глядѣлъ на нее; казалось желалъ проникнуть въ изгибы сердечныя, и познашь, ошавалось ли шамъ для него въ кошорое мѣсшво. Она краснѣла, и ошвращая взоры свои, примѣпила, что была предметомъ насмѣшки Маркизы и Евфразіи. Онъ имѣли видъ злоспи, возмущающій ея; не могла она безъ ужаса взирашь на шу, кошорая сполько способствовала несчастіямъ Мальвины. Правда ли эшо, говорила Лади Евфразія сѣ жеманнымъ видомъ и презрительною усмѣшкою молодому Офицеру подѣ нее споящему, правда ли эшо, что вы ее находите прекрасною? Прекрасною!

съ жаромъ прервалъ молодой человекъ; ахъ! я нахожу ее прелесною очаровательницею.

Маркиза съ надменностію нахмурила брови; Лади Евфразія презрительно усмѣхнулась, качала головою и забавлялась своимъ вееромъ. Зависть и дурное свойство, которыя Маркиза оказывала въ молодости, были шаковы же и въ зрѣлыхъ лѣтахъ ея; но уже не на свой счетъ, а для дочери своей была зла и завистлива. Дабы всѣ похвалы и все удивленіе собратъ на Евфразію, она бы съ радости увидѣла прекрасное лицо обезображеннымъ, и добрыя качества молодой особы непризнанными, и не пропустила бы ни единого удобнаго случая опорочить видъ, и озлословить свойства всѣхъ пѣхъ, которыя могли бы быть соперницы Евфразіи.

Таковыя чувства воспріяла она въ разсужденіи Аминшы, пошому что, не взирая на ослѣпленіе ея къ своей дочери, не могла она ушашь ошѣ себя преимущественно Аминшы, по крайности въ лицѣ. Лади Евфразію ожидало великое богатство, которое увѣряло ее навсегда въ великихъ почестяхъ; но почести сіи, не сопровождаемыя истиннымъ почтеніемъ и привязанностію, внушающія корыстію и составляющія дань лести. Какая разница между уваженіями сего рода, и шѣми, кои непринужденное удивленіе отдавало Аминшѣ! Безъ шипловъ, безъ богатства, была она преслѣдуема похвалами, и привлекла бы къ себѣ толпу обожателей, ежели бы смиренномудріе и уединенная жизнь ее ошѣ того не защищали.

Свойство Лади Евфразіи было шаково же, какъ и машери ея;

но видомъ сходствовала къ лицу своему. Роспомъ была она не велика, черты лица сжаты и грубы, что давало ей видъ гораздо старѣ Аминшы, хотя онѣ были однихъ лѣтъ. Съ великимъ ея богатствомъ она находила себя несчастною пошчасъ, какъ видѣла предъ собою такую особу, къ которой природа болѣе, нежели къ ней, щедрости оказала. Бывъ безпрестанно предметомъ лести, она находила себя по наружности довольно покойною; но во внутренности величайшую испытывала печаль всякой разъ, когда вспрѣчала какую нибудь женщину ниже своего чина и богатства, болѣе нежели она привлекающую къ себѣ вниманіе.

Она полагала на балѣ боже-ствомъ показаться. Всякое искусство, кое вообразишь можно, и всѣ изобрѣшенія моды были призываны къ вспомошествованію въ

убранствѣ , и входѣ въ ея залу былъ ею сдѣланъ со всею грубостію , какую шолько можешь дашь надменность , почтенное званіе и высокое мнѣніе о красотѣ своей. Она шла , какъ будто бы едва могла двигашься и поддерживашь нѣжные члены свои; помные глаза ея были полузакрышы. Весьма досадовала , увидя въ собраніи изрядное число хорошихъ женщинѣ; но уваженіе , ошдаваемое доспоинству ея , нѣсколько успокоило духъ ея. Нашла средство удержашь подлѣ себя Лорда Моршимера и Сира Карла Бинглей , молодого Офицера , о кошоромѣ говорено уже. (Полковникѣ полку , споящаго въ ближнемѣ городѣ.) Веселость ея поддерживалась услужливостію двухъ наипрелестнѣйшихъ изъ всего собранія мужчинѣ ; и какъ надменная Сулпанша посреди своихъ невольницѣ поглощала похва-

лы, изшоргаемыя изъ ихъ вѣжливости, обращая къ нимъ рѣчи, ложною скромностію облеченныя. Но когда двери отворились, Аминша показалась, какъ сіяющій Ангелъ, въ одно мгновеніе разогнала пары щеславія и обманчивое самолюбіе, кошорое даешъ надменность. Лордъ Моршимеръ не разбвалъ ротъ свой, но взоры объясняли чувства его; а Сиръ Карлъ Бинглей, не имѣя тайной причины скрывать свои мѣнія, явно засвидѣтельствовалъ удивленіе свое въ вышеобъвленныхъ словахъ, на кошорыя Лади Евфразія ошвѣчала, какъ о томъ уже сказано.

Всякое объясняемое Сиромъ Карломъ восхищеніе ощущаемо было Моршимеромъ. Казалось, что душа его хотѣла вылетѣть къ Аминшѣ, дабы объяснить ей чувства его, и увѣрилась о шѣхъ, кошорыя она къ нему сохраняла,

и пожаловаться на ея съ нимъ пошупокъ. Но упало сіе первое движеніе нѣжности, какъ скоро приводилъ на память ученный противъ него пошупокъ. Съ какимъ безчеловѣчіемъ, съ какою неблагодарностію она убѣждала ошъ него тогда, какъ позволила ему сооружать наисладчайшія упованія! съ какою жестокостію предала его недовѣрчивости, горесліямъ и мученіямъ, оставя ему опасность какой либо обидной для него привязанности, въ которой ни она, ни отецъ ея признались не хошбли! Весьма далекъ онъ былъ ошъ мысли, чшобъ мнишельная нѣжность Фипзалана была единственною причиною побѣга Аминшы; онъ всегда обожалъ ее; не могъ и не хошблъ изгнать ее изъ мысли своей, прежде нежели увѣрился, что она недостойна была приверженности его. Смершель-

ною объявъ былъ неперпбливо-спію, имѣшь объясненіе о ея сокровенномъ поступкѣ. Изъ Тудор-Галла отправился онъ въ Лондонъ, вспревоженъ и уныль. Нѣсколько времени спустя послѣ его пріѣзда, Маркизь Рослинь предложилъ ему сошовариществовать имъ въ Ирландію; онъ отказался отъ сего, имѣя причины думать, что Лордъ Шербюр и располагалъ женишь его на дочери Маркиза. Графъ объяснялъ своему сыну, что такой отказъ ему нѣсколько прискорбенъ. Онъ ему говорилъ, что желалъ бы его пушешествія въ Ирландію для того, чтобъ получишь его мнѣніе о состояніи Кашеля, куда онъ отправилъ жишь вѣрнаго человека, на котораго можно бы положишься, чтобъ засшавишь сдѣлашь съ бережливостію и раченіемъ всѣ передѣлки и поправки, какія бы расшудились за

нужныя и полезныя, и назвалъ ему Фишзалана. Весьма велики были движенія и удивленія Моршимера; однакоже онъ скрылъ ихъ, и съ видомъ равнодушія сдѣлалъ отцу своему вопросы о семъ человѣкѣ; и позналъ, что то былъ отецъ Аминшы. Не упомянувъ о ней ни мало, сказалъ, что такъ какъ Лордъ Шербюри споль усиленно того желаетъ, то онъ соглашается бѣжать съ Маркизомъ. Сей весьма былъ симъ доволенъ; ибо онъ и Графъ Шербюри согласилсъ соединить обѣ фамилии бракомъ Моршимера съ Леди Евфразіей. Лордъ Моршимеръ имѣлъ нѣкошорое подозрѣніе о намѣреніи, а Леди Евфразія совершенно о томъ была увѣдомлена. Льстила щцеславію ея мысль, бытъ соединенной съ молодымъ человѣкомъ, заслуживающимъ всеобщую похвалу и уваженіе. Къ любви шущъ ни ма-

лыхъ не было видовъ ; ибо душа ея не была способна оную чувствовашь.

Что касаешся до Моршимера, то онъ осперегался подавашь надежды , кошорымъ удовольшворить никогда не имѣлъ желанія. Съ учшивостию посшупалъ онъ въ разсужденіи Лади Евфразіи, и всегда непремѣнно казался находить болѣе пріяшности въ разговорѣ съ машерью, нежели съ дочерью. Желалъ попушить намѣреніе сіе прежде произведешя его , и пощадишь самого себя ошъ шягости сдѣлашь явной ошказъ , хошя бы сердце его и свободно было ; Лади Евфразія никогда бы не была предметомъ его выбора. Ешъли бы позналъ Аминшу таковою же , какъ была она прежде, то бы счишалъ себя какъ обязаннымъ всѣми узами чести и любви, никогда кромѣ ея не имѣшь другой супруги ; но въ

поже самое время онъ рѣшился не внимашь гласу нѣжности въ пользу Аминшы, какъ тогда, когда онъ совершенно будещъ увѣренъ, что она не заслуживала пошерьять ее. Онъ прѣхалъ въ Карбери - Кастль, ушвердясъ въ намѣреніи увѣришь о его равнодушій, и ошнясъ у Аминшы всякую мысль о томъ, будшо онъ для нее въ Ирландію прѣхалъ. Не осперегался онъ оскорбишь нѣжность ея, естли она еще оную къ нему сохраняла признакомъ холодноши, кошорая послужила бы только маленькимъ мщеніемъ за скорбь, причиненную ему шоль безчеловѣчнымъ побѣгомъ отъ него; но рѣшился по томъ достигнуть до обьясненія, по кошорому бы впредь упорядишь свои прошивъ нее поступки.

Расположился провести весь вечеръ совершенно незнакомымъ Аминшѣ; но она казалась шоль

любезною, и Сирѣ Карлѣ былѣ къ ней сполько вѣжливѣ, что сполько разѣ покушался онѣ обнаружити истинное свойство, и разрушити принужденіе, на себя возложенное.

Маркиза и Лади Евфразіа не однѣ были особы, перзаемыя успѣхами Аминшы: двѣ Миссы Килькорбанѣ повергались шѣмѣ вѣ опчаяніе. Онѣ льстились на однѣхѣ себя всѣ похвалы привлечь, и шѣмѣ еще безчеловѣчнѣе были обманушы вѣ упованіяхѣ своихѣ, чѣмѣ болѣе употребляли на наряды свои заботѣ и убышка. Кѣ приговорамѣ шщеславія ихѣ во все продолженіе шуа-леша присоединялись похвалы матери ихѣ, которая всякую жинущу провозглашала: хорошо! хорошо! весьма шрудно будешѣ мужчинамѣ защищаться ошѣ споль опасныхѣ враговѣ!

Одѣшы въ плащя пестраго флера, и шацивъ за собою хвосты длиною болѣе аршина, съ шумомъ проходили залъ, чшобъ сдѣлать Аминшѣ привѣщивіе; увѣряли ее, что ради были увидѣться съ нею, но что онѣ сомнѣвались, здорова ли она, пошому что лице ея весьма было дурно. Аминша отвѣчала имъ, что она не чувствовала никакого извеможенія. Миссѣ Килькорбанъ сказала ей на ухо: съ самой шой минушы, какъ вы вошли, Маркиза спала очень невесела, и я боюсь, не дурно ли машушка сдѣлала, позвавъ насъ имѣшѣ. — Грубое сіе замѣчаніе пронуло Аминшу, и она ничего не отвѣчала. Когда сказала Миссѣ Алисія, что Лордъ Моршимеръ до безумія влюбленъ въ Лади Евфразію, то Аминша невольно подняла глаза, чшобъ найши Моршимера, и увидѣла подлѣ себя Сира Карла

Бинглей. Простишься ли мнѣ, сказалъ онъ, что попревожилъ споль прелестное шріо? Но солдашу случай надобно за волосы хвашашъ; а сей споль благопріятенъ желаніямъ сердца моего, что я могу спрашиться никогда не вспрѣшишь подобнаго. Миссѣ Килькорбанъ поправлялась при семъ разговорѣ, играла своимъ вееромъ, и благопріятно усмѣхалась Сіру Карлу, никакъ не сомнѣваясь въ томъ, что онъ будетъ просить ее бышь ему парюю на первый конспр - дансѣ. Но пройдя между двухъ сесшрѣ, пріятно Аминшѣ поклонился, и просилъ ее сдѣлать ему честь ея рукою. Согласіе свое обѣяснила она ему прошкою улыбкой, и онъ сѣлъ подлѣ нее во ожиданіи начала шанцовъ. Обѣ Килькорбаны бросили на нихъ недоброхошный

взоръ, и удалились съ видомъ равнодушія и презрѣнія.

Леди Евфразія надбѣялась, что Сиръ Карлъ и Лордъ Моршимеръ будутъ спорить о ружьей, и до безконечности досадовала за отдаленіе перваго, а болѣе еще за преимуществво, сдѣланное имъ сестрѣ ея. Сиръ Карлъ былъ молодой и преисполненный живости человекъ. Она часто удоспоивала его своею благосклонностію, и желала поставитъ его въ число своихъ обожашелей, или присоединитъ къ шѣмъ, копорыхъ она считала оными. Одно только по крайности предложеніе Лорда Моршимера могло ее успокоитъ. Какъ лишь только обязался онъ ей, подошелъ молодой Килькорбанъ, и Лордъ Моршимеръ искренно сожалѣлъ, что онъ не допустилъ его предупредить себя. Молодой человекъ былъ въ отъ-

чаяніи , знавшую Даму сію на-
шедѣ уже опозванною ; но по-
корно просилъ ее позволить ему
имѣшь высочайшую честь , на-
слѣдующій конпр - дансѣ полу-
чить ея руку ; что она ему же-
маннымъ и дерзкимъ пономѣмъ обѣ-
щала, естли , говорила она , въ
силахъ будетъ снести успа-
лосшь для другога конпр - данса.

Аминша и Сирѣ Карлѣ , Ла-
ди Евфразія и Лордѣ Моршимерѣ
были двѣ пары въ конпр - дансѣ
рядомъ стоящія . Аминша слу-
шала Сира Карла , разговоры ко-
шораго были живы и пріятны .
Лордѣ Моршимерѣ глядѣлъ на
нихъ съ прискорбнымъ внимані-
емъ . Лади Евфразія примѣчала
Моршимера ; видѣ ея и нѣкошо-
рыя коверканья лица довольно
означали ея неудовольствіе . Мор-
шимерѣ усиливался повелѣвать
собою и старался бытъ вѣжли-
вымъ : но Евфразія , не удоволь-

сшвуюсь шѣмъ, что онъ относился къ ней, щилась также привлечь вниманіе Сира Карла: она обращала къ нему рѣчь, перебивая Аминшу; но всѣ усилія ея были напрасны. Мимоходомъ нѣсколько словъ говорилъ Евфразія, а глаза его не могли совращаться съ прелестнаго образа пары его. Трепепала рука Аминши, когда надлежало ее подавать Лорду Моршимеру; но сей, просягивая свою, убѣгалъ допрогиваясь до Аминшиной: шаковымъ презрѣніемъ пронзалось сердце ея! Она вздохнула, сама шого не примѣшивъ. Сиръ Карлъ улыбаясь спрашивалъ ее, куда сей вздохъ былъ посланъ?

Примѣчаніе сіе привело въ себя Аминшу; она воспріяла весельй видъ и поддерживала оный во весь осташпокъ шанца. Когда онъ былъ окончанъ, Сиръ Карлъ проводилъ ее на шуль ближай-

шій онъ того, на кошоромъ сидѣлъ Лордъ Моршимеръ. Примѣчая, что сей часно успремлялъ на нее глаза, надѣялась она, что онъ будетъ просить ее танцовать съ нимъ. Сиръ Карлъ сожалѣлъ, что былъ уничтоженъ древній обычай, не перемѣняшь дамъ, и клялся, что онъ свою не оставитъ безъ того, чтобъ не общали ему прешій конгрдансъ. Она не могла ему въ томъ отказать. Въ самую ту минушу Моршимеръ оставилъ Лади Евфразію; прешало сердце Аминшы, видя его приближающимся. Онъ остановился; она чувствовала духъ ослабѣвающимъ; онъ бросилъ на нее другой взглядъ, и пошелъ прочь. Аминша преслѣдовала его глазами, и видѣла просящаго Миссу Килькорбанъ.

Жесточайшимъ было сіе ударомъ для Аминшы. Благоприспой-

нось , говорила она сама въ себѣ , дѣйствительно требовала , чтобъ онъ прежде танцовалъ съ Лади Евфразіей ; но когда бы онъ не былъ совершенно равнодушенъ , не оставилъ бы на другой разъ мнѣ предложиться ; я для него уже болѣе ничто : онъ не занимается , какъ только Евфразією и такими женщинами , которыя могущъ бытъ пріятны сему единственному предмету попеченій его . Многіе мужчины приходили просить ее танцовать , но она отговаривалась усталостію , и пошла къ окну , чтобъ сѣсть одной , предшавляя видъ , будто со вниманіемъ смотритъ на балъ , но въ самомъ дѣлѣ погружена была въ печальныхъ мысляхъ своихъ . Окружные лѣса , освѣщаемые сіяніемъ луны , приводили ей на память Тудор - Гальскіе , гдѣ она столь часто при свѣтѣ семъ бродила , и гдѣ вѣчной вѣр-

ности обѣщанія получала; обѣщанія, въ сердцѣ ея запечатлѣныя, но во исполненію которыхъ никакой уже надежды не имѣла.

Танцы прервались; вся компанія пошла въ другую залу для прохладенія. Аминша, углубленная въ свои размышленія, не успѣла еще сего движенія замѣтить, какъ молодой Килькорбанъ подбѣжалъ къ ней, прыгая, дабы сказать ей, что она сколько шире была уединенна, какъ пустынный, и смѣючись ей въ глаза, съ безпримѣрною наглостію ушелъ отъ нее. Онъ еще и не взглянулъ на нее во весь вечеръ. Это было одно изъ шибкихъ несносныхъ насѣкомыхъ, которыя показываются только при сіяніи счастья. Надменный знакомствомъ съ Маркизою и Леди Евфразією, онъ не уважалъ Аминшою, не потому, что онъ считалъ ее мало достойною вниманія его,

но для сдѣланнаго имъ замѣчанія, что не уваженіе сіе послужитъ средствомъ къ пріобрѣтенію благосклонности сихъ женщинъ. Аминша, увѣдомленная имъ, примѣшила, что она почти одна оставалась, и хотѣла пройши въ другую комнашу: нашла тамъ всѣ спуль заняшы. Близко дверей была Евфразія и двѣ Миссы Килькорбанъ, Лордъ Моршимеръ стоялъ облокотясь на спуль Милади, а молодой Килькорбанъ сидѣлъ подлѣ нее, и не помыслилъ предложитъ спуль свой Аминшѣ. Сія, сшоявши въ весьма не пріятномъ находилась положеніи. Сверхъ того она еще имѣла прискорбіе слыпашъ замѣчанія многихъ особъ о томъ, сколь странно было видѣть, что она не имѣетъ привѣшствія отъ столь близкой родни, какъ Маркиза Рослинъ. Она видѣла себя предметомъ переходшовъ между сооб-

щесства, окружающаго Лади Евфразію, выключая Лорда Моршимера. Божусь вамъ, сказалъ молодой Килькорбанъ, что есть женщины, кошорыя берушъ на себя шакіе виды, ошъ коихъ ошказавшись, онъ бы гораздо лучше сдѣлали. Да, а особливо замѣчая приличность, сказала Лади Евфразія съ обычною ей надменноспію. Она бы могла, продолжала она, служишь образцомъ для изображенія надежды. Да, прервалъ Килькорбанъ, давши ей оперешся на якорь. Безподобно, отвѣчала Евфразія качая головою, а чрезъ шо и букли волосъ приводя въ движеніе и вскидывая помные глаза. Она бы шакже могла изобразишь задумчивости на надгробномъ зданіи, продолжалъ Килькорбанъ. Но, сказала Евфразія, нѣшъ ли для нее здѣсь какой печали, къ кошорой бы она приласкашься могла? Такъ, Ми-

лади, прервалъ онъ; есть оная для нее, но не удобная ей, по естѣшъ ша, что прелести ея совершенно затмили въ вашихъ.

Лордъ Моршимеръ, котораго глаза во весь сей разговоръ блистали негодованіемъ, сказалъ наконецъ: что бѣ вы подумали, государыни мои, когда бы нарисовали ее другимъ образомъ, въ видѣ Премудрости, съ жалостію взирающей на глупости человѣческія, и усмѣхаясь зрѣвъ спрѣлы злости, направляемыя въ грудь невинности и крошости, обращающимися на тѣхъ, кошорыми испускаемы были?

Аминья не слыхала словъ сихъ; ибо Моршимеръ произнесъ оныя въ полголоса. Сердце ея съ негодованіемъ возспавало прошиву дерзосшей, коихъ она была предметомъ, и оставила бы она ту комнату, естѣли бы выходъ изъ оной не былъ спѣсень мно-

жестивомъ гостей. Сиръ Карлъ Бинглей былъ занявъ молодою Госпожею, съ кошорой танцовалъ, и до сихъ поръ не вида въ Аминшты. Подошедъ къ ней, вы однѣ? говоришь онъ, и споише? Я только шеперь сіе примѣшилъ; кажешся вы успали? И дѣйствительно она была очень блѣдна. Килькорбанъ! сказалъ Сиръ Карлъ, подошедъ къ молодому чловѣку: вы конечно не видали; что Миссъ Фишзалавъ споишь? иначе бы вы ей предложили свое мѣсто: и взявъ его за руку, принудилъ вспашъ, и отвесъ стулъ къ Аминшѣ; попомъ доставая ей прохладительностей, сѣлъ у ногъ ея, сказавъ: вопъ мой тронъ! пускай и сами Короли придущъ упасъ предо мною. Милыя и непришворныя пріятности Аминшты восхищали Сира Карла; видѣлъ неуваженіе, съ каковымъ поступаютъ съ нею, и сіе въ обхожденію его приба-

вило крошосшь и нѣжносшь , ка-
кой онѣ до сего еще не оказы-
валѣ. Чувствительность его шѣмѣ
прогалась. Хошя бы она и обык-
новенная была женщина , вѣ па-
комѣ положеніи сдѣлалась бы
особеннымѣ предметомѣ его вни-
манія. Возненавидѣлѣ онѣ Мар-
кизу и дочь ея, и ощущалѣ пре-
зрѣніе къ гнусной дерзости Киль-
корбановѣ. Маркиза продолжи-
тельно рассказывала ему несно-
сные посшупки опца и мащери
Аминшы, кошорыхѣ дурныя свой-
ства, говорила она , означающся
вѣ дочери ихѣ ; напослѣдокѣ ни-
чего не щадила , чшобѣ огадишь
ее вѣ глазахѣ его , но сіе было
не возможно.

Боже мой! сказала Лади
Евфразія вставѣ сѣ мѣста : пу-
стше меня выдши ! право эшо
сцена весьма отвращительна.
Лордѣ Моршиерѣ оставилѣ ее
одну идши , а самѣ бродилѣ по

залѣ, часто бросая взоры на Аминшу, кошорой надежды въ сію минушу оживлялись. Глаза ея воспріяли блескъ свой, щеки вновь пѣкрылись легкимъ румянцемъ; хошя и дала Сиру Карлу слово шанцованъ, но желала бы, чшобѣ Лордѣ Моршимерѣ предложился ей. Собраніе возвращалось опяшь въ бальную залу, и Сирѣ Карлѣ подалѣ ей руку, чшобѣ проводить ея шуда. Въ самую сію минушу приближается Лордѣ Моршимерѣ, и Аминша осшанавливается, какѣ будшо бы для какого поправленія въ одеждѣ ея. Онѣ подходитѣ къ одной очень пригожей дѣвицѣ, и предлагаешѣ ей свою руку. Аминша, пребывая неподвижна, преслѣдовала его глазами до шѣхъ порѣ, какѣ была Сиромѣ Карломѣ извлечена изѣ мысли, ея занимающей.

Опшанцовавъ съ Сиромъ Карломъ , Аминша охотно бы убъхала , ешьлибъ шушъ былъ ея слуга ; но опложивъ лошадей , онъ возвратился въ Камбери-Кашель , и не прежде , какъ уже гораздо поздно , могла его дождаться . Она предложила свое намъреніе болѣе не шанцовать , и Сиръ Карлъ также опъ того опказался ; прошли они въ шу комнату , гдѣ играли въ каршы , и гдѣ шолько же было госшей , какъ и въ другихъ . Лади Грейшпокъ сидѣла за шоломъ съ Маркизомъ и Маркизою ; сдѣлала знакъ Аминшѣ подойти къ ней , и изъяснила ей удовольствіе свое видѣшься съ нею . Маркизъ надѣлъ очки , чшобъ посмотрѣшь на Аминшу . Маркиза оказывала великую досаду , и объяснялась , что впредь очень будешъ она опсерегаться принимать приглашенія къ собраніямъ , въ коихъ будущъ присуш-

спвовашь шакія особы , копорымъ бы шущьбышь не надлежало. Обинякъ сей былъ весьма вразумишеленъ. Аминша желала скрышь свое движеніе ; но какъ чувспвовала , что шрудно ей было въ шомъ повелѣшь себѣ , шо и ошошла ошѣ спшела. Сирѣ Карлъ послѣдовалъ за нею , спшараясь усердно скрышь ее ошѣ примѣчанія , равно какъ и проливаемыя ею слезы. Проклятое злорѣчіе ! сказалъ онъ ; но , дражайшая Миссѣ Фипшаланъ , вы пошому шолько предметомъ онаго , что достоинство ваше и красоша надмѣру блиспашельны. Сіе ешь порокъ слабыхъ умовъ , ненавидѣшь превосходшно , для шого что сами онаго достигнуть не могушь. Безчеловѣчно и ужасно , сказала Аминша , допусшивъ вражду пережишь предметъ оной , до гроба преслѣдуемой ею , и ненавидѣшь диня для шого шолько , что ненавидѣли мать. И

какую мать! продолжала она, обращая глаза на поршрешъ, кошорой на себѣ имѣла; сколь мало заслуживала она такихъ безчеловѣчныхъ пошупокъ! Сирѣ Карлѣ взглянулъ на сей поршрешъ; оный былъ омоченъ слезами Аминшы; онъ ихъ обшеръ своимъ плашкомъ, кошорой шопчасъ поднесъ къ своимъ ушамъ, и положилъ пошомъ къ груди своей.

Въ сію минушу примѣшилъ онъ Лорда Моршимера, кошорой, не бывъ видимъ, замѣчалъ разговоры ихъ на единѣ, и шопчасъ удалился, какъ скоро шолько привлекъ на себя ихъ взоры.

Лордъ Моршимеръ, сказалъ Сирѣ Карлѣ, какъ шѣнь какая, шолько и дѣлаешъ, что вадъ да впередъ бродишъ; видно что-то поразладили они съ Лади Евфразіей. А что? сказала Аминша, развѣ между ими чтонибудь заключаешся? Говорящъ шакъ,

опвѣчалъ Сирѣ Карлѣ, но я не всегда вѣрю свѣтской молвѣ; давно уже знаю Лорда Моршимера, и послѣ воспріяшаго мною о немъ мнѣніи никогда не повѣрю, чтобъ Лади Евфразія могла ему нравиться. Напрошивъ много споришь гошовъ, что онъ ни малѣйшей склонности къ ней не имѣетъ; не скажу шого обо всѣхъ находящихся здѣсь женщинахъ. Не рѣдко приходило мнѣ на мысль въ сей вечеръ, по часто обрацаемымъ на васъ взорамъ его, что онъ бы шопчасъ радъ былъ учинить вамъ присягу, что, признаюсь вамъ, не сошавило бы мнѣ удовольствія. Моршимеръ еще гораздо болѣе имѣетъ досшоинства и пріяшности, нежели какъ шо наружность его обѣщаетъ. И такъ весьма прискорбна встрѣча шакого соперника.

Аминша, смущенная симъ разговоромъ, старалась отвратить оный, и наконецъ успѣла въ томъ. Они пріятно разговаривали о разныхъ вещахъ до самаго ужина, во время котораго Сиръ Карлъ не переставалъ оказывать шаковое же вниманіе къ Аминшѣ. Лордъ Моршимеръ былъ, или казался бытъ весь преданъ Леди Евфразіи, которая по временамъ перешопывала съ двумя Миссами Килькорбанъ, и насмѣшливые взоры бросала на Аминшу. Оставя споловую комнату, Аминша нашла своего слугу, и приказала подвезши карету свою. Сиръ Карлъ, подавая руку ей, просилъ еще на нѣсколько остановиться; но признавался, что онъ просьбу сію только для самаго себя дѣлалъ; ибо согласенъ въ томъ, что для нее никакого не было удовольствія еще пребыть тутъ. Провождая

ее до карешы, объяснялъ ей, что онъ самъ послѣдуешь ея примѣру, убѣжавши ошсюда, шѣмъ паче, что оспавляемое ею собраніе шеряло для него свои пріяшности. Онъ шребовалъ, и получилъ отъ нее позволеніе, завшре по у ш ру засвидѣшельсшвовашъ ей почшеніе.

Она пріѣхала въ Карбери-Касшль въ весьма различномъ состояніи отъ шого, въ какомъ была по ушру, отшѣзжая изъ онаго. Блѣдну, шрепещущу, слабу, принялъ ошецъ ея въ свои руки; ибо онъ до возвращенія ея не хопѣлъ ложиться. Топчасъ отгадалъ причину ея унынія. Душа его ощущала всѣ удары, нанесенные сердцу дочери его.

Увидя, что онъ обращалъ къ ней взоры печали и нѣжности, спаралась ободрить духъ свой; и рассказавъ ему нѣкошорыя подробносши шоржесшва, ошвѣчала ему

на всѣ вопросы его, сдѣланные имъ въ разсужденіи поступка прошивъ нее Маркизы и Евфразіи. Жестюко пронувъ былъ симъ повѣсповованіемъ. Великій Боже! сказалъ онъ, какія свойства! Но, моя любезная Аминша, ты надмѣру любезна, и надмѣру великое имѣешь сходствіе со всѣми изящными качествами швоей матери, дабы не бышь, шакже какъ она, гонимой злобою. Ахъ! ешь-либъ не досшигла она до шого, чшобъ учинишь тебя нещасшною! Да можешъ покровъ Провидѣнія, вседневно умоляемаго мною, защишишь дшя любви моей, и возвеселишь нѣкогда глаза мои зрѣлищемъ благополучія ея!

Аминша удалилась въ свою комнату, довольно разпроганная слышанными ею выраженіями. Такъ, говорила она, имѣя сердце преисполненное къ ошцу

своему соспранданія и благодарности, сокрою в предь ошъ него мученія мои, дабы не давашь ему возчувспвовашь оныя. Такъ, Моршимеръ! печаль, причиненная мнѣ швоимъ непосредствомъ, пребудешъ сокрыша во глубинѣ сердца моего, и никогда благополучіе ошца моего не будешъ нарушено свѣденіемъ о помъ, что мое навсегда поперяно.

День начиналъ уже разсвѣташь, а Аминша никакого еще желанія ко сну не имѣла. Сидѣла у своего окна. Нощная тишина нарушалась шокмо развѣдомъ карешъ, ошвозящихъ домой ошягченыхъ усшалосшію дѣйспвовашелей сцены удовольствія и разсѣянности. Нѣсколькo часовъ назадъ была я весела, восхищена, и щасплива; а шеперь уныла и печальна. О Моршимеръ! чему одолжена я перемѣною сею? Предъ симъ счишала себя люби-

мою побою, а теперь заблужденіе исчезло; я не могу болѣе надѣяться, и ты не можешь болѣе меня обманывать. Напоследокъ раздѣвшись, утомленная шоскою, бросилась въ свою постель и заснула.

Г Л А В А 10.

На другой день поутру, Сиръ Карлъ Винглей явился въ Карбери - Касль. Фишзалла не было дома, но Аминша приняла его въ своемъ уборномъ кабинетѣ. Онъ ей сказывалъ съ явнымъ прискорбіемъ, что онъ гошовъ былъ ѣхать въ Дублинъ, а оттуда въ Англію, куда призывали его полученныя имъ письма. До безконечности сожалѣлъ онъ, что знакомство ихъ, или лучше сказать дружба: выраженіе, ко

упошребленію копораго онъ убѣдительноѣше просилъ ея позволенія : при самомъ началѣ прерываешся. Увѣрялъ ея, что прошивность сія была для него гораздо огорчительноѣе, нежели она могла по вообразишь себѣ, или бы онъ самъ возмогъ рассказать о томъ ; что онъ поспѣшишь возвращеніемъ своимъ въ Ирландію, дабы приближись къ ней ; убѣждалъ ея сохранишь нѣкоторое воспоминаніе о немъ. Аминша опшвѣчала ему, полагая, что просшая учшивосшь обязывала его къ сему шребованію. Башюшка мой, говорила она, весьма будешъ радъ познакомисься съ вами по возвращенія зашемъ въ сію спорону. Вошедъ, сказалъ онъ, что не могъ побышь болѣе, какъ нѣскольکو минушь, а проводилъ подлѣ Аминшы около двухъ часовъ. Опходя, божидся, что счишалъ замокъ

сей очарованнымъ: сполько было шрудно выдши изъ онаго! и однако же, примолвилъ онъ, не равняясь съ древними бродящими Кавалерами, я бы не хотѣлъ разрушишь шалисманъ, меня шущъ удерживающій.

Дни прошекали, а Лордъ Моршимеръ опяшь не появлялся. Часшо Аминша слыкала о немъ, и всегда какъ объ одномъ изъ обожателей Лади Евфразіи. Бывала она увѣдомляема о празднествахъ, даваемыхъ въ Ульшеръ-Лоджъ и въ окружноспяхъ. Килькорбаны, казалось, совсѣмъ ее осшавили. Изъ всего семейшва одна Лади Грейсвокъ продолжала имѣть къ ней нѣкошорое вниманіе: раза два или шри пріѣзжала она въ Калбери-Каспль, члобъ провѣдашь, окончанъ ли ее передникъ, и рассказашъ Аминшѣ новости, какія шолько могла она собрашь. Довольно хорошо под-

держивала Аминша принятое ею твердое намерение скрывать отъ отца печаль свою, но во уединении свободно оной отдавалась. Мысль о союзѣ Лорда Моршимера съ Евфразією овладѣла воображеніемъ ея, и изливала горестъ на всѣ минушы ея. Такъ! вскричала она прогуливаясь въ саду, кошорому попеченіями ея возвращена дрежня красота его: я посадила цвѣты сіи, а благоволеніе ихъ послужитъ для другой; розы сіи, обработанныя руками моими, рассыплетъ Моршимеръ предъ стѣнами Евфразіи, и она будетъ наслаждаться пріятностію земли, кошорую я украсила!

Около трехъ недѣль послѣ бала, въ одно утро, какъ была въ своемъ уборномъ кабинетѣ, разгоняя шоску свою жалобною и нѣжною пѣсней, слышала, что позади ея дверь отворилась. Она думала, что то была Елена; но

никто не приближается; она оборачивается, и видишь, не Елену, а самого Лорда Моршимера. Въ удивленіи встаешь съ своего спула; рукодѣлье упадаешь изъ рукъ ея, и она не могла ни пронуться, ни говорить.

Я спрашусь, не испугалъ ли васъ, приведя во удивленіе, сказалъ Лордъ Моршимеръ; прошу меня простишь, что шакъ вошелъ; но мнѣ сказали, что я найду здѣсь Г. Фишзалана.

Онъ въ своемъ кабинетѣ, Милордъ, прервала Аминша съ холодноспію; я пойду увѣдомишь его, что Милордъ желаетъ съ нимъ видѣться.

Нѣтъ, сказалъ онъ ей, я не потерплю того, чтобъ вы сколько безпокоились. Мнѣ ничего нѣтъ, очень нужнаго сообщайшь ему. Принудилъ Аминшу

опяшь сѣспь, и занялъ стулъ
близь ее стоящій.

Она принялась за свое руко-
дѣлье, между шѣмъ Лордъ Мор-
шимеръ, окидывая гла за м и во-
кругъ комнашы, казался призна-
вашь въ оной предметы споль-
ко ему знакомые, и кошорые
видѣлъ онъ съ удовольствіемъ,
смѣшаннымъ съ прискорбіемъ;
ибо они приводили ему на па-
мяшь воспоминаніе щасливыхъ
дней, уже болѣе не существовав-
шихъ. Комнаша сія, сказалъ онъ,
была любимымъ убѣжищемъ наи-
любезнѣйшей и почтеннѣйшей
женщины.

Я сіе очень часто слыхала,
прервала Аминпа; во всѣхъ окру-
жностяхъ еще и до сихъ поръ съ
благодарностію воспоминаются
добродѣтели Лади Шербюри.

Я думаю, сказалъ Лордъ
Моршимеръ, бросивъ на Аминпу
взоръ, полный иѣжности, что

такое же надлежитъ имѣть мнѣ-
ніе и о той, кошорая шеперь за-
нимаешъ комнашу ея.

Аминша опустила глаза и
вздохнула ; но вздохъ сей проис-
ходилъ болѣе отъ сожалѣнія, не-
жели отъ удовольствія. Въ сію
минушу помышляла она, что Мор-
тимеръ предспалъ только для
того, чтобъ удосповѣришься, со-
храняла ли она къ нему какую
нибудь привязанность ? не по-
спунилъ ли онъ съ нею съ вели-
чайшимъ равнодушіемъ ? не былъ
ли онъ явный превозносишель
Евфразіи ? Пришелъ не для нее,
а къ Фишзалану. Всѣ сіи мысли
предспавились уму ея, и она рѣ-
шилась долѣе съ нимъ не оста-
вашься. Нѣжностъ ея и честполю-
біе ей то совѣшовали ; ибо боя-
лась она, чтобъ еще болѣе вни-
мая леспнымъ его рѣчамъ, не
измѣнишь чувствамъ сердца сво-
его ; и такъ всшала, сказавъ,

что идешь уведомить отца своего о том, что Милордъ желалъ его видѣть.

Хладная, нечувствительная Аминша! вскричалъ Лордъ Моршмеръ, схвативъ ее за руку и удерживая: къ чему такъ убѣгаешь меня? Когда я распался съ вами въ Княжесствѣ Валлискомъ, полагая оставить васъ только на малое время, могъ ли я думать, чтобы когда либо испыталъ отъ васъ такой приемъ?

Конечно можешь быть не думали, прервала она съ нѣкошорою надменностію; но съ сей минуты мы будемъ внимательнѣе къ совамъ благоразумія.

Какъ! сказалъ онъ, благоразумія? не должно ли бы оно заставило васъ убѣгаешь такого поступка, кошорою бы могъ подать мнѣ подозрѣніе?

Подозрѣніе, Милордъ! повторила Аминша съ нѣкошо-

рымъ родомъ ужаса, извѣснаго во взорахъ ея.

Извините, сказалъ онъ, слово сіе грубо. Но какъ же бы вы сами заключали о поступкѣ вашемъ со мною въ разсужденіи ошѣзда поспѣшнаго, тайнаго, и въ то самое время, когда взаимное признаніе чувствъ нашихъ долженствовало бытъ преслѣдуемо наисовершенною между нами довѣренностію? Не можете вы никакъ удивляться тому, что печальныя догадки уму моему предспавлялись.

Возможно ли, Милордъ, чшобъ вы не могли дознаться о причинѣ моего ошѣзда? возможно ли, чшобъ размышленіе не довело васъ до ошгадки сей?

Нѣтъ, никогда не могъ я то обвяснить себѣ; шоржесшвенно увѣрю васъ, что никакъ не возвращишся спокойшвіе мое до шѣхъ поръ, пока не получу сего

объясненія. Онъ ошпановилъся, какъ бы ожидая ошъ нее онаго; но Аминпа, вспревоженная шбмъ, что онъ говорилъ, не въ силахъ была ошвбчать ему. Тогда, какъ онъ еще хранилъ молчаніе, шрепещуца и въ величайшемъ смущеніи, слышишь она на лбсшницѣ голосъ ошца своего. Мнѣ надобно уйши, сказала она Лорду Моршимеру; вопъ идешь башюшка мой. Оббщайше же мнѣ, сказалъ ей Моршимеръ, бышь въ обипели Свяшья Екашерины въ семь часовъ сего вечера; безъ шого я не ошавлю васъ. Я мучусь, не имбья объясненія о пошупкѣ вашемъ. Я вамъ шо оббщаю, сказала Аминпа. Лордъ Моршимеръ пушилъ ее, и она удалилась въ свою комнашу горздо заблаговременно, чшобъ не бышь видимой ошцомъ своимъ.

Надежды ея начали возрождаться; обращалась она къ мыс-

ли, что Лорд Моршимеръ для нее предпринялъ путешествіе въ Ирландію. Носящійся службъ, что онъ влюбленъ въ Евфразію, основывался только на томъ, что онъ жилъ въ домъ Маркиза и въ его сообществѣ. Если бы онъ былъ, говорила она, ко мнѣ равнодушенъ, не оказывалъ бы онъ такого движенія въ различныхъ общошпельствахъ. Взоры и рѣчь Лорда Моршимера постоянно извѣстныя чувства сердца огорченнаго и нѣжно приверженнаго. На послѣдокъ, развѣ какое нибудь непредвидимое встрѣтишь приключеніе воспрепятствовашъ возобновленію сей привязанности; она столько же ощущала непереносимости доставивъ ему объясненіе своего поступка, какъ и онъ получишь отъ нее оное.

Едва лишь вышелъ Лордъ Моршимеръ, какъ предстала Леди Грейшпекъ. Аминна думала,

что она по обыкновенію своему прѣехала сдѣлать минушное сообщеніе. Скорбь и удивленіе ея были чрезмѣрны, когда она объяснила ей, что она прѣехала по пріятельски цѣлой день проведши съ нею, пошому что Гранжевильскія Госпожи сколько были заняты пріугошовленіемъ къ празднеству, кошорое онѣ послѣ завтра давали намѣрены, что ворошны ихъ для всѣхъ зашворены и въ домѣ страшная сумашоха.

Аминта всячески старалась скрыть свою досаду; но рассуждала, что не возможно ей будетъ выдерживать продолженіе разговора, ибо всѣ мысли ея стремились къ опсушсвующему предмету. По щасію ея Лади Грейшокъ говорила много, и болѣе имѣла надобности въ слушапеляхъ, нежели въ раскащикахъ; слѣдовательно и не досадовала за молчаливость милой ея себе-

сбдницы. Аминша искала успокоенія своего въ надеждѣ, что спарая Госпожа поспѣшитъ рано уѣхашь къ обыкновенной своей въ Гравжевилъ партіи въ вискъ; но пробило шесть часовъ, а она и не думала объ ошѣздѣ. Аминша была въ мученьѣ, и румянецъ щекъ измѣнялъ движенію ея; она вешавала, ходила по комнашѣ; и тогда, какъ опецъ ея разговаривалъ съ Лади Грейшокъ, подходила къ окну, дабы скрышь смущеніе свое. Фишзаланъ сказалъ напоследокъ, что ему нужно было ошправляшь въкошорыя письма, и просилъ Лади Грейшокъ извинишь его въ шомъ, что ояъ на короткое время оплучишь. Тутъ Госпожа сія вынула рукодѣльной мѣшокъ, и просила Аминшу что нибудь почипашь ей до чаю. Аминша взяла книгу; но сполько была смѣшана, что едва знала, что

чишала, да и чишала очень плохо.

Попише, пропише, любезное дитя мое! говорила Лади Грейшпокъ, копорой вниманье никакъ не могло слѣдовашь споль воспѣшному чпенію; вы на почшѣ скачеше.

Аминша покраснѣла, и чишала не шакъ скоро; но когда на часахъ замка ударило семь часовъ, шупъ уже она не въ силахъ была сполько обладашь собою, чшобъ удержашь свою неперпѣливосшь. Боже мой! сказала она, уронивъ изъ рукъ книгу, и вскочивъ со сшула своего: не могу долѣе преодолѣвать себя. Чшо шакое, моя любезная! сказала удивленная Лади Грейшпокъ, чшо съ вами сдѣлалось? Ужасная боль въ головѣ, сударыня, опвѣчала Аминша, продолжая ходить по комнашѣ.

Сильно пронушое воображеніе ея предсавляло ей въ сію минушу Лорда Моршимера, ожидающаго ея къ свиданію; она слышала шорохъ шаговъ его, и жалобы, раздающіяся среди развалинъ Свяшья Екашерины. Совершенное между ими примиреніе опсрочивалось шолько сомнѣніемъ, кошорое она увѣрена была шощасъ разогнашь. Чшо же ему заключишь надлежало изъ шого, чшо она не будешъ на шполь горячо желаемое свиданіе, и шполь шоржешшвенно ею обѣщанное, ежели не шо, чшо она не имѣла возможности доспавишь ему удовольшшвенное обѣясненіе? Можешъ бышь не захочешъ онъ повѣритъ причинамъ, воспрепашшвовавшимъ ей въ семъ случаѣ; можешъ бышь не дастъ ей времени оныя сказашь ему, ниже обѣяснишь о послѣшшномъ опѣвздѣ изъ Валлискаго

Княжества; и ежели Моршимеръ сохранишъ сомнѣнія свои, поперяшъ всю нѣжностъ къ Аминѣ, и изгонишъ ее навсегда изъ сердца своего.

Терзаемой споль горесшными размышленіями, на минушу приходило ей въ мысль послать Елену въ обитель Свяшья Екашерины, чтобъ обьяснить Моршимеру причину, препяшшвовавшую ей самой бытъ шуда; но пошчасъ оставляла сію выдумку. Не могла она рѣшишъся кому либо возвѣстишъ о свиданіи, которе она даже отъ отца своего скрывала. Поступокъ такой казался ей прошивенъ должности и нѣжности ея. Нбуиъ, сказала она сама въ себѣ; не допущу себя до такой неразсудительности, которая многихъ особъ нашего пола заставляешъ прешунашъ предѣлы благоприсшойности и скромности; для возвращенія се-

бѣ добраго мнѣнія одного, не соглашусь пошерять оное отъ всѣхъ прочихъ, а особливо свое собственное почтеніе. Если и Лордъ Моршимеръ откажетъ выслушать мое оправданіе, то нарушитъ законы справедливости и уваженія, надлежащаго моей опроверженности, и тогда честолюбіе мое поможетъ мнѣ побѣдить прискорбія мои.

Вы мнѣ кажешесь вѣ весьма справномъ состояніи, моя любезная, сказала ей Лади Грейшпокъ, которая пристально замѣчала ее тогда, какъ размышленія сіи шѣснились вѣ умѣ ея. Аминта признаваясь, что дѣйствительно положеніе ея могло казаться нѣсколько необычнымъ, сѣла и старалась принять малое спокойствіе. Физзаланъ возвратился, и подавали чай. Лади Грейшпокъ замѣтила, что имѣ можно сославить вискъ вѣ

вари лица. Охотно бы Аминша опговорилась опъ онаго; но учтивость преляшествовала ей оказатъ къ тому свое отвращеніе. Опець ея и Лади видѣли, что она была въ чрезмѣрномъ уныніи. Сія послѣдняя полагала причиною о тому отказъ, сдѣланный опцомъ принявъ приглашеніе, учиненное дочери его къ балу въ слѣдующій день.

Любезное дитя мое! говорила она Аминшѣ, садясь и мѣшая каршы: не огорчайлесь о помъ, что не будете въ семъ собраніи; вѣшь не шѣмъ-шо, чтобъ бѣгать по баламъ и публичнымъ сборищамъ, молодья дѣвушки удобнѣе находяшѣ себѣ паршю. Я при раза была за мужемъ, а ни надъ однимъ изъ мужей моихъ не сдѣлала побѣды въ собраніяхъ. Нѣшѣ, а привязывала ихъ къ себѣ въ маленькихъ бесѣдахъ. Филзалавъ и Аминша усмѣхнулись. Аминша

сказала ей : я никогда не доса-
дую осп. шься дома , хошя не
желаю и не ожидаю ошѣ уедине-
нiя моего подобныхъ в а ш и м ъ
выгодносшей.

Вы вѣрно не хошѣли болѣе
одного мужа? сказалъ Фишзаланъ
Лади Грейспокъ. Конечно ; а
вошѣ ксташи обѣ замушшвѣ.
Лади Евфразiя Суперландъ очень
щасплива ; ибо я не вѣрю, чшобѣ
возможно было найти другова
молодаго человѣка сшоль совер-
шеннаго , какъ Моршмеръ. И
такъ вы полагаете, сказалъ Фиш-
заланъ , чшю естѣ какое нибудѣ
основанiе носящейся молвѣ обѣ
немъ и Лади Евфразiи ? Точно ,
сказала она, и эша паршiя очень
сходная : природа и богатштво
сѣ обѣихъ споронѣ ровны. Такъ,
думала Аминша ; но какая розни-
ца вѣ свойшвахъ ! Я увѣрена,
продолжала Лади Грейспокъ ,

что Евфразія прежде года будетъ Лади Моршимеръ.

Фипзаланъ обратилъ глаза на Аминшу. Она была блѣдна, какъ смерть, и играла совсѣмъ не шакъ. Напоследокъ кареша Милади прѣехала, и прервала паршю игры, копорой бы Аминша долбе продолжашъ была не въ силахъ. Отецъ ея замѣшилъ шягосшныя усиля, копорыя она себѣ дѣлала, дабы скрышь смущеніе свое. Онъ пришворялся думать, что она нездорова, и понуждалъ ее ийти въ свою комнату. Съ одного слова она шо исполнила, и начала подробнѣе размышляшь о шомъ, что слышала шеперь отъ Лади Грейшокъ. Не похоже ли эшо на правду? спрашивала она сама у себя. Не оказывалъ ли Лордъ Моршимеръ равнодушія своего ко мнѣ, съ самаго прѣзду его сюда? Нѣжностъ, съ какою онъ мнѣ говорилъ се-

го ушра, не была ли ему внушаема единственнымъ желаніемъ знать о причинѣ скорого моего изъ Валлискаго Княжества отъѣзда, или нуждою удовольствоваться щеславіе его, изпоргнувъ отъ меня еще нѣкопорыя доказательства моей привязанности къ нему? Есть сполько браковъ, о которыхъ говорашъ, но о коихъ сами шѣ особы никогда и не вымышляли. Не могла она думать, чяобъ Лордъ Моршмеръ былъ сполько высокомеренъ, или сполько лживъ, чшобъ сыграть предъ ея пришеорную нѣжность, въ единомъ намѣреніи удовольствоваться свое любопытство и щеславіе. Но размышленія сіи всегда оспавляли ее въ великой горести, и къ отпадъ ей служило шокмо шо, что надѣялась скоро увидѣть конецъ сей мучительной неизвѣсности.

Она не смыкала глазъ во всю ночь, и въ шакомъ же смущеніи проводила утро: не могла она замѣшья никакимъ изъ обыкновенныхъ ея упражненій. Всякой шагъ, слышанной ею въ домъ, заставлялъ ее воображать, что то былъ Лордъ Моршимеръ. После обѣда она вышла одна, и направила путь къ Святой Екашеринѣ. Пришедъ въ средину сихъ развалинъ, чувствовала она усталость, и сѣла близъ церкви на одной гробницѣ, положивъ голову на руку. Здѣсь, сказала она, можешъ бышь Моршимеръ дожидался меня съ нѣжною непербивливостію, можешъ бышь также укоряя меня въ равнодушіи къ нему, и въ томъ, что обманула его. Слышавъ она шорохъ, и примѣчаетъ сестру Марію.

Милоспи просимъ, сказала ей добрая монахиня, нѣжно обнимая ее; но для чего же вы не въ

домъ пришли? Аминша сказала ей, что она шла съ шѣмъ на-мѣреніемъ; но почувствовала изнеможение, и желала побыть на воздухѣ, въ надеждѣ, что ей скоро лучше будетъ.

О Боже! сказала сестра, у васъ дѣйствительно лице очень дурно; я пойду спросить для васъ какихънибудь капель у нашей Настоятельница; увѣрю васъ, что она въ шомъ сколько же искусна, какъ бы Докторъ.

Когда она хотѣла идти, то Аминша удержала ее за плащъ, говоря, что ей уже гораздо лучше спановилось.

Ну, слава Богу! сказала она ей садясь; и такъ я расскажу вамъ странное приключеніе, вчера въ вечеру со мною случившееся. Я для прогулки бродила одна въ сихъ развалинахъ; воздухъ былъ немного холодноватъ, но я укуталась своимъ покрываломъ, и

была въ одномъ переходѣ монастырскомъ , какъ услышала кого - то сзади меня идущаго , весьма скорыми шагами меня преслѣдующаго. Я остановилась, полагая, что кошорая нибудь изъ нашихъ сестеръ желала соединиться со мною. Но вы можете посудить о моемъ удивленіи, когда увидѣла себя настигнушую прекраснѣйшимъ и преріятнѣйшимъ молодымъ человекомъ ! Боже ! какъ онъ вспревожился , меня увидя ! Я увѣрена, что онъ принялъ меня за бродящаго мершвеца. Взоръ его сдѣлался смутный , и онъ удаляясь что - то говорилъ сквозь зубы. Весьма страннымъ показалось мнѣ видѣніе сіе , и я спѣшила возвратиться въ монастырь , какъ вдругъ выходя изъ подъ эшого свода , что вы видите вошъ здѣсь въ развалинѣ , онъ подошелъ ко мнѣ , держа въ рукѣ шляпу , съ

приятною улыбкой поклонился мнѣ; совѣспился, что засшавилъ меня ужаснуться и просилъ въ томъ прощенія. Потомъ краснѣя, и съ помощію плапка скрывая смущеніе свое, спрашивалъ меня, не видала ли я въ прошлѣ самой вечеръ одной молодой Госпожи въ сихъ окружностяхъ? что чрезъ одного изъ своихъ друзей былъ онъ увѣдомленъ, что она должна шупъ бытъ, и что онъ располагалъ препроводить оную въ домъ ея.

Любезный Господинъ! сказала я ему, я весь вечеръ здѣсь прогуливалася, и кромѣ васъ и себя не вспрѣчала ни мужчины, ни женщины, ни младенца; и такъ надлежитъ думать, прибавила я, что та Госпожа въ разсужденіи прогулки перемѣнила свое намѣреніе. Должно, чтобъ то было такъ, сказалъ онъ мнѣ; и сдѣлался шоль блѣденъ и

столь печаленъ , что я не могла запретить себѣ помыслить , что онъ бродилъ шушъ для своей любезной. Мнѣ хошѣлось податься ему небольшую опраду , и такъ я сказала ему : еспыли вамъ угодно будетъ сказать мнѣ какую нибудь примѣшу , по какой бы я могла узнать шу молодую Госпожу , которую вы ищете , я еще нѣсколько времени подожду ее здѣсь ; и ежели она придетъ , расскажу ей , сколько вы были огорчены , не нашедъ ее , и не премину послать ее къ вамъ. Нѣтъ , поблагодаривъ меня сказалъ онъ мнѣ ; не слишкомъ важно для меня то , что не нашелъ ее здѣсь , равно какъ и то , чтобъ никогда съ нею не встрѣчаться , и сказавъ сіи слова , онъ ушелъ.

Онъ вамъ это сказалъ ?
вскричала Аминша.

Ахъ, Боже мой! сказала монахиня : вамъ еще гораздо хуже, нежели какъ вы пришли сюда!

Аминша въ томъ соглашалась ; но просила извинить ее , что не зайдетъ теперь въ монастырь. Безполезно убѣждала ее сестра напишья чаю , или принять чего нибудь подкрѣпляющаго силы. Она опъ всего опказалась , и пошла въ путь , къ великому прискорбію доброй монахини.

Едва шолько вышла она на большую дорогу , какъ карета въ шесть лошадей , сопровождаемая верховыми , съ такою скоростію пролетѣла, что она шолько лишь успѣла нѣсколько посторониться опъ оной. Видѣла путь Лорда Моршимера и Евфразію , другъ противъ друга сидящихъ. Примѣтила она , что опъ нихъ не укрылась , и что Евфразія съ дерзкою усмѣшкою на нее взгля-

нула. Встрѣча сія весьма ей была досадна ; нѣчто унижающее находилось въ прошивности ея положенія предъ Евфразією. Она видѣла себя уединенну , ошавленну , унылу , тогда , какъ та наслаждалась всѣми выйдностями щастія. Однако же , говорила она , чувствительное сердце , такое , какъ Моршимеръ имѣетъ , по различности сей не можешь меньше цѣнить меня. Ахъ ! если бы онъ подобно мнѣ мыслилъ и чувствовалъ , то удивенную прогулку , какую теперь я въ сихъ развалинахъ имѣла , онъ бы долженъ предпочесть всѣмъ великолѣпіямъ , коимъ онъ свидѣтелемъ бываетъ. Возвратилась домой. Ночь казалась ей чрезмѣрно долгою. Не выходила изъ ума ея мысль о услужливостяхъ , какія Моршимеръ распочаешь Лади Евфразіи.

На другой день поутру, первый предметъ, представившійся взору ея, когда она подошла къ окну, былъ большой фрегатъ на якорѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ замка. Елена вошла въ ея комнату, и испустя глубокий вздохъ, что она дѣлала всякой разъ, когда увидитъ какое судно, сказала она, что очень бы желала, чтобъ на палубѣ онаго находился любезный ея Шипъ. Во все шененіе дня Аминша льстилась надеждой увидѣть появившагося Моршимера. Ожиданіе ея было обмануто; послѣ чаю удалилась въ свой кабинетъ, и стоявъ подлѣ окна, наслаждалась шогательною сценою среди пишины ночью. Въ мрачной лазури неба не зрѣлось ни малѣйшаго облачка; луна какъ бы полосками разсвѣвала сребристый свѣтъ свой на волны, о берега ударяющіеся съ глухимъ

и унылымъ звукомъ , которой одинъ , присоединяясь къ гораздо еще слабѣйшему , отъ отдаленности происходящему отъ головъ мапросовъ , возмущалъ молчаніе ночи. Однако же Аминпа услышала шумъ весель , и приѣхала большую шлюбку , подходящую къ фрегату , управляемую мапросами , одѣлыми въ бѣлыя шировары и камзольчики. Зрѣлище сіе было самое пріятное ! Аминпа оное преслѣдовала глазами до шѣхъ поръ , какъ шлюбка скрылась въ возвышенныхъ каменистыхъ горахъ , касающихся береговъ моря. Колоколъ , призывающій къ ужину , отвлекъ ее отъ окна ; но едва лишь она опяшь шуда возвратилась , какъ Елена , прелещущая , и казалось упоенная радостію , вошла къ ней.

Я его видѣла , сударыня ! я видѣла бѣднаго Шипа , и доброе

сердце его всегда ко мнѣ таково же. Въ вечеру севодни пошла я повидаться съ спарушкою Норши, которой вы посылали рубашки, и которая по испиннѣ добрая женщина, пошому что она никогда не смѣется надо мною, какъ другія, когда я говорю своимъ деревенскимъ языкомъ; какъ возвращалась я ошъ нее, шо повстрѣчалось со мною множество людей, всѣ въ бѣломъ одѣтые. А я вишь сколько наслышалась о эшихъ бѣлыхъ робятахъ! они подходили ко мнѣ съ смѣхомъ, и гораздо веселѣе, нежели бы самые разбойники. Какъ скоро шолько меня увидѣли, шо шотчасъ окружили меня и приспавали ко мнѣ. Я кричала изо всей мочи, и вдругъ услышала голосъ, которой привелъ меня въ шренетъ: эшо Елена! и въ ту минушу вижу себя въ рукахъ Шипа. Эшо были машросы съ

фрегата, которой прїбжалъ къ деревнѣ для закупки нѣкошорыхъ запасовъ. И такъ я съ ними ворошилась, и мы выпили добрую чашу пуншу и побли множество пироговъ, а Шипъ рассказалъ мнѣ свои приключенія. Онъ очень обрадовался услышавъ, что я съ вами, пошому говоришъ онъ, что вы предобрая Госпожа, и онъ увѣренъ, что вы мнѣ объ немъ говаривали. Онъ надѣшся получишь опсшавку, и шогда...

И шогда на шебѣ женишся, сказала Аминша во исполкованіе ошановки и смущенія Елены.

Такъ, сударыня; и повѣрише ли, что Шипъ будучи на морѣ ни мало не перемѣнился! Голосъ его шолько спалъ погрубѣе; но онъ сказалъ мнѣ, что это опъ шого, что онъ учился командовать рабошниками.

Бѣдной парень завшра по ушпру опяшь убъзжаешъ; ибо ко-

рабль спойтѣ въ Ирландіи, и
идешѣ въ Дублинѣ.

Щасливая Елена ! говорила
Аминша удаляясь въ свою комна-
ту : присвѣрбія швои разруши-
лись ; ты увѣрена о привержен-
ности Шипа. Спокойствіе и ра-
дость спѣшащѣ бытъ швоимѣ
удѣломѣ.

На другой день, около суме-
рекѣ, сошла Аминша съ опцомѣ
своимѣ на берега морскіе, дабы
увидѣшь рыбаковѣ, достающихѣ
сѣти ихѣ. Тогда, какѣ Филза-
ланѣ разговаривалѣ съ ними,
Аминша сѣла на пригоркѣ, чпобѣ
насладиться зрѣлищемѣ с имѣ.
Обыкновенный унылый шумѣ
волиѣ согласовался съ печальны-
ми мыслями ея ; мало по малу
удаляясь въ самое себя, теряла
совсѣмѣ вниманіе къ сценѣ, на-
ходящейся въ глазахѣ ея, какѣ
вдругѣ позади ея не въ дальнемѣ

разсвояніи звукъ голоса извлекъ ее изъ сей глубокой задумчивости. Она мнила слышать голосъ Моршимера, и не обманулась въ пошѣ. Ближнею пропильной всходилъ на берегъ съ однимъ морскимъ Офицеромъ. Не лзя ему было пройти, не выдавъ ее. Въ нѣсколькихъ шагахъ оспановился, какъ будто размышляя, говоритъ ли ему съ нею, или нѣтъ, чрезъ кошорое время казалось, что нерѣшимость его исчезла. Въ рукѣ у него былъ плашокъ : онъ имъ махнулъ, какъ бы сдѣлая знакъ прощанія ; приблизился къ маленькому судну, между каменистыхъ горъ стоящему, кошорое его съ товарищемъ доспавило къ фрегату. Сердце Аминши съ жестокостію билось. Елена сказывала ей, что сію самую ночь фрегатъ пускался въ море, и ничто бы не могло въ такой часъ привести шуда Лорда Моршимера.

ра , кромѣ намѣренія убѣхашь на ономѣ.

Неизвѣстность есть самое жесточайшее мученіе. Аминпа спрадала онымѣ. Возвращаясь съ опцомѣ своимѣ домой , удалилась она въ свою комнашу ; шопчасѣ позвала къ себѣ Елену , и спрашивала ее , очень ли были вѣрны извѣстія , данныя ей Шипомѣ обѣ опѣѣздѣ фрегата. Увы ! очень вѣрны , сударыня , со вздохами отвѣчала ей Елена ; и я весьма понимаю причину , побуждающую васѣ спросить меня о томѣ. Вы видѣли Лорда Моршимера , вошедшаго на фрегатѣ ; я и сама его видѣла въ низу берега , разговаривая съ Шипомѣ , кошорой находишся мапрсомѣ на суднѣ , везущемѣ Милорда и Капитана. И подлинно я была внѣ себя , когда увидѣла Милорда , всходящаго на фрегатѣ ; ибо я знала , что онѣ убѣжалѣ въ великой досадѣ за

обидной опѣ васѣ съ нимѣ поступокѣ.

Опѣ меня? вскричала Аминша.

О моя любезнѣйшая Госпожа! вскричала Елена ушопая въ слезахѣ: вы никогда не проспите мнѣ шого, чшо я сдѣлала; но право, увидя бѣднаго моего Шипа, я ни о чемѣ, кромѣ его, не думала, и все прочее забывала. Вчера около вечера, какѣ шла я къ старушкѣ Норши, Милордѣ повспрѣчался со мною на дорогѣ, прогуливаясь весьма печально, какѣ мнѣ казалось. Не лзя мнѣ было обойтись безѣ шого, чшобѣ проходя не отдашь ему поклона. Онѣ подошелѣ ко мнѣ съ пріятнѣйшею улыбкой, и самымѣ ласковымѣ видомѣ взявѣ мою руку въ свои, копорыя поверите ли, чшо почной бархатѣ? и сказалѣ мнѣ: прошу васѣ, любезная Елена, скажете мнѣ: въ замкѣ ли Миссѣ.

Фитзаланъ, и одна ли она тамъ? Такъ, Милордъ, сказала я ему, она дома, и Богъ знаетъ, какъ печальна! Я ее оставила въ уборномъ кабинетѣ у окна, смотритъ на моръ, и слушаетъ шумъ вѣтра. И шакъ, моя любезная, сказалъ онъ мнѣ, подише прошу васъ, сказать ей, что она меня обяжетъ до безконечности, ежели согласишья пошчасъ придти къ камениснымъ пригоркамъ по шу сторону замка. Я ему обѣщала сходишь, и онъ мнѣ положилъ въ руку и принудилъ меня взять пяшь гвиней; поворотился въ другой пушь, убѣждая меня покорбе выполнишь его препорученіе. Но какъ я была очень близко отъ Норти, зашла къ ней; а когда только вышла отъ нее, повспрѣшилась съ бѣднымъ Шипомъ, которой, прости Боже мое согрѣшеніе, заставилъ бы меня опца и мамъ забышь.

Ахъ, Елена! вскричала Аминта: того ли я должна была ожидать отъ себя?

О любезная Госпожа моя! сказала Елена, умножая рыданія и слезы свои: я дѣйствительно самое несчастнѣйшее твореніе, какое только есть въ свѣтѣ. Но на что же вы такъ много огорчаешесь? Милордъ васъ слишкомъ нѣжно любилъ, чтобъ могъ на васъ выдерживать гнѣвъ. Бѣдный Шипъ, кошорой думалъ, что я любила священника Говеля, не забылъ однако же меня, и возвратился ко мнѣ.

Безполезны были усилія Елены. Она ее опослала, дабы безъ свидѣтелей совершенно предаться раздирающей мысли продолжительной, и можетъ быть вѣчной разлуки съ Лордомъ Моршимеромъ. Имѣя справедливыя причины считатьъ его раздраженнымъ, полагала, что Милордъ

конечно изгналъ ее изъ мысли своей ; или естъли и сохранялъ о ней нѣкоторое воспоминаніе , по было сіе безъ всякаго чувства нѣжности и почтенія , и впредь могъ бышь расположенъ къ другому выбору. Въ окно видишь фрегатъ , на коемъ поднимающъ якорь , расправляющъ парусы ; слышишь она крикъ мажорсовъ. О Моршимеръ ! говорила она сама въ себѣ : такъ - по мы разлучаемся съ побою ! такъ по обманывающся надежды , произведенныя побою въ сердце моемъ ! Ты опѣвѣжаешь , счиная меня недостойною того , чщобъ проспшишься со мною ! Въ сію самую минупу . можетъ быль обращаешь глаза швои на Карбери - Касшль , не ошнося ни малѣйшаго сожалѣнія къ шому , чщо въ ономъ обитаешъ. Ахъ ! естъли бы шы истинно любилъ , никогда бы гнѣвъ не восшоржесшвовалъ споль много надъ

твоею нѣжностію ; ты обманывалъ меня, говоря мнѣ , что я тебѣ была любезна ; а можешь быть ты въ томъ и самого себя обманывалъ. На моемъ мѣстѣ я никогда бы подобно тебѣ не поступила. Предаваясь симъ печальнымъ размышленіямъ , преслѣдовала она глазами своими корабль до тѣхъ поръ , какъ оный, удаляясь за горизонтъ , исчезъ отъ взора ея.

И такъ уже онъ уѣхалъ ! говорила она , отходя отъ окна и упоая въ слезахъ ; а ежели я когда либо и увижу его , то уже сіе будетъ не иначе , какъ супругомъ Лады Евфразіи.

Г Л А В А 11.

Лордъ Моршимеръ дѣйствительно уѣхалъ, съ чувствами, весьма неблагопріятными Аминшѣ. Онъ дожидался ее въ общи- шели С. Екашеріны, въ сладостной надеждѣ, что она разсѣшетъ всѣ его сомнѣнія, давъ полное объясненіе причинъ, побудившихъ ее къ столь поспѣшному побѣгу изъ Княжества Веллискаго. Онъ жаждалъ примиренія; нѣжность его, оспановленная столь многими препонами, еще живѣе отъ того спановилась. Съ воспортомъ наслаждался онъ мыслию, принявъ въ объятія свою дражайшую Аминшу, и внять изъ устъ ея, что она еще заслуживала всю горячность его. Трудно выразишь ощущаемую имъ печаль, когда часъ свиданія прошелъ,

и онъ не могъ уже надбѣяться увидѣшь шуда пришедшую Аминшу. Онъ пробовалъ, какъ мы выше сего видѣли, сеспрѣ Маріи дблать нѣкоторыя вопросы; долго еще продолжалъ бродить въ развалинахъ и послѣ того, какъ уже добрая монахиня въ монастырь удалась, и даже до тѣхъ поръ, какъ ночь не позволяла болѣе различать предметы. Она боялась, говорилъ онъ, оставляя сіе печальное мѣсто, и имѣя сердце стѣсненное смертельною тоскою; она боялась придти сюда для того, что не могла объяснить моихъ сомнѣній. Сего дня по утру замѣтилъ я смятеніе и шрепешъ ея, когда я ей далъ знать объ оныхъ. Нѣшъ, различившая насъ тайна отбѣзда ея никогда объяснена не будетъ; и щещно бы я льспился надеждою опяшь ее увидѣшь, дабы полу-

чишь ошъ нее столь желаемое изъясненіе.

Съ сей минушы потерялъ онъ всю надежду. Печаль его и смущеніе, во всѣхъ чертахъ означающіяся, не избѣгли примѣчанія и насмѣшекъ Маркисы и Лади Евфразіи; но шутки ихъ мало прогали его. Онъ и не отвѣчалъ на нихъ: шакъ сильно былъ онъ погруженъ въ горестныя свои размышленія, что не могли онъ извлечь его изъ оныхъ!

Совсѣмъ прошивъ воли его было по, что онъ сошоварищеслововалъ имъ на нѣкошорое превеликое собраніе у одного изъ ихъ сосѣдей. Неожидаемая всцѣрѣча Аминшы, тогда, какъ она, возвращаясь изъ монастыря Св. Екатерины, видѣла его бдущаго въ карешѣ, причинила ему величайшее движеніе. Наисильнѣйшія

доказательства краснорѣчія не могли бы съ такою силою и успѣхомъ защитить сторону Аминшы, какъ присутствіе ея въ такую минушу. Блѣдность, разпространившаяся по лицу ея, крошечное выраженіе каждой черты, задумчивое положеніе, робкая смиренность, съ которою усиливалась укрыться онъ примѣчаніи, все сіе подвигнуло чувствительность Лорда Моршимера, возбудило его вѣжность, оживило надежды его, и заставляло его еще постараться получить онъ все столь много желаемое имъ изъясненіе. Переменная была замѣчена Госпожами, съ коими онъ находился; съ злоспійю между собою онъ усмѣхались. Лади Евфразія не устыдилась сказать: безъ сомнѣнія дѣвица сія стоитъ на заставѣ для полученія дани удивленія, котораго, сказалъ ей

старой отецъ ея, она имѣеть право пребывать; или для встрѣчи какого нибудь хорошенькаго приключенія. Лордъ Моршимеръ вслушался въ сіе вранье. Никогда прошивность между Лади Евфразіею и Аминшою не казалась ему столь прогашельною въ выгодность сей послѣдней, копорая сполько же пріобрѣшала почшенія его, сколько первая шеряла онаго.

На другой день, около вечера, долго бродилъ онъ вокругъ замка, въ чаяніи встрѣшити Аминту. Поджидалъ ее, поговоря съ Еленою и обязавъ ее исполнить его препорученіе. Въ семъ упованіи пошелъ къ каменисшымъ горамъ, внимая всякую минушу, нейдетъ ли Аминта на свиданіе. Прошелъ цѣлый часъ въ ожиданіи семъ, и гнѣвъ снова заснулъ

мѣсто нѣжности. Никакъ не сомнѣвался онъ о исправности Елены, и относилъ все по къ расположеніямъ Аминшы. Долго пробѣгалъ онъ берега въ смертельномъ уныніи и нешерпѣливости; наконецъ услышалъ колоколъ Ульсперъ-Лоджа къ ужину, въ кошорой всегда очень поздно удалялось.

Тутъ потерялъ онъ всякую надежду увидѣть Аминшу, и отказался даже отъ мысли впредь искашь свиданія съ нею. Покушался припомъ досадовать на самого себя за то, что извѣявлялъ столько желанія опяшь узрѣть ее, и оскорбленное честолюбіе его ужасалось мысли той, чтобъ опяшь извѣскивать свиданія. Нѣтъ, Аминша! говорилъ онъ самъ въ себѣ, проходя замокъ, нѣтъ! никакого не будешь имѣшь

права на мою нѣжность. Тайна швоего побѣга долженствовала соорудить въ умѣ моемъ сомнѣніе и подозрѣніе, доставляя тебѣ случай расшоргнушь ихъ объясненіемъ. Я сдѣлалъ все, что требовали права души, нѣжность и честь. Впредь вмѣстѣ шого, чшобѣ употребляшь усильнныя старанія увидѣшься съ шобою, я обращу ихъ на то, чшобѣ забыть тебя, и надѣюсь лучше въ шомъ успѣшь.

На другой день по утру пошелъ онъ съ Маркизомъ на фрегашъ, гдѣ былъ въ пріятномъ удивленіи, нашедъ въ Капитанѣ одного изъ старинныхъ друзей своихъ, Сира Сомервила, которой сошовариществовалъ имъ до Ульсмеръ-Лоджа. Тамъ болѣе шутя, нежели въ самомъ дѣлѣ, предложилъ ему Капитанъ, не со-

гласится ли онъ оправившись съ нимъ въ одинъ отбѣздъ, которой онъ предпринималъ. Моршмеръ тотчасъ принялъ его предложеніе; весьма наскучило ему семейство Рослина, и онъ радъ былъ найти случай показать Аминшѣ, оставляя спрану сію прежде своихъ хозяевъ, что онъ не столь слѣпо побѣжденъ былъ ею, какъ она по думать могла. Когда шелъ онъ садиться на фрегатъ, встрѣча Аминши поколебала рѣшимость его; казалось, что для того только она предстала ему на дорогѣ, чтобъ возбудить сожалѣніе его. Жестоко покушался онъ подойти къ ней; но опивщенъ былъ ошъ того воспоминаемъ, съ какимъ тщаніемъ и съ какою непоколебимостию до сихъ поръ она его убѣждала. Честолюбіе его вело прочь; но когда судно уда-

лялось отъ берега, глаза его пребыли усшремлены на шо мѣсто, гдѣ онъ ее видѣлъ; и когда уже совершенно потерялъ изъ виду бѣлое плашье ея, по волѣ вѣтра развѣвающееся, шо опдалъ одинъ вздохъ воспоминанію щасливыхъ дней, въ Тудор - Галлѣ съ нею проведенныхъ, а другой посвяшилъ шой мысли, что уже не возвращаясь болѣе сладостныя минушы шѣ.

Госпожи Ульшер - Лоджскія весьма были разогорчены и разшроены отъ вѣдомъ его. Напрасно сшарался онъ умягчить негодование ихъ, обѣщая дождашься пріѣзда ихъ въ Дублинъ, дабы въ Англію возвращишься съ ними вмѣстѣ. Отъ вѣздъ его довольно означалъ имъ, что онъ не былъ столько привязанъ къ Ладі Евфразіи, сколько имъ шого

хотѣлось. Подозрѣніе сіе и прежде приходило имѣ на мысль, и онѣ даже полагали, что сердце его уже было гдѣ нибудь обязано. Имѣли онѣ нѣкошорую причину думать послѣ великой перемѣны, примѣченной ими въ немѣ скоро по прїѣздѣ его въ Ульстер-Лоджѣ, что соперница Евфразіи обижала тушѣ въ сосѣдствѣ. Въ чаяніи опкрыть оную, съ великимъ стараніемъ примѣчали онѣ за Лордомъ Моршимеромъ во всѣхъ собраніяхъ, куда онѣ ѣзжали съ ними; но скоро дознались, что движенія его причиняемы были опсуществующимъ предметомъ. При имени Аминлы, или Фипзалана, замѣчали онѣ всегда нѣкошорую перемѣну, въ лицѣ его означающуюся, и часто видѣли его обращающаго взоры къ сторонѣ Карбери - Касшля. Вообразили наконецъ, что то была Амин-

ша, которую онъ любилъ, и что привязанность сія началась на балѣ у Килькорбановъ, гдѣ замѣтили онѣ нѣсколько взглядовъ, обращенныхъ Лордомъ Моршимеромъ на сію родственницу, на предметъ ненависти ихъ, тѣмъ болѣе съ ихъ стороны жестокой, чемъ болѣе находили ее любви достойною. Бѣшенство овладѣло сердцемъ ихъ; онѣ были въ ошчаяніи, для чего предприняли путешествіе сіе въ Ирландію, которое доставило, какъ онѣ думали, Моршимеру случай унасть Аминшу. Лордъ Шербюри много разъ сказывалъ имъ, что ни онъ, ни сынъ его не знали дѣтей Фишлана; известна имъ также жестокость спрасшей Лорда Шербюри, и что честолюбіе было главнѣйшею его пружиною; увѣрены пребывали онѣ, что Лордъ Шербюри, горячо

желая извясненія между обѣими фамиліями , никакою препотою не оспановишься достигнуть цѣли сей ; и такъ взяли намѣреніе , ежели Лордъ Мортимеръ по возвращеніи ихъ въ Англію окажетъ хотя малѣйшее упорство исполнишь намѣренія отца, увѣдомишь Графа о причинахъ спротивленія сына его , и изобразишь ему Фицзалана и дочь его шаками , кои пославляли Лорду Мортимеру сѣши , дабы уловишь его и довести до неравнаго союза. Клевета сія весьма бы вѣроятною показалаь человѣку свѣдѣнскому и сполько знающему людей, какъ Лордъ Шербюри. Почтеніе, которе до сихъ поръ имѣлъ онъ къ Фицзалану , премѣнилось бы въ ненависть и презрѣніе ; потерявъ подпору въ Графѣ , и должность, ввѣренную онъ него Фицзалану , ошецъ и дочь впади бы опять въ

нищету и мрачность. Мыслишь, что убожество подвергло бы Аминпу необходимости служить, что красота ея спана сокрылась бы подъ грубыми одеждами бѣдности, и пріятности лица помрачились бы нищетою, были споль сладостными и споль восхищительными для нихъ воображеніями, что дабы увидѣшь событіе оныхъ, онѣ находились гошовыми въ опсушсвіи Лорда Моршимера ушѣшишься надеждою имѣшь возможность погубишь несчастнаго Физзала. Не бывъ швердо удостовѣрены въ ихъ подозрѣніи, не хотѣли онѣ пускаться на то, чтобъ сообщить ихъ Лорду Шербюри; но для собственнаго ихъ удовольсвія рѣшились съ щаніемъ изыскивать средсва увѣришь въ нихъ. Лади Грейстокъ была единая особа, которая въ семъ случаѣ

могла имъ бышь полезна помощію ея знакомства съ Аминшою. И такъ начали онѣ унижать свою обычную надменность до того, чшобъ по пріятельски обходиться съ нею; сдѣлали ей нѣкошорыя ошкрытія, кошорыя приняшы были съ радосшію, и засшавили забышь прошедшія ихъ къ ней неуваженія. Подружась еще болѣе съ спарою Госпожею, гораздо лучше наслаждались онѣ дарованіемъ, кошорое она имѣла рассказывать забавныя повѣсти, въ коихъ всякой день помѣщала она слабоси и пороки людей ихъ сообщества, а особливо пѣхъ, кошорые не были ею любимы. Лади Грейспокъ въ вышнемъ шпени обладала симъ искусствомъ; она знала людей, и умѣла пороки ихъ обращать въ свою пользу. Не укрылось опъ нее чрезмѣрное шщеславіе Маркизы

и ея дочери, и съ избыткомъ
изливая въ кубокъ ихъ, что
Спервъ называетъ бальсамъ души,
совершенно приобрѣла сердце ихъ.
Маркиза, обязавъ прежде хранишь
шайну, сообщила Лади Грейспокъ
опасенія свои относительно Лор-
да Моршимера и Аминшы; опа-
сенія сіи, говорила она, возбуж-
даемы были уваженіемъ, каковымъ
обязана одному, и жалостію, ко-
порую имѣла къ другой. Она
знала, что Лордъ Шербюри ни-
когда бы не просилъ сыну сво-
ему привязанности къ сей дѣвуш-
кѣ, на какъ бы она ни была
основанія. Нужно было знать,
далеко ли были расположенія
между имъ и ею, дабы предупре-
дить послѣдствія. Лади Грей-
спокъ не была обманута сими
ложными причинами; очень по-
знала, что то не было сожалѣніе
къ Аминшѣ, но зависъ и уча-

стіе, побуждающее Маркизу; помыслила также, что ежели Лордъ Моршимеръ былъ привязанъ къ Аминтѣ, по извѣстному ей его свойству, то привязанность его была конечно на честныхъ основаніяхъ. Скрыла однако же образъ мыслей своихъ, и припворялась входить въ опасенія Маркизы, и общала ей всѣ силы употребить къ открытію, какого рода была приверженность, существующая между Моршимеромъ и Миссою Фипзалаиъ. Для исполненія сего, посѣщенія ея въ Карбери - Каспль сдѣлались гораздо чаще и продолжительнѣе; цѣлые дни препровождала тамъ по пріятельски, пробуя всѣ средства похитить шайлы сердца Аминты. Иногда шутила надъ ея меланхоліею; иногда наивеличайшее оказывала ей участіе въ самыхъ обольстительныхъ выра-

женіяхъ; рассказывала ей истинные или ложные анекдоты своей молодости, въ копорой, говорила она, весьма была она несчастлива одною нѣжною привязанностію; опшуда проходила она къ Лорду Моршимеру; удивлялась тому, что съ шакою скоростію онъ уѣхалъ; дѣлала самыя лестныя похвалы о немъ, и обьясняла, что ежели бы Лади Евфразія могла его привязать къ себѣ, въ чемъ она очень сомнѣвалась, то подлинно была бы наищасливѣйшая въ свѣтѣ женщина.

Надмѣру велика была шонкость Аминшы, чтобъ признасться ей въ своихъ чувствованіяхъ; опнынѣ полагала она спрасть свою безнадежною, и не малое бы для себя ощутила униженіе получасть въ шакомъ случаѣ утѣшенія. Но хопя успа ея оспо-

рожноспію ограждались, лице ея измѣняло ей : при имени Морпимера краснѣла ; означалось мученіе, когда говорили о союзѣ его съ Евфразією; улыбалась, слыша о какомъ нибудь препяпствіи, могущемъ разрушить оный. Наконецъ Лади Грейспокъ, не возмогши извлечь опъ Аминпы признанія чувствъ ея, не сомнѣвалась болѣе, и считала себя въ правѣ сказать Маркизъ, что она увѣрена была въ томъ, что какое нибудь да было между ими происшествіе, и что Морпимеръ и Миссъ Физзаланъ имѣли какое либо сношеніе ; что по причинѣ великой скромности Аминпы, она ничего не могла опкрыть, но не возможно однако же и сомнѣваться въ томъ. Маркиза взбѣслась, больше нежели когда нибудь, рѣшилась погубить

Аминь, ежели бы Лордъ Мор-
шимеръ хотя одну минуточку по-
колебался повиноваться отцу сво-
ему, дашь руку свою Лэди Ев-
фразіи.

Г Л А В А 12.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда Лорда Моршимера, Ульшеръ - Лоджъ былъ оставленъ семействомъ Рослина. Вздыхала Аминша, видя ихъ уѣзжающихъ, бывъ пронюха мыслию, что онѣ увидяшся опять съ Лордомъ Моршимеромъ, и что свиданіе сіе скоро не оставитъ ей ничего болѣе, какъ только одно плачевное воспоминаніе о Лордѣ Моршимерѣ, и которое уже ей краише болѣе не прилично будетъ. Владѣльцы сосѣдственныхъ земель Карбери - Касшля почти всѣ уѣжали для препровожденія зимы въ городъ. Тѣ, которые до свашокъ оставались еще въ деревнѣ, въ числѣ коихъ были Килькорбаны, споль малое имѣла вниманіе къ Аминшѣ съ самаго пріѣзда Маркизы, что не

осмѣливались болѣе показаться въ замокъ, бывъ увѣрены въ холодномъ приѣмѣ Физзалана и дочери его, имѣющихъ довольно благородства души, дабы умѣшь возчувствовать свою обиду.

Время года было споль жестокое, что Аминша не могла имѣшь уже обыкновенныхъ своихъ прогулокъ. Грусть сего уединеннаго замка уныніемъ Аминши еще умножилась. Очаровательная сила надежды не приходила уже болѣе придавать прелестныхъ видовъ зрѣлищамъ, въ глазахъ ея находившимся. Сердце ея было какъ бы необитаемая и опустошенная страна, подобная шой, которая видима была изъ окна ея. Обычныя ей упражненія не имѣли уже болѣе для нее никакой пріятности; не прилагала уже къ нимъ никакова спа-

ранія ; все пропивно спало ей опѣ мысли шой , что она сама и дарованія ея сдѣлались не нужны Лорду Морпимеру. Здоровье ея умалялось, и Физзаланѣ снова имѣлъ прискорбіе видѣшь милой сей цвѣшокѣ уязвленный червемѣ горести. Розы удалились опѣ щекѣ ея, и нѣжность сложенія обращалась въ слабость, угрожающую близкимѣ разрушеніемѣ. Не ушла опѣ него причина болѣзни , но не хошѣлъ умножать скорбь дочери своей, касаясь раны сердца ея. Безполезны были усилія его, доставивъ ей нѣкошорую опраду. Улыбка на устахѣ Аминшы была сполько же скоропроходяща, какѣ лучи зимняго солнца, и дѣлало еще гораздо чувствительнѣе молчаливую и мрачную печаль, преслѣдующую ее.

Въ сихъ обстоятельствѣхъ
Лади Грейспокъ , всегда продол-
жающая дѣлать свои посѣщенія
въ Карбери - Каспль , представи-
ла Фипзалану предложеніе , ко-
торое онъ съ радостію принялъ.
Оное состояло въ томъ , чтобъ
Аминту отпустить съ нею въ
Лондонъ , куда она принуждена
была ѣхать для одной тяжбы
между ею и племянникомъ по-
слѣдняго мужа ея.

Фипзаланъ надѣялся , что
перемена видовъ извлечетъ Амин-
ту изъ унынія духа , въ како-
вомъ она находилась , и будетъ
способствовать къ поправленію
ея здоровья. Не страшился онъ
болѣе , чѣмъ Лордъ Моршимеръ
опяшь началъ искать ее послѣ
того , какъ не помышлялъ и ма-
ло употребить на то пребыва-
ніе свое въ сосѣдствѣ Карбери-

Каспля. Мнилъ онъ , что сіе равнодушіе было дѣйствіе восприимчивой имъ къ Лади Евфразіи привязанности. Не извѣстно ему было дружество , недавно начавшееся между Лади Грейспокъ и семейства Рослина , и не нашедъ причинъ въ знакомствѣ ихъ опасаться того , чтобъ Аминша часто могла имѣть случай встрѣтиться съ Лордомъ Морпимеромъ. Ежели бы она его и увидѣла , воображалъ онъ , что уже не иначе , какъ мужемъ , или какъ опличнымъ искашелемъ Лади Евфразіи ; а въ томъ и другомъ предположеніи довольно извѣстны ему были возвышенныя и честныя правила дочери его , дабы быть твердо увѣреннымъ , что еще гораздо болѣе , нежели когда нибудь , употребила бы она наивеличайшія усилія къ побѣжденію привязан-

ности своей. Усиліямъ симъ много бы споспѣшествовали для нее разсѣяніе и удовольствія, которыя бы Лади Грейшокъ ей доставила: она въ Лондонѣ имѣла многочисленное и лучшее знакомство. Онъ почишалъ, шакъ какъ и многіе другіе, Госпожу сію пріятною и припомъ разсудительною женщиною, которой безъ опасенія могъ ввѣрить надрагоцѣннѣйшее сокровище свое. Покровительство сіе было дочери его полезно не только теперь, но и впредь; здоровье его было слабое, и онъ льстился, что Лади Грейшокъ, взявъ однажды его дочь, сколько бы могла сдѣлалась къ ней привязанною, что захотѣла бы всегда имѣть ее съ собою, и даже взять попеченіе о участи ея, въ случаѣ ежели онъ похищенъ будешь отъ дѣтей своихъ, не успѣвъ упорядить ихъ

состоянія. Къ таковымъ упованіямъ Физзалана ни мало не приобщались личная выгоды и подлая корысть. Лади Грейспокъ часпо увѣряла его, что она имѣла только самыхъ дальнихъ родственниковъ, и что была очень богата; и такъ ежели бы Аминта и получила отъ нее какое нибудь доказательство дружбы, то бы чрезъ сіе ни чьи права ею не нарушились.

Не таково однако же было положеніе дѣлъ, хопя не извѣстное Физзалану, равно какъ и цѣлому свѣту, по чрезмѣрному щирію, каковое Лади Грейспокъ къ сокрытію онаго прилагала. Воспитаніе ея имѣло, или возродило въ ней, или усовершенствовало искусство сокровеннѣйшаго пришворства. Она была изъ одной многочисленной и не очень бога-

ной фамилии восточной Ирландии. Мать ея, хорошая хозяйка, видя, что мужъ ея не способенъ былъ пецися о благосостояніи дочерей своихъ, воспитывала ихъ такимъ образомъ, чтобъ были въ состояніи сами себѣ какую нибудь участь сослужишь.

Въ девятнадцать лѣтъ, Миссъ Бриджеса доброю славою о ея хозяйствѣ и прилѣжаніи къ домоупроишельству, привлекла вниманіе нѣкошораго дворянина въ ихъ сосѣдствѣ, имѣющаго изрядное имущество; онъ былъ, какъ Немродъ, знаменитый у Господина охотникъ, и имѣлъ нужду въ женѣ, которая бы заботилась о домашнемъ порядкѣ, какого онъ не могъ наблюдать, занимаясь всегда лошадьми и собаками. На сіе-шо Миссъ Бриджеса весьма была способна;

спирасць его къ охотѣ и жизнь получили свой конецъ на впоромъ году по бракѣ ихъ : онъ ушибся до смерти, желая перескочить одинъ ровъ. Жена его получила послѣ его изрядную часть, и въ пошерѣ сей скоро ушѣшилась приходскимъ Ректоромъ : онъ былъ малорослой челоуѣкъ, толстой и низкой, настоящій кубарь ; пришелъ сдѣлать ей поученіе, и столь хорошо въ томъ успѣлъ, что ни мало не медля, по окончаніи праура имѣлъ щастіе получить ея руку. Весьма благополучно препроводили они вмѣстѣ чешыре года ; но крайне неумѣренное употребленіе благихъ міра сего исковало гибель здоровью бѣднаго Ректора такимъ образомъ, что принужденъ былъ имѣть къ Башскимъ водамъ прибѣжище. Коса смерти преслѣдовала его туда, и все имѣніе, оставшееся

послѣ него , досталось вдовѣ его.

Въ томъ домѣ , которой она занимала , жилъ одинъ старой неженатой Баронетъ ; имѣніе его было велико , но нравъ имѣлъ вздорной и привычки странныя ; однако же ко вздорливости своей присоединялъ доброе свойство. Какъ пригожая вдова осталась одна безъ всякихъ друзей около ее , то пошелъ посмолпрѣшь на нее , и предложилъ усѣщенія и услуги , каковыя бы ей потребны были. Вниманіе сіе внушило вдовѣ мысль , постараться обязательному сосѣду вдохнуть какое либо другое чувство , кромѣ состраданія. Тщла и богатство имѣли столько для нее привлекательности , что ни вздорной нравъ Баронета , ни престарѣлая лѣта его (онъ имѣлъ

шесъдесятибъ, а она двадцать во-
семь лѣтъ), не отвращали ее
отъ намѣренія выдти за него.
Долгое время старанія ея пребы-
вали бесполезны; но непоколеби-
мость чюдеса спрости! Непре-
мѣнное ея къ нему усердіе, по-
стоянное прилагаемое ею попече-
ніе о здоровьи его, которое было
въ весьма слабомъ состояніи,
смягчили наконецъ сіе каменное
сердце; и въ одно время добра-
го расположенія его предложилъ
ей руку свою, которую принявъ
она не колебалась.

Настоящій наслѣдникъ вели-
каго имѣнія Баронеша былъ един-
ственный сынъ одной изъ его
сестръ, давно уже умершей. Во
время сего неожиданнаго брака,
сей племянникъ имѣлъ около двад-
цати лѣтъ, пріятнаго вида,
милыхъ и крошкихъ свойствъ, и

нѣжнѣе любимъ былъ дядю своимъ. Сія дружба дяди была препоною желанія Лади Грейспокъ, достигнуть обладанія всемъ имѣніемъ Баронета. Различныя сооружала она выдумки, чинобъ повредить Рузброку, но ни на одной не осмѣивалась. Наконецъ неожиданной случай доставилъ ей средство къ исполненію сего.

Въ сосѣдствѣ той деревни, гдѣ Баронетъ имѣлъ свое пребываніе, Рузброкъ возчувствовалъ привязанность къ дочери одного челоуѣка, къ которому изстаріи дядя его имѣлъ непреоборимую ненависть. Лади Грейспокъ ниотчасъ смекнула, что союзъ молодого Рузброка съ сею дѣвцею непременно доставилъ бы ему всю злобу дяди его; дала ему выразумѣнь, что ей извѣстна была его привязанность, и что

она искренно сожалѣла о его положеніи; ободряла любовь его самыми лестнѣйшими обожасмой имъ Эмили похвалами. Грустила о разлученіи двухъ сердецъ, столь хорошо одно для другаго сошворенныхъ, и говорила ему напоследокъ, что ежели онъ женился на милой сей особѣ, польстилась она испросить ему прощеніе отъ Сира Гофруа. Коварная ея ласкашельства повергли несчастную и довѣрчивую чепу въ сѣти, отъ нея съей поставленныя, и поступокъ ихъ скоро сопровождаемъ былъ плачевнѣйшими для нихъ послѣдствіями, копорыя заранѣе предвидѣвъ она, ихъ на то поощряла.

Гибъвъ Сира Гофруа былъ непримиримъ, и онъ ялялся никогда не видашь болѣе своего племянника. Лади Грейстокъ по на-

ружності спаралась спасти, себя опѣ нареканія свѣтскаго; выпросила у своего мужа для Рузброка пять сотѣ фунтовѣ шерлинговѣ, и сполько же прибавила кѣ шому изѣ собственнаго своего имѣнія. Доспавивѣ ему помощь сію, увѣряла его, что не преспанешѣ ходашайспвовашѣ за него у дяди всякой разѣ, какѣ сполько вспрѣшишѣ кѣ шому удобной случай.

Онѣ купилѣ чинѣ Прапорщика вѣ шомѣ полку, кошорой спходилѣ вѣ Америку; тамѣ лучше желалѣ влачитѣ бѣдспвіе, нежели вѣ шѣхѣ мѣспахѣ, гдѣ нѣкогда видали его вѣ изобиліи.

Лади Грейспокѣ умножила усердіе и угожденіе кѣ мужу своему, и сполько увѣрила его вѣ нѣжной своей кѣ нему привер-

женности, что онъ сдѣлалъ за-
вѣщаніе, по кошорому оставлялъ
ей все свое имѣніе. И такъ она
льстилась скоро наслаждаться
онымъ; но сложеніе Сира Гофруа
было гораздо крѣпче, нежели она
по себѣ воображала, и она ви-
дѣла себя принужденною гораз-
до долѣе, нежели она чаяла, вы-
держивать притворныя поступ-
ки, чрезъ кои она приобрѣла оное,
зная, что малѣйшее упущеніе
предъ человѣкомъ такого нрава
испровергнуло бы всѣ ея надеж-
ды.

Такимъ образомъ препрово-
дила она пятнадцать лѣтъ, какъ
Рузброкъ былъ увѣдомленъ отъ
одного изъ друзей своихъ о томъ,
что бесполезно было долѣе пола-
гаться на обѣщанія, кошорыя Ла-
ди Грейшпокъ не пересказала по-
вторяшь ему. Предложилъ ему

свое за него у дяди его предстательство ; но обязывалъ его самого припомъ пишеть къ Сиру Гофруа , испрашивая его прощенья.. Руброкъ послѣдовалъ сему совѣту, и писалъ къ своему дядѣ весьма прогашельное письмо, которое другъ его взялся вручить ему. Письмо и убѣжденія друга произвели великую перемену въ чувствахъ Баронета. Возбудилась нѣжность его къ племяннику, котораго онъ съ младенчества его признавалъ своимъ наследникомъ. Размышлялъ, что обогативъ чуждую ему фамилию, опасши своей подвергнетъ нищету. Мыслию сею честолюбие его оскорблялось, и далъ замѣнить челоуищнику, что не былъ онъ удаленъ отъ примиренія съ своимъ племянникомъ.

Лади Грейстокъ, скрывшись въ ближнемъ кабинетѣ, выслу-

шла весь, приведши ее въ ужасъ разговоръ сей, и скоро овладѣло ею опчяніе, какъ увидѣла вошедшаго Ношаріуса, и внимала сказываемое оному мужемъ ея завѣщаніе въ пользу Рузброка.

Скоро попомъ дядя согласился увидѣнья своего племянника. Не хотѣлъ принять жену и дѣшей его, но дославлялъ имъ весьма изобильное вспомошествованіе, чрезъ пособіе кошораго все семейство его въ состояніи было отправиться съ полкомъ въ Америку.

Спустя малое время послѣ отбѣзда ихъ, Сиръ Гофруа получилъ ударъ паралича, отъ кошораго никакъ не возможно было надѣяться, чтобъ онъ выздоровѣлъ. Состояніе его способство-

вало намѣреніямъ Леди Грейспокъ. Въ комнату мужа ея никто не входилъ, кромѣ ея и такихъ людей, въ кошорыхъ она была очень увѣрена. Послала сыскашь Ношаріуса, служившаго ей и прежде по дѣламъ ея въ Ирландіи, и задобривъ его хорошо суммою денегъ, заставила написать завѣщаніе, похожее на то, кошорое уже дѣлалъ для нее Баронешъ. Поддерживала на рукахъ своихъ Баронеша тогда, какъ Ношаріусъ, водивъ руку умирающаго, принудилъ его подписать бумагу, къ кошорой еще двое, какъ свидѣтели, руки приложили. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ сего Сиръ Гофруа умеръ.

Другъ Рузброва, пекущійся о немъ, поспѣшилъ явиться, дабы ушвердиль право племянника. Прочитали завѣщаніе, найденное

въ кабинетѣ покойнаго , въ копоромъ Рузбровъ названъ былъ единственнѣмъ наслѣдникомъ. Но радость друга его была непродолжительна : повѣренные предсшали , и объявляли завѣщаніе послѣдней воли Сира Гофруа ; оная уничтожала прежнее. Чрезмѣрна была печаль и удивленіе друга Рузброкова ; предлагаемая ему бумага была столь ограждаема законнымъ порядкомъ , съ коимъ составлена , что никакъ не возможно было оспривашь оную. Подозрѣвалъ онъ однако же плутовство , и не перялъ времени сообщить Рузброку подозрѣнія свои.

Вдова шоропилась упорядить всѣ дѣла свои , и съ великою поспѣшностію возвратилась въ свою сторону , ошѣ кошорой давно уже удалена была. Боль-

пая часть ближайшихъ родственниковъ ея померли, и оставались ей изъ оныхъ только весьма дальніе, кои, привлекаемы прелестію богатства ея, прібіждали напомигать ей родство, и одинъ передъ другимъ старались оказывать услужливости. Госпожа сія усердіе ихъ упошребляла себѣ въ пользу, жила и наслаждалась на счетѣ ихъ, весьма бережлива бывъ на свое собственное имущество. Будучи приглашаема во многіе дома, рѣдко въ своемъ пребывала; судя по себѣ о другихъ, оказываемыхъ ей услужливости относила къ истинной ихъ причинѣ, къ корыстолобію, и внутренно смѣялась надъ ними, коихъ она по расчету ея за носѣ водила.

Спокойствіе, коимъ она наслаждалась два года, послѣдую-

ице смерти Сира Гофруа, было нѣсколько поколеблемо возвращеніемъ ея племянника изъ Америки, кошорѣй по совѣшу нѣкоторыхъ людей, свѣдущихъ въ судебныхъ дѣлахъ, началъ прошивъ ее процессъ, дабы уничтожить завѣщаніе, въ пользу ея составленное, и уже въ безпамятствѣ Сиромъ Гофруа подписанное.

Не очень она однако же огорчалась симъ произшествіемъ. Она знала, что Рузброкъ не имѣлъ денегъ продолжать дѣло сіе, и что приказные люди пошчасъ оставятъ его, какъ увидятъ, что имъ шутъ поживишься нечемъ. Но не взирая на то, принуждена была ѣхать въ Лондонъ для своего процесса. Размышляла она, что Аминна была бы для нее пріятна, не только для того, чтобъ составить ей компанію,

когда она останешся дома; но и для того, чшобъ дѣлать ей модные уборы, и чрезъ то избавишь ее отъ излишнихъ расходовъ.

Аминша сначала со всею силою пропивилась предложенію, удаляющему ее отъ отца; она увѣряла Фитзалана, что перемѣна видовъ ни мало не нужна ей къ возвращенію обычныхъ ей спокойствія и веселости, и что она всѣ силы употребитъ по доказашь ему. Фитзаланъ не сомнѣвался о искренности дѣлаемаго ею обѣщанія; но зналъ также невозможность, въ кошорой она находилась сдержашь оное. Говорилъ онъ ей, что разлука сія становилась весьма нужною; что онъ и самъ поправилъ бы свое здоровье, отдавшись нѣкошорому разсѣянію, въ

кошоромъ для нее онъ себѣ отказывалъ. На послѣдокъ уговорилъ ее, и она начала дѣлать пріуготовленія къ путешествію. Какъ надлежало ей возвращаться въ Англію чрезъ Голигадъ, то Фишзаланъ разсудилъ отправить Елену къ роднымъ ея до возвращенія дочери его въ Ирландію; что чрезвычайно нравилось Еленѣ, желающей увидѣть свое семейство, и поговорить съ ними о Шипѣ. При приближеніи отъѣзда печаль Аминты, оставивъ отца, раздирала душу ея, и она не могла скрыть оной. Не меньше чувствительна была скорбь Фишзалана. На послѣдокъ, въ минуту разлученія, послѣ послѣдняго обѣщанія и поцѣлу и другая оставляя другъ друга, мнили съ жизнію разлучаться. Самъ Фишзаланъ сооружалъ печальныя предчувствія; рассказывая, принудивъ

дочь свою къ опбвзду, и едва не предложилъ ей съ цимъ. оставь-ся.

Лади Грейспокъ, которая во всбхъ положеніяхъ и оборотахъ жизни пребывала всегда сама собою повелбвющею, возвспила ему, что онъ великой причинялъ вредъ дочери своей, отдаваясь та-кимъ движеніямъ, и напоминала имъ оббимъ, что разлука ихъ бу-дешъ не продолжишельна, и что Аминта получилъ отъ того вы-годности, которыхъ пренебечь не должно.

Разсужденія сіи успокоили отца. Онъ проводилъ оббихъ женщинъ до ихъ кареты; за оной послбдовала наемная коляска съ Еленою и комнашною женщиною. Лади Грейспокъ. Послб послбд-няго прощанія Фишзаланъ воз-

вратился въ свою комнату, и во зло всякаго разсудка, горько плакалъ, видя себя разлученнымъ еб дочерью своею.

Изъ глазъ Амипгы текли слезы по блѣднымъ и похудѣвшимъ щекамъ ея; удвоились онѣ, когда кареша съ вышины спустилась, и она обратила послѣдній взоръ на Карбери - Касшль.

Скоро примѣшила однако же, что не пріятна была для Лади Грейспокъ столь печальная спущеница; принуждала себя принять иѣкоторое успокоеніе и войти въ разговоръ.

Лади Грейспокъ великое множество имѣла друзей въ сей часши Ирландіи, копорую проѣзжала: шо никогда и не останавливалась ни въ какой корчмѣ.

Любезная моя! говорила она Аминиѣ: я всегда умѣла пользоваться дружбою, которую мнѣ оказывали, и сіе искусство доставляло мнѣ пріятную жизнь.

На шрешій день пріѣхали онѣ въ Дублинѣ, въ Саксвилъ-спреенѣ, гдѣ Лади Грейсшовѣ имѣла домѣ. Два дни спуспя, сѣли въ судно, и опправились въ Англію. Пріѣхавѣ въ Англезей, вочевали въ Голи-Гадѣ, и на другой день рано поушру пушмились въ пушѣ.

Конецъ второй Части.

